
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА»

Денисенко Владимир Никифорович — академик МАН ПО, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия — *главный редактор*

Красина Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия — *заместитель главного редактора*

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П. Машерова, Витебск, Республика Беларусь — *заместитель главного редактора*

Новоспасская Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия — *ответственный секретарь редколлегии*

Члены редколлегии

Бахтикиреева Улданай Максutowна — доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Беднарова-Гибова Клаудиа — доктор филологических наук (PhDr), лектор Института британских и американских исследований гуманитарного факультета, Университет г. Прешов, Республика Словакия

Владимирова Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор, Центр международного образования МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Нижников Сергей Анатольевич — доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Новикова Марина Львовна — доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Петров Александр Владимирович — доктор филологических наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым, Россия

Синячкин Владимир Павлович — доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Тарасов Евгений Фёдорович — доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики, Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Темиргазина Зифа Какбаевна — доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

EDITORIAL BOARD
BULLETIN OF PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY
series THEORY OF LANGUAGE. SEMIOTICS. SEMANTICS

Prof. Vladimir N. Denissenko — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow — *Editor-in chief*

Prof. Elena A. Krassina — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow — *Vice-editor-in chief*

Prof. Valentina A. Maslova — Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Balarus — *Vice-editor-in chief*

Dr. Natalya V. Novospasskaya — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow — *Managing Secretary*

Editorial Board Members

Prof. Uldanay M. Bakhtikireeva — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Prof. Klaudia Bednárová-Gibová — Institute of British and American Studies at the Faculty of Arts, University of Prešov, Prešov, Republic of Slovakia

Prof. Tatyana Eu. Vladimirova — Centre of International Educatuion, Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov; Moscow

Prof. Makhanbet Dzhusupov — Honored Professor of the Uzbek State World languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Prof. Sergey A. Nizhnikov — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Prof. Marina L. Novikova — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Prof. Alexander V. Petrov — Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky, Simferopol, Republic of Crimea, Russia

Prof. Vladimir P. Sinyachkin — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Prof. Evgeniy F. Tarasov — the Head of the Psycholinguistic Sector, Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Moscow

Prof. Zifa K. Temirgazina — Pavlodar State Pedagogical University Pavlodar, Republic of Kazakhstan

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА

2016, № 2

Серия издается с 2010 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

СФЕРЫ И ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА: КУЛЬТУРА, ГЕНДЕР, СЕМАНТИКА И СЕМИОТИКА

Иконникова О.Н., Кужарова И.В. О взаимосвязи культуры и бесписьменного языка ...	9
Переволочанская С.Н. О семантическом «квантовании» информации в слове (на материале языка А.С. Пушкина)	16
Карташкова Ф.И., Князева А.А. Коммуникативное поведение человека в ситуациях флирта (гендерный и семиотический аспекты)	26
Бураго Е.Г. Семиотика города: Киев как текст культуры	35

КОМПОЗИЦИОННО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЯЗЫКА И ТЕКСТА

Джусупов Н.М. Теория выдвигения в лингвистических исследованиях: истоки, тенденции, вопросы интерпретации	41
Заврумов З.А. Имплицитность иронии в семантическом пространстве художественного текста	51

Семенова С.Н. Композиционно-тематические блоки содержания жанра научно-популярной статьи, характеризующей предметную область «География» (на материале журнала “National Geographic”)	56
--	----

ТЕКСТОВЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ ФЕНОМЕНЫ СМИ

Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г. Афористическое отражение концептов <i>ВЛАСТЬ</i> и <i>ПОЛИТИК</i> в региональных СМИ (на материале татарского и марийского языков)	62
Сливчикова Ю.В. Цвет в политическом костюме как инструмент манипулятивного воздействия в газетно-публицистическом дискурсе	71
Макарова А.С. Роль фразеологических средств в построении публицистических текстов	77

ИДИОМАТИКА И АФОРИСТИКА В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Ломакина О.В. Отражение семантической инноватики фразеологизмов и пословиц в тексте (на материале языка Л.Н. Толстого)	84
Лиин Юань. Представление о корректном и некорректном поведении в русской паремиологической картине мира	94
Орлова Т.Г., Никулина Е.Ф. Выражение добра и зла в английских и русских пословицах как отражение менталитета английского и русского народов	101

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Семёнов А.Л., Ершов В.И. Перевод: структурирование текста	107
Александрова О.И., Николаева У.А. Стратегии перевода современных англоязычных фильмонимов на русский и испанский языки	113
Бобылева Е.С. Структурно-семантический анализ оронимов Чили	123
Фоменко Т.А. Социальная вариативность языковых средств при переводе художественных произведений (на материале романа Д. Митчелла «Луг Черного Лебедя»)	128

АФРИКАНИСТИКА: ЯЗЫК СУАХИЛИ

Хромов С.С. Интонация предикации и номинации в языке суахили	136
Семенкова Л.А., Фёдорова Н.Г. Некоторые тематические группы речевого этикета в языке суахили и их характеристика	145

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ И ФУНКЦИИ В НЕФЛЕКТИВНЫХ ЯЗЫКАХ

Азимова И.А. Употребление форм глаголов при аграмматической афазии (на примере узбекского языка)	152
Ким Н.Д. Типы предложений и функция сказуемого в корейском языке	158

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ

Майкова Т.А. Основные критерии отбора терминологической лексики при разработке лексикографической модели англоязычной терминологии социологии	165
--	-----

Меркурьева Н.М. Окказионализмы и новые слова-компози́ты в словаре сложных слов русского языка	175
--	-----

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

IV Международная научно-методическая конференция «Преподавание русского языка как иностранного в вузе: традиции, новации, перспективы». Москва, МГИМО (У) МИД РФ, 25—26 февраля 2016 г.	182
---	-----

НАШИ АВТОРЫ	185
--------------------------	-----

© Российский университет дружбы народов, 2016

© Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2016

BULLETIN

ACADEMIC JOURNAL

of Peoples' Friendship University of Russia

Founded in 1993

Series

**THEORY OF LANGUAGE.
SEMIOTICS. SEMANTICS**

2016, N 2

Series founded in 2010

Peoples' Friendship University of Russia

TABLE OF CONTENTS

SPHERES AND FORMS OF LANGUAGE EXISTENCE: CULTURE, GENDER, SEMANTICS AND SEMIOTICS

Ikonnikova O.N., Kuzharova I.V. On the Interaction of Culture and Non-literate Language	9
Perevolochanskaya S.N. On Semantic "Quantization" on a Word Level (basing on A.S. Pushkin language usage)	16
Kartashkova F.I., Knyazeva A.A. Communicative Behaviour of a Person in Situations of Flirtation (gender and semiotic aspects)	26
Burago E.G. City Semiotics: Kiev as a Culture Text	35

COMPOSITION AND STYLE RESOURCES OF LANGUAGE AND TEXT

Dzhusupov N.M. Foregrounding Theory in Linguistics: Foundations, Trends, Interpretations	41
Zavrumov Z.A. The Irony Implicity in the Semantic Space of Literary Text	51

Semenova S.N. Compositional-Topical Modules of Content of Scientific-Popular Genre, Characterizing Subject Area “GEOGRAPHY” (on the material of “National Geographic”)	56
---	----

MASS MEDIA TEXT AND DISCOURSE PHENOMENA

Khabibullina F.Ya., Ivanova I.G. Aphoristic Reflection of the Concepts of <i>POWER</i> and <i>POLITICIAN</i> in the Regional Media (on the material of the Tatar and Mari languages)	62
Slivchikova Yu.V. Colour in Power Dressing as a Manipulative Influence Tool of Political Discourse	71
Makarova A.S. The Role of Phraseological Units in Publicistic Texts	77

IDIOMOLOGY AND APHORISTICS IN LANGUAGE AND SPEECH

Lomakina O.V. Reflections of Phraseological and Proverbial Semantic Innovations (on the base of Leo Tolstoy’s language studies)	84
Lying Yuan. Reflection of Correct and Incorrect Behaviour in the Russian Paremiological World View	94
Orlova T.G., Nikulina E.F. On <i>GOOD</i> and <i>EVIL</i> Expression in English and Russian Proverbs as a Reflection of English and Russian Mentality	101

TRANSLATION STRATEGIES AND TACTICS

Semenov A.L., Ershov V.I. On Translation: Text Structuring	107
Aleksandrova O.I., Nikolayeva U.A. Translation Strategies of Modern English Filmonyms into Russian and Spanish (the example of films released in 2008—2014)	113
Bobylyova E.S. Structural-and-Semantic Analysis of Oronyms of Chile	123
Fomenko T.A. The Translation of Socially Variable Lexis (on the basis of the novel ‘Black Swan Green’ by D. Mitchell)	128

AFRICAN STUDIES: SWAHILI LANGUAGE

Khromov S.S. Intonation of Predicative and Nominative Syntagmas in Swahili	136
Semenkova L.A., Fyodorova N.G. Some Lexical Groups of Speech Etiquette in Swahili Language and Their Characteristics	145

VERBAL FORMS AND THEIR FUNCTIONS IN NON-INFLECTIONAL LANGUAGES

Azimova I.A. Usage of Verb Forms under Agrammatic Aphasias (the example of Uzbek language)	152
Kim N.D. Sentence Types and Predicate Functions in the Korean Language	158

LEXICOGRAPHIC INNOVATIONS

Maikova T.A. Basic Criteria for Terminology Selection in Compiling Lexicographic Model of Sociological Terminology in English	165
--	-----

Merkuryeva N.M. Nonce Words and New Composites in the Russian Language Dictionary of Compound Words	175
--	-----

SCIENTIFIC CHRONICLES

IV International scientific-and-methodical conference “ Teaching Russian as a Foreign Language in higher school institutions: traditions, innovations, prospects”. Moscow, MGIMO (U) RF Foreign Ministry. February, 25—26th, 2016	182
--	-----

OUR AUTHORS	185
--------------------------	-----

- © Peoples’ Friendship University of Russia, 2016
- © Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia.
Series Theory of Language. Semiotics. Semantics, 2016

СФЕРЫ И ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА: КУЛЬТУРА, ГЕНДЕР, СЕМАНТИКА И СЕМИОТИКА

УДК 008:81-21

О ВЗАИМОВЯЗИ КУЛЬТУРЫ И БЕСПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

О.Н. Иконникова, И.В. Кужарова

Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал Ростовского государственного экономического университета)
ул. Инициативная, 48, Таганрог, Россия, 347936
iconolga@mail.ru; renie09@yandex.ru

Экологический контекст языковой системы детерминирует неравномерность развития языков, архаичность одних языков в сравнении с другими языками. Статья посвящена культурообусловленным факторам, способствующим сохранению бесписьменной формы языка. Авторы приходят к выводу об обусловленности бесписьменной формы языка культурой по схеме: географическая изолированность → мифологическое сознание → бесписьменная форма существования языка. Языковой материал сэлишского языка кёр-д'ален подтверждает тот факт, что локальная культура архаичного бесписьменного языка консервирует древнейшие языковые черты, которые позволяют пролить свет на когнитивное освоение мира на этапах языкового развития, предшествующих письменности. В частности, значительное количество предикатов с прикрепленными лексическими суффиксами соматической семантики в языке кёр-д'ален свидетельствует о том, что части тела — исходная семантическая область в когнитивной репрезентации на начальных этапах развития языка.

Ключевые слова: бесписьменный язык, архаичный, культура, мифологическое сознание, экологический контекст, сэлишский язык кёр-д'ален.

Мир представляется человеку через призму его культуры, и в частности языка, являющегося неотъемлемым элементом культуры. Как отмечает М.М. Маковский, «человеческий язык является бесценным хранилищем древней культуры и истории людей» [7. С. 5].

Влияние экстралингвистических факторов на язык — общеизвестный факт. Однако проблема взаимовлияния и взаимосвязи культуры и бесписьменного типа языка является менее исследованной, что обуславливает актуальность нашей статьи, учитывая при этом наличие многочисленных современных сравнительно-истори-

ческих и типологических исследований с привлечением материала бесписьменных языков, а также непосредственным их описанием. В свете вышеуказанного целью нашей статьи является представление факторов, детерминирующих сохранение бесписьменной формы языка.

Справедливо отмечал А.П. Юдакин, что «сходные социальные условия зачастую питают сходными темами и идеями различные формы общественного сознания, детерминируют в определенной степени их сходную структуру и пути развития», и далее: «Тесная связь знания (мифологии) с его бытием в форме языка приводит к тому, что в их структурах, построенных по своим собственным правилам и законам, можно обнаружить массу соответствующих элементов, притом кардинальных» [10. С. 117].

Формула А.П. Юдакина коррелирует с антропологической школой культурологии, представители которой пришли к выводу, что все народы проходят общие ступени развития культуры, и что последующие ее периоды сохраняют в себе пережитки предшествующих [4. С. 123].

Одним из ярких представителей данного направления является Э. Тайлор, который явился основоположником типологического метода, позволяющего моделировать по этнографическим данным явления первобытной культуры. Он был один из первых, кто обратил внимание на повторяемость явлений культуры в пространстве и во времени, исходя из тезиса о том, что все народы и культуры соединены между собой в один непрерывный и прогрессивно развивающийся эволюционный ряд.

Исходя из вышеизложенных предпосылок, мы полагаем, что экологический контекст, в котором развивается языковая система, являющийся в том числе культурообусловленным, детерминирует неравномерность развития языков, архаичность одних языков в сравнении с другими языками.

Мы определяем под архаичным типом языка языки, которые в силу особых условий общественного развития своих носителей сохранили в большей степени древнее языковое состояние [1. С. 67]. Согласно нашим наблюдениям, древнее языковое состояние языка коррелирует с предграмматической моделью языка с отсутствием частеречной дифференциации.

Одним из критериев архаичного типа языка мы определяем бесписьменную форму его существования. По нашим наблюдениям, специфическим экологическим контекстом, обуславливающим архаичность языка, является территориальная изолированность его носителей, которая дает благодатную почву для мифологического сознания и мышления, что способствует сохранению бесписьменной формы архаичного языка.

Ю.М. Лотман отмечает, что для письменного сознания характерно внимание к причинно-следственным связям и результативности действий; с этим связано и обостренное внимание к времени и, как следствие, возникновение представления об истории. «Бесписьменная культура ориентирована не на умножение числа текстов, а на повторное воспроизведение текстов, раз навсегда данных. Роль письменности (т.е. коллективной памяти) здесь выполняют мнемонические сим-

волы — природные (особо примечательные деревья, скалы, звезды и вообще светила), созданные человеком идолы, курганы, архитектурные сооружения и ритуалы, в которые эти урочища и святилища включены. Сосредоточив внимание на действительно присутствующей здесь сакральной функции, наблюдатель склонен не замечать регулирующей и управляющей функции комплекса: мнемонический (сакральный) символ — обряд. Между тем, связанные с этим комплексом действия сохраняют для коллектива память о тех поступках, представлениях и эмоциях, которые соответствуют данной ситуации» [5].

Таким образом, справедливо утверждение В.М. Пивоева о том, что «письменный текст рационализирует сообщение, уменьшает возможность передачи иррациональных аспектов мифа» [8. С. 49]. В этом мы видим объяснение того, что для носителей архаичных бесписьменных языков характерен устный способ межпоколенной передачи информации. Несмотря на контакты с другими народами, уже имеющими письменность, у таких народов письменность не появилась в связи с обычаем хранить мифологические тексты в устной традиции, путем запоминания и передачи их последующим поколениям, что было вполне приемлемой альтернативой письменности. Немаловажную роль в этом процессе сыграла мифотворческая мысль со специфической логикой, образным и эмоциональным характером. Ведь как указывал Ф.Х. Кессиди, «мифологический образ — это не просто фантастическое, извращенное моделирование (идеализирование) какого-либо явления природы или исторического события: он представляет собой творение в воображении и с помощью воображения иной действительности — субъективной и иллюзорной, служащей не столько для объяснения чего-либо, сколько для оправдания определенных (священных) установлений, для санкционирования определенного сознания и поведения» [2. С. 41]. Эта «иная действительность» не может быть передана письменным текстом, т. к. потеряет свое обличье и смысл.

Кроме того, следует учесть тот факт, что в мифологическом сознании миф направлен на утверждение человеческих желаний и организацию коллективных действий, на внушение как чувства единства между членами коллектива, так и чувства гармонии (сопричастности) с мировым целым, т.е. миф выполняет не столько познавательно-теоретическую, сколько социально-практическую функцию, направленную на обеспечение единства и целостности коллектива [2. С. 45]. Таким образом, мифологическое мышление выполняет жизненно важную функцию интеграции, без которой микроколлектив, а, следовательно, и его бесписьменный язык, не существуют.

По мнению Ю.М. Лотмана, «для того чтобы письменность сделалась необходимой, требуются нестабильность исторических условий, динамизм и непредсказуемость обстоятельств и потребность в разнообразных семиотических переводах, возникающая при частых и длительных контактах с иноэтнической средой» [5]. А так как архаичные бесписьменные языки существуют благодаря экологическому контексту, связанному территориальной изолированностью их носителей, что не предполагает наличие вышеуказанных факторов, в частности, таких как столкновение разных «культурно-семиотических структур», а наоборот, наличествуют

такие культурообусловленные факторы, как изоляция, ограниченность торгово-военных контактов с внешними культурами, что является идеальным условием для «непрерывности культурной традиции», дальнейшего существования «бесписьменной цивилизации», а следовательно, и бесписьменной формы существования языка.

Г.С. Старостин также утверждает, что наличие письменной традиции в определенных условиях служит катализатором языковых изменений и что «культуры, в которых существует письменность и литературная традиция, окажутся говорящими на «инновативных», чем на «архаичных» языках» [9. С. 71].

Дж. Николс вводит важное лингвогеографическое понятие «противопоставление протяженных (представленных на равнинах с малым генетическим разнообразием) и замкнутых зон (ареалы, ограниченные горами, океанами и т.п. с высоким уровнем генетического разнообразия и языкового варьирования)». Так, высокая генетическая плотность и языковое варьирование Америки, Австралии, Новой Гвинеи, Кавказа обязаны именно действию фактора замкнутой зоны [3. С. 296].

Отметим, что именно в вышеперечисленных территориях мы наблюдаем наличие бесписьменных языков. Здесь мы можем говорить о локальных цивилизациях как ареалах распространения бесписьменных языков в контексте экологического подхода, который предполагает рассмотрение локальных цивилизаций в контексте единства общества и среды его обитания. При этом цивилизация понимается как «развивающаяся, устойчивая в своих типологических чертах историко-культурная и социально-экономическая система, детерминированная особенностями природно-ландшафтных условий и находящая свое выражение в специфическом комплексе хозяйственных, социальных, духовных и психологических черт» [6. С. 121].

Таким образом, мы приходим к выводу об обусловленности бесписьменной формы языка культурой по схеме: географическая изолированность → мифологическое сознание → бесписьменная форма существования языка. В связи с этим технологии исследования архаичных бесписьменных языков должны основываться на междисциплинарном подходе с привлечением данных комплекса когнитологических дисциплин. При этом первоочередное значение в изучении должно уделяться критериям архаичности языка: экологическому контексту языка, связанному с изолированностью его носителей, мифологическому сознанию и мышлению носителей языка и мифов как их объективизации, бесписьменной форме функционирования языка с непосредственным переходом к анализу системы языка.

В данной статье в свете нашего изложения приведем материал бесписьменного архаичного языка кёр-д'ален, который относится к элишской группе языков, распространен в резервации Кёр-д'Ален на севере штата Айдахо в США. Язык является вымирающим и находится под угрозой исчезновения, так как количество говорящих на языке составляло менее 10 человек в 1975 г.

Язык кёр-д'ален, как и другие элишские языки, является наиболее проблемным в плане частеречной дифференциации и выделения субстантивной лексики,

поскольку в нем существует два типа слов: предикаты и частицы. Этот факт обуславливает ценность текстов вымирающего языка кёр-д'ален и актуальность их анализа.

Материалом исследования послужили 12 текстов на языке кёр-д'ален, составленные по результатам полевых исследований американскими учеными Г. Ричард А. Маттина, затем проанализированный ими же, а также учеными Т. Монтлер и А. Доак. Каждое слово снабжено построчным переводом, морфемным анализом, транскрипцией [12].

Систематизировав языковой материал кёр-д'ален, мы выделили большое количество единиц — предикатов с прикрепленными лексическими суффиксами соматической семантики. Приведем некоторые из них:

1. *'ashch'qinmistus*
ʔec — sec — qin — min — stu — s
cust/wait (root) — **head** (lexical suffix) — relative — control — 3ergative
слушать к.-л. (букв. ждать голову);
2. *k'u'ltantsut*
k^wul' cin — t — sut
make (root) — **mouth** (lexical suffix) — transitive — reflexive
готовить (букв. делать себе для рта);
3. *tsaqtsaqene'ul*
caq — CVC — ineʔ — ul
hear (root) — augmentative — **ear** (lexical suffix) — habitual
быть послушным — (букв. слушать уши);
4. *hnp't'p't'osntsot*
hn — pat — CVC — us — n — t — sut
loc — mush (root) — aug — **eye** (lexical suffix) — directive — transitive — reflexive
мечтать, видеть сны (букв. каша на глаза);
5. *psachstmn*
pas — ic — stu — mi — n
surprise (root) — **hand** (lexical suffix) — control — 2 accusative — 1 ergative
Я подшучиваю над тобой (букв. Я удивляю рукой тебя);
6. *'unshenelgwes*
ʔu — hn — sen (root) — ilg^{wes}
stative — locative — work (root) — **heart** (lexical suffix)
решать (букв. работать сердцем);
7. *'aldarench*
ʔeɬ — dar — inc
Unundetified — convex (root) — **belly** (lexical suffix)
Солнце (букв. выпуклый живот);
8. *gwesqine'st*
g^{wis} — qin — iʔst
high — **head** (lexical suffix) — rock (lexical suffix)
высокий берег (букв. высокий — голова — скала);

9. et'sich'n

ҕес — ich

tie (root) — **back** (lexical suffix)

лук (букв. привязывать спина).

В текстах наблюдаются лексические суффиксы, обозначающие все основные части тела (голова, рот, ухо, глаз, рука, сердце, живот, спина). Это свидетельствует о том, что не только органический и неорганический мир обозначался через элементы человеческого тела, но и предикаты, коррелирующие с глаголами в индоевропейских языках. Очевидны онтологические предпосылки такого процесса: мы воспринимаем свое существование и объясняем мир вокруг нас согласно тому, что мы видим, слышим, чувствуем, используя части тела. М. Джонсон приходит к выводу: 'meaning, imagination and reason are closely tied to our personal experience and have a bodily basis' [11. С. 4].

К. Франклин указывает, что названия частей тела является исходной и основополагающей семантической областью в когнитивно-созидающей деятельности человека на заре человечества, квалифицируя их 'a natural and beginning semantic domain' [11. С. 4]. Материал архаичного языка кёр-д'ален подтверждает данное утверждение.

Таким образом, локальная культура архаичного бесписьменного языка консервирует древнейшие языковые черты, которые позволяют пролить свет на когнитивное освоение мира на этапах языкового развития, предшествующих письменности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Иконникова О.Н.* (2013). Архаичные языки в свете синхронно-диахронной экстраполяции / Диахрония некоторых грамматических категорий: монография [*Ikonnikova, O.N., Archaic languages in light of the synchro-diachronic extrapolation / Diachrony of some grammatical categories: monograph*]. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та им. А.П. Чехова. С. 59—85.
- [2] *Кессиди Ф.Х.* (1972). От мифа к логосу [*Kessidi, F.H. From the Myth to Logos*]. Москва: Мысль.
- [3] *Кибрик А.А., Плунгян В.А.* (2002) Функционализм // Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления [*Kibrik, A.A., Plungjan, V.A. From the Myth to Logos*] / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. Москва: Едиториал УРСС. С. 276—339.
- [4] *Коломиец Н.В., Островский С.В.* (2014). Когнитивный подход к проблемам типологии культуры // Современная когнитология и когнитивная аналитика в контексте философской инноватики / Научн. ред. проф. А.М. Старостин [*Kolomiec, N.V., Ostrovskij, S.V. Cognitive approach to the problem of the typology of cultures // Modern cognitology and cognitive analytics in context of philosophic innovatics*]. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС. С. 106—123.
- [5] *Лотман Ю.М.* Несколько мыслей о типологии культур [*Lotman, Ju.M. Some thoughts of the typology of cultures*] / Ю.М. Лотман // Языки культуры [Электронный ресурс] <http://www.countries.ru/library/texts/lotman.htm>. URL: 26.12.2014.
- [6] *Лубский А.В.* (2015). Глобализм и цивилизационный локализм: неоклассические теории локальных цивилизаций [*Lubskij, A.V. Globalism: Civilization paradigm in philosophy and life sense reflection. Materials of the conference with international participation*] // Цивилиза-

- ционная парадигма в философии и смысложизненная рефлексия. Сб. трудов научной конференции с международным участием. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС. С. 116—125.
- [7] *Маковский М.М.* (1995). У истоков человеческого языка [*Makovskij, M.M. At the source of the human language*]. Москва: Высшая школа.
- [8] *Пивовев В.М.* (1991). Мифологическое сознание как способ освоения мира [*Pivoev, V.M. Mythological consciousness as a way of mastering the world*]. Петрозаводск: Карелия.
- [9] *Старостин Г.С.* и др. (2016). К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с С.Я. Сатановским [*Starostin, G.S. To the sources of the linguistic diversity. Ten talks with S.J. Satanovsky about historical linguistics*]. Москва: Изд. Дом «Дело» РАНХиГС.
- [10] *Юдакин А.П.* (2007). Очерки по эволюционной типологии [*Judakin, A.P. Essays on the evolutionary typology*]. Москва: Гуманитарий.
- [11] *Franklin K.* (2008). Using Body Parts to Begin a Dictionary // Body Parts Dictionary / Karl Franklin. P. 1—12.
- [12] Tales with Historical Elements [Электронный ресурс] / Ivydoak.com/Coeur d'Alene/Reichard Texts.htm. URL: 11.05.2015.

ON THE INTERACTION OF CULTURE AND NON-LITERATE LANGUAGE

O.N. Ikonnikova, I.V. Kuzharova

Rostov Institute of Improving Teachers'
Qualification and Professional Retraining,
Taganrog Institute n.a. A. Chekhov (Rostov State University
of Economics Affiliation)
Initiativnaya str., 48, Taganrog, Russia, 347936
iconolga@mail.ru; renie09@yandex.ru

Ecological context of the language system determines the irregularity of the development of languages, archaic character of one language in comparison to others. The paper examines culture-dependent factors that contribute to the preservation of the unwritten language form. The authors come to the conclusion that the unwritten form of the language is determined by culture according to the following scheme: geographical isolation → mythological consciousness → unwritten form of the language. Linguistic material of the Salishan language Coueur'd Alene confirms the fact the local culture of the archaic unwritten language preserves the ancient language features that throw light on the cognitive mastering of the world at the stages of the language development that precede the appearance of the written language. In particular, a fair quantity of Coueur'd Alene predicates with lexical suffixes of somatic semantics attached to them indicates that body parts — is the initial semantic domain in the cognitive representation at the earliest stages of the language development.

Key words: unwritten language, archaic, culture, mythological consciousness, ecological context, Salishan language Coueur'd Alene.

**О СЕМАНТИЧЕСКОМ «КВАНТОВАНИИ»
ИНФОРМАЦИИ В СЛОВЕ
(на материале языка А.С. Пушкина)**

С.Н. Переволочанская

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 31а, Нижний Новгород, Россия, 603155
perevolochanskaja@yandex.ru

Слово в языке А. Пушкина характеризуется многомерностью, бесконечностью своих проявлений: оно пронизано ментальными ассоциациями. Новизна анализа заключается в описании семантического фрагмента языка поэта-классика с целью установления общих семантических законов на сломе стилистических эпох. Научная ценность проведенного исследования лексических единиц с семантической доминантой «поэт» заключается в попытке понять, как А. Пушкин меняет отношение к языковому знаку. Для выражения смыслового богатства ему требуются новые формы семантического «квантования». Специфика поэтического слова заключается в особой семантической насыщенности, компактность его содержания соотносима с компрессией информации. Исследованный материал позволяет сделать вывод о том, что слово в языке поэта обнаруживает свою символическую природу, образ «парит» над понятием, слово проявляет потенциальную предикативность, соотносится с целым текстом.

Ключевые слова: смысловой субстрат, «гипероболочка» поэтического слова, креативные формы семантического выражения, образ, семантическое квантование.

В начале XIX в. (как и в начале XXI в.) в языке шли поиски новых форм семантического квантования информации. Данный процесс нашел завершение в языке Пушкина-поэта.

В поэзии существует особая информационно-смысловая среда текста, которая создается благодаря «тесноте стихового ряда» (термин Ю.Н. Тынянова). При всей своей условности поэтический язык «способен „паковать” и „ужимать” информационные потоки в гипероболочку поэтического слова» [2. С. 245].

Новизна данной работы определяется когнитивной стратегией описания, которая заключается в анализе семантического фрагмента языка поэта-классика с целью установления общих семантических законов на сломе стилистических эпох. Этим определяется и научная ценность анализа фактов языка А. Пушкина, которые свидетельствуют об изменениях внутри языкового знака, о диспропорции означаемого и означающего. Задача исследования заключалась в описании предпосылок, которые привели к расширению границ знака в парадигме языкового мышления поэта.

Проникновение в его творческую лабораторию позволило сделать вывод о том, что язык на определенном этапе развития оказался неготовым обеспечивать языковыми единицами информационный прорыв в осмыслении новых реалий. *Процесс демократизации* языка привел к семантическому сбою. Когнитивная

стратегия по освоению нового смыслового пространства языка предполагала изменения в категориальной сетке мышления, выработку новых семантических технологий: отказ от канонических правил, норм требовал от поэта нового формата слова — **слова-символа**, которое через намек способно было бы раскрывать бесконечность смысловой перспективы. А его семантическое содержание было бы представлено как способ классификации и хранения информации. «Содержание слова — лишь светящаяся точка над остающимся в тени массивом того, что им обозначается» [4. С. 113].

Почему для описания сложившихся проблем интересен А. Пушкин? Во-первых, потому, что его гений формировался в период разрешения противоречий между различными парадигмами — информационной, культурно-исторической, художественной, стилистической [3]. Во-вторых, творческая эволюция поэта, а лучше сказать — революция в его сознании, совершилась за очень короткое время и проявила себя в стремительной смене художественных приемов в рамках трех направлений: классицизма — романтизма — реализма. Результат — создание новой, национально ориентированной системы языковых ценностей: креативность его творчества обеспечила превалирование образности над рассудочными конструктами.

Для семантического анализа были отобраны языковые единицы, входящие в одну тематическую парадигму, содержание единиц которой соотносится с темой «творчество». Самое значительное количество лексических единиц собрано вокруг семантической доминанты «поэт», они образуют очень «объемный» ряд¹:

*поэт (454), певец (124), стихотворец (74), поит (17), братия (братья) (16), рифмач (9), бард (8), трубадур (7), баян (баян) (5), скальд (5), лирик (4), миннезингер (4), менестрель (минстрель) (3), поита (3), песенник (3), стихоплет (2), метроман (2), пиесец (1), трувер (1), песнопевец (1), песнотворец (1), стиходей (1), стихоткач (1), стопосложитель (1), рифмодей (1), рифмоплет (1), рифмотвор (1), маратель (1), пачкун (1). **Условные обозначения поэта:** Орфей (2), Пиндар (1), Парни (1), Клит (1), Арист (1). **Индивидуальные обозначения плохого (бездарного) поэта:** Свистов (6), Графов (4), Графон (Грифон) (2), Рифматов (2), Бибрус (1), Глупон (1), Рифмов (1), Хлыстов (1). **Перифразы. Поэт:** владетель умственных даров (1), певец любви (?), любимец муз (3), беспечный Пинда посетитель (1), любимец муз и граций (1), любовник верных муз (1), питомец Аполлона (1), питомец Муз и Аполлона (1), питомец Муз и вдохновенья (1), питомец нег и Аполлона (1), сын Парнаса (1). **Поэты:** строи Парнасса (1), родня по вдохновенью (1), родня по музе (1), рыцари парнасских гор (1), цех задорный Людей (1), Олимпийская семья (1), Парнасский народ (1), жрецы единых муз (1), служители Парнасса (1), Парнасские жрецы (2), фебовы жрецы (1), мои парнасские клеветы (1), Геликон Российский (1), внуки Аполлона (1); толпа служителей Парнасса (1), питомцы Муз и Аполлона (1), питомцы Феба и забавы (1); владельцы русской лиры.*

¹ В скобках указано количество употреблений данной единицы. В текстовых примерах здесь и далее соблюдена авторская (пушкинская) орфография и пунктуация. Текстовые примеры приводятся по Полн. собр. соч. А.С. Пушкина в 16-ти тт. М., 1937—1959.

Индивидуальные обозначения поэтов: М.В. Ломоносов — *Пиндар Холмогора; Гораций — Тибурский мудрец; В.К. Тредиаковский — отец второй «Телемахиды», Ретивой музою прославленный певец, Мевия надутый образец; Г.Р. Державин — татарин бритый; певец Екатерины; В. Кюхельбекер — мой брат родной по музе; А.А. Дельвиг — вещун пермесских дев; парнасский волокита; парнасский брат; муз возвышенный пророк; Муз невинных Лукавый духовник; певец, воспевавший Вакха и Темиру; К.Н. Батюшков — певец пенатов молодой; друг пермесских дев; певец забавы; поклонник мирных Аонид; наперсник милых Аонид; парнасский счастливейший ленивец; Харит изнеженный любимец; Парни российский; Анакреон — певец Тиисский; И.С. Барков — высот Парнаса Боярин небольшой, Но пылкого Пегаса, Наездник, удалой; поэт, проклятый Аполлоном, Испачкавший простенки кабаков, Под Геликон упавший в грязь с Вильоном; А.П. Сумароков — и с Пинда сброшенный и проклятый Расином; А.А. Шишков — шалун, увенчанный Эратой и Венерой; балованный питомец Аполлона; Д.И. Хвостов — Конюший дряхлого Пегаса, служитель отставной Парнасса, родитель стареньких стихов, И од не слишком громозвучных, И сказочек довольно скучных; Вольтер — оракул Франции, султан французского Парнаса, Соперник Эврипида, Эраты нежный друг, Арьоста, Тасса внук; отец Кандида; Сын Мома и Минервы; Д. Байрон — Феба образец; В.Л. Пушкин — парнасский мой отец; питомец Феба; Буянова певица; А.Г. Родзянко — наместник Феба и Приапа; Н.А. Корсаков — певец, любимый Аполлоном; Д.П. Горчаков — наперсник муз; Н.И. Гнедич — избранник Феба; И.С. Тургенев — ленивец милый на Парнасе; А.С. Пушкин — питомец чистый муз; школьник непрележный Парнасских девственниц-богинь, любовник муз уединенный; Д.И. Фонвизин — творец, любимый Аполлоном; блюститель чести муз усердный; Сатиры смелой властелин; В.А. Жуковский — наперсник муз любимый; Царей певец избранный, Крылатым гением и Грацией венчанный; северный Орфей; скальд России вдохновенный; И.Ф. Богданович — наперсник милый Психеи златокрылой; Гомер — болтун страны Эллинския; П.А. Катенин — наперсник важных Аонид.*

В рамках данной статьи нет возможности рассмотреть смысловые потенции всех компонентов ряда. Для описания семантических фактов воспользуемся несколькими единицами, послужившими базой для деривационных отношений, которые работают как фактор семантического укрупнения. Деривационное поле формируется на базе основ существительных *стих, рифма, стопа, песня (песнь)* с общим значением «единица ритмической организации текста» и основ глаголов *петь, плесть, марать, пачкать, квакать* с общим семантическим компонентом «писать, заниматься поэтическим творчеством». Деривационная разветвленность приводит к семантическому разбиению, свидетельствующему о когнитивном поиске поэтом образных номинаций. Словообразовательная активность в этом поле распространяется в зоне действия нескольких семантических направлений: «обозначение поэта», «индивидуальные номинации поэта», «процесс создания стихов», «поэтическое творчество», «результат поэтического творчества», «признак (по отношению к поэзии)». Данные можно представить в табл. 1.

Словообразовательная активность существительных

Семантическое направление	СТИХ	РИФМА	ПЕСНЯ (ПЕСНЬ)	СТОПА
Результат поэтического творчества	стих (565) стихотворение (119) стишок (18) стишонки (2)	рифма (61)	песня /песнь (310) песенка (12) песнопенье (6) песенник (1)	стопа (5)
Обозначение поэта	стихотворец (76) стихотвор (1) стихоплет (2) стихотворец (1) стихоткач (1)	рифмотор (1) рифмоплет (1) рифмодей (1)	песенник (3) песнопевец (1) песнотворец (1)	—
Индивидуальные номинации поэта	—	Рифмов (1) Рифматов (1)		стопосложитель (1)
Процесс создания стихов	стихотворствовать (1)	рифмовать (1)	петь (74)	
Поэтическое творчество	стихосложение (16) стихотворство (8)	рифмичество (1)	песнопенье (3)	
Признак (по отношению к поэзии)	стихотворный (11) стихотворческий (3) стишистый (1)	рифмованный (1)	песенный (1)	

Коннотации, передающиеся через словообразовательные сегменты — корневые и суффиксальные морфемы, носят ярко выраженный оценочный характер.

Нужно отметить, что лексемы *стихоткач*, *рифмотор*, *рифмач*, *стихотворец*, *рифмодей* и другие не являются пушкинским изобретением, они известны были в поэзии предшественников и современников поэта. Новое в них — способ семантического наполнения. Эти единицы начинают эффективно работать в новых контекстных условиях. Будучи эмоционально маркированными, они втягивают в свой семантический ракурс другие единицы. В новых контекстных условиях эти лексемы реализуют определенный спектр оценочности: от указания на посредственного поэта до шуточного обозначения собратьев по перу; от негативной оценки к положительной; от выражения пренебрежительного отношения до выражения высокого понимания поэтического творчества.

Данные семантические нюансы являются для А. Пушкина средством индивидуальной характеристики того или иного поэта. В поисках образности он легко смещает акценты из области нейтральной оценочности (*российские стихотворцы*, *французские рифмачи* — указание на национальную принадлежность; *стихотворец великородный* — указание на сословную привилегированность, о князе И.М. Долгорукове, русском поэте, драматурге) в область легкой иронии (*пустынный-рифмотор* — шуточно о себе; *модные рифмачи*), а затем в область негативной оценки (*стихоткач* — поэт-ремесленник; *стопосложитель хилый* —

о В.К. Третьяковском; *стихотворец хилый* — о французском поэте Шаплене, осмеянном в сатирах Буало; *фальшивый песнопевец* — о Беранже).

Отметим, что словообразовательные морфемы в семантическом отношении здесь оказываются менее значимыми, основную эмоциональную нагрузку в пушкинском тексте несут другие компоненты. Для создания шутливо-иронического колорита автор использует определения, конкретизирующие ту или иную номинацию (*хилый, фальшивый*).

А. Пушкин применяет образные новообразования не только в поэтических текстах, но и эпистолярном жанре, который является для поэта творческой лабораторией, где формируется авторский стиль. «...Я богат через мою торговлю стихистую, а не прадедовскими вотчинами, находящимися в руках Сергея Львовича» (Из письма С.А. Соболевскому, занимавшемуся изданием II главы «Евгения Онегина», 1827 г.). Прилагательное *стихистый* образовано от существительного *стихи* при помощи суффикса -ИСТ- с общим значением «отличительный признак чего-либо». В нашем случае это признак, имеющий отношение к поэзии, результату поэтического творчества. Необычным следует признать и сочетание *торговля стихистая*: значение опорного компонента — «занятие продажей какого-либо товара», зависимый компонент — *стихистый* — указывает на предмет торговли, но это не просто торговля стихами, а указание на промысел, который приносит не только творческое удовлетворение, но и значительный доход. Здесь А. Пушкин пользуется излюбленным приемом — соединением единиц разных стилистических стихий, что провоцирует появление богатых смысловых ассоциаций.

Глаголы в представленном ряду дают небольшое количество производных. Глагол *плесть* проявляет свою специфику только в сочетании *рифмы плесть* со значением «писать плохие стихи / неумело писать, сочинять пустое»: *Арист, не тот поэт, кто рифмы плесть умеет И, перьями скрывает, бумаги не жалеет. Хорошие стихи не так легко писать* (К другу стихотворцу); или *Рубенсом на свет я не родился, Не рисовать, я рифмы плесть пустился* (Монах). Для сравнения: *на рифмах вдруг заговорю* — «писать стихи легко и просто»; *мне странная нашла охота к рифмам; охота смертная на рифмах лепетать; Когда ж нечаянной порой Стихи кропать найдет охота* — «испытывать поэтическое вдохновение».

Глаголы *заговорить, лепетать, кропать* в прямых значениях не имеют отношения к поэтическому творчеству, но контекстные условия втягивают их в эту семантическую сферу, они оказываются положительно окрашенными. В значении данных единиц намечается семантический сдвиг. Глаголы, которые изначально отличались в своих значениях (*заговорить* — «начать выражать свои мысли»; *лепетать* — «говорить невнятно, бессвязно»; *кропать* — «писать без особого умения, плохо»; два последних глагола в этом ряду с ярко выраженным оттенком пренебрежительности), вступают в синонимические отношения. Доминирующий смысл в этих отношениях — «творить, сочинять, **вдохновенно** выражать истинные чувства, испытывать высшее состояние творческого духа». Как видим, данные глаголы оказываются противопоставленными по значению глаголу *плесть* (*плести*). Антонимические отношения строятся на семантическом признаке 'вдохновение' с последующей трансформацией → 'дар' / 'божий дар': его присутствие или отсутствие и определяет истинную ценность творца-поэта.

Словообразовательная активность глаголов

Семантическое направление	ПЕТЬ	ПАЧКАТЬ	МАРАТЬ	ПЛЕСТЬ	КВАКАТЬ
Процесс создания стихов	петь (74) запеть (2) пропеть (2)		марать (4) намарать (5)	плесть (2) в соч. плесть рифмы	квакать (1)
Обозначение поэта / писателя	певец (124) певун (1)	пачкун (1)	маратель (1) марака (1)	—	—
Индивидуальные номинации поэта	см. перифразы	—	—	—	—
Поэтическое творчество	пение (пенье) (9)	—	маранье (1)	—	—
Результат поэтического творчества	песня (песнь) (310)	—	—	—	—

В пушкинских текстах внутреннее семантическое раздвоение происходит с глаголом *марать* и его производным *намарать* (*намаранный*). Семантическое пространство поляризуется на базе качественного различия самого процесса создания стиха: «писать неумело, плохо, без особого таланта, бездарно» ↔ «творить, писать свободно, вдохновенно, талантливо». Последнее при этом полностью теряет оттенок пренебрежительности. Сравни:

- ◆ *О вы, которые, восчувствовав отвагу, Хватаете перо, мараете бумагу (...)*
Постойте — наперед узнайте, чем душа У вас исполнена — прямым ли вдохновеньем Иль необдуманном одним поползновеньем, И чешется у вас рука по пустякам (Французских рифмачей суровый судия).
- ◆ *Но признаюсь, барон, я грешен: Стихам я больше был бы рад. Ты знаешь сам: в минувшии годы Я на берегу парнасских вод Любил марать поэмы, оды (Дельвигу); в минуту вдохновенья Небрежно стансы намарать* (Послание к Юдину); *послание к калмычке, намаранное мною на одной из кавказских станций* (Путешествие в Арзрум).

Дилемма заключается в том, что пушкинское сознание провоцирует смысловую игру: убирается особая высокопарность слов, связанных с процессом творчества, некая театральность и «постановочность» при описании самого творческого процесса. А. Пушкин ищет истину в простоте, «в бытовом контексте». Поэту удалось это выразить в прозаическом тексте «Египетские ночи»: *В кабинете его [Чарского], убранном как дамская спальня, ничто не напоминало писателя; книги не валялись по столам и под столами; диван не был обрызган чернилами; не было того беспорядка, который обличает присутствие музыки и отсутствие метлы и щетки. (...) Однако ж он был поэт, и страсть его была неодолима: когда находила на него такая **дрянь** (так называл он вдохновение), Чарский запирался в своем кабинете и писал с утра до поздней ночи. Он признавался искренним своим друзьям, что только тогда и знал истинное счастье.*

Таким образом, **дрянь** ← вдохновение → **счастье** (присутствие музыки) и есть мерило истинного поэта. Тогда становится понятным выбор лексемы *марать* для

обозначения эмоционального переживания творческого процесса. Лексема вступает в эстетическое противоречие с содержащимся в ней семантическим оттенком пренебрежения, в то же время создает семантическую интригу. *Но ежели когда нибудь, Желая в неге отдохнуть, Расположась перед камином, Один, свободным господином, Поймаю прежнему мысль мою, — То не для имени поэта Мараю два иль три куплета И их вполголоса пою* (Моему Аристарху). Семантическая гармония достигается снятием противоречия в паре, отражающей причинно-следственные отношения, *мараю* → *вполголоса пою*. В этом и заключается суть творчества. Неслучайно глагол *петь* в рамках рассматриваемой парадигмы по своей словообразовательной активности является самым продуктивным. Например, лексема *певец* используется в качестве опорного слова перифразы и образует разветвленную сеть перифрастических номинаций (см. выше).

В рамках данных рассуждений интересно рассмотреть семантическую динамику глаголов, отражающих разнообразие способов передачи эмоционального переживания поэта: *плакать* → *квакать* → *жалеть* → *петь*.

Спровоцированные статьей В. Кюхельбекера рассуждения о судьбе жанра элегии нашли отражения в следующих пушкинских строках: *Критик строгой Повелевает сбросить нам Элегии венок убогой, И нашей братье рифмачам Кричит: «Да перестаньте плакать, И все одно и то же квакать, Жалеть о прежнем, о былом: Довольно, пойте о другом!»* (Евгений Онегин, IV, 32). Семантической кульминацией в глагольном ряду является лексема *квакать*, которая задает определенный эмоциональный тон контексту, провоцирует интенсивную работу по интерпретации предложенного текста. К тому же данный глагол, употребленный в переносном значении «однообразно повторяться», содержит яркую коннотацию — семантический оттенок уничижительности, перекликающийся с определением в словосочетании *элегии венок убогой*. Эмотивная семантика порождает смысловые доминанты: *плакать* («писать сентиментальные стихи») → 'чувствительность' // *квакать* → 'унылое однообразие' // *жалеть* («писать о вечных страданиях») → 'печаль' // *петь* (восхвалять *кого/что* в стихах) → 'торжественность'. Последнее есть семантическая сущность жанра оды. Итак, слово, выведенное на поверхность пушкинского текста, выглядит очень простым, семантически компактным, с идеально упакованными смыслами, в том числе и оценочными. Непосредственно воспринимаемый текст намекает на смысловую подоплеку, провоцируя к моделированию нового текста: призыв к смене жанровых приоритетов — от элегии к оде. Позднее А. Пушкин намекает на отказ от поэзии, романтические строки сменяют реалистические *хладные мечты*: поэт отдает предпочтение прозе (а если смотреть шире, то здесь идет речь и о смене направлений — от романтизма к реализму). *Лета к суровой прозе клонят, Лета шалунью рифму гонят, И я — со вздохом признаюсь — За ней ленивей волочусь. Перу старинной нет охоты Марать летучие листы; Другие, хладные мечты, Другие, строгие заботы И в шуме света и в тиши Тревожат сон моей души* («Евгений Онегин», VI, 43).

Семантически «плотной», энергетически емкой оказывается лексема *рифма*. Ее стохастическое содержание (семантическая вертикаль) создает бесконечную

перспективу в развертывании по смысловой горизонтали. Этому способствует неоднократно производимый метонимический перенос. Лексема *рифма* проявляет семантическую активность, опираясь на сему 'созвучие', втягивает в орбиту своего действия разные смысловые области: стихи/поэзия — поэтическое творчество / ремесло — вдохновение — дар / отсутствие дара — высшее предназначение — рождение мифа. Движение в разных смысловых областях сопровождается они-мизацией лексемы: в мифе, созданном поэтом, рождается новое имя собственное, мифоним *Рифма-богиня* — единичное понятие. *Эхо, бессонная Нимфа, скиталась по берегу Пеняя. Феб, увидев ее, страстию к ней воспылал. Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога; Меж говорливых Наяд, мучась, она родила <...> Музам мила; на земле Рифмой зовется она (Рифма).*

Цепочки смысловых импликаций при построении образа в рамках заданных семантических областей выстраиваются разнонаправленно: от нейтральной нулевой отметки по оси положительной оценочности к высокому, и в обратном движении в рамках негативной коннотации от шуточного → ироничного → неодоб-рительного → пренебрежительного к бранному. Особая экспрессия рождается за счет шуточно-ироничного употребления.

Такое использование лексических единиц в поэтическом языке А. Пушкина сложно семантически (и даже стилистически) маркировать. Шуточный тон часто создает налет пренебрежительности, но сцепление семантических объемов слов в контексте вызывает смену полюсов: пейоративная окраска заряжает слово «положительной энергией». *Из мелкой сволочи вербужу рать. Мне рифмы нужны; все готов сберечь я, Хоть весь словарь; что слог, то и солдат — Все годны в строй: у нас ведь не парад (Домик в Коломне).*

В данном тексте в рассуждениях об октаве можно выделить целый ряд контекстных синонимов *сволочь (мелкая) / словарь / слог / солдат // вербужу рать / годны в строй* — все это номинации способов ритмической организации текста.

Ассоциативность мышления поэта, казалось бы, сопрягает несочетаемые области — поэтическую свободу и армейскую несвободу. Следствие такой сочетаемости — эффект эмоционального воздействия. На самом же деле сопряжение происходит на базе общей семы 'порядок', что свидетельствует о том, что поэзия — это не анархия чувства, а чувство, подчиненное ритму. Для сравнения: *Музыку я разъял, как труп. Поверил Я алгеброй гармонию (Моцарт и Сальери).*

Шуточный тон и в дружеской переписке может иметь два вектора семантической направленности: положительной (*Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору, (...) извольте-де **браниться в рифмах**, извольте жаловаться в стихах*, Из письма П.А. Вяземскому, 1825 г.); и в высшей степени негативный, где значение лексической единицы приобретает ярко выраженный оттенок уничижительности. В эпистолярном наследии поэта находим эвфемистические замены предельно экспрессивных бранных выражений, стоящих за рамками литературного языка. *К стати о гадости — читал я Федру Лобанова — хотел писать на нее критику, (...) — перо вывалилось из рук. И об этом у вас шумят, и это называют ваши журналисты прекраснейшим переводом известной трагедии г. Ра-*

сина! (...) – *мать его в рифму!* вот как все переведено (Из письма С.Л. Пушкину, 1824 г.); [О недобросовестности издателя Ольдекопа] *Ольдекоп, мать его в рифму; надоел! Плюнем на него и квит* (Из письма П.А. Вяземскому, 1824 г.). Понятно, что трансформированный оборот есть междометный способ выражения определенного эмоционального состояния автора, оно выдержано в определенной эстетической парадигме.

Подводя итоги, отметим, что проведенный в рамках данной статьи анализ позволяет говорить о семантическом уплотнении лексических единиц в языке А. Пушкина, семантическая компрессия приобретает вид сжимающейся пружины, готовой в любую минуту развернуться в определенной информационной среде, смысловая активность такой единицы вынуждает напряженно работать воображение и автора, и читателя.

Разложение семантической «материи» (квантование) на минимальные дискретные единицы в языке А. Пушкина — сложный процесс, который осуществляется в двух системах координат. Структурирование по вертикали представляет собой многоуровневое квантование, отражающее стохастическую структуру семантического содержания, соотносимую с импликационалом значения. Уровни семантической энергии представляют собой реализацию валентности лексической единицы — способности проявлять свою потенцию «в действии». Горизонтальная ось — своеобразные «шаги» в разворачивании потенциальных семантических признаков в смысловой перспективе текста. Она моделируется в пушкинском сознании благодаря семантической привязанности к первичному образу (архетипу), его смысловая валентность, понимаемая как потенция слова, проявляется в способности активно разворачивать энергию смысла в текстовой перспективе.

Для выражения смыслового богатства автору требуется символическая форма, где **образ** господствует над понятием, где слово начинает проявлять потенциальную предикативность, соотносится с целым текстом. Проекция авторской мысли направлена на символический субстрат слова, залегающий в зоне сознательного и бессознательного, языкового и неязыкового знания, чем и обеспечивается поиск креативных форм выражения. В этом проявляется стилистическое, семантическое разнообразие в рамках одной лексической единицы.

Таким образом, семантическое квантование содержания основано на ассоциативной образности. Образ «парит» над понятием, «пакуется» в символическую оболочку пушкинского слова и является результатом авторской рефлексии, которая представляет собой «энергийно-смысловой конструкт сознания» [1. С. 4].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Карманова З.Я. (2001). Феноменологические аспекты содержательной структуры слова [Karmanova, Z. Ja. Phenomenological aspects of substantial structure of the word]. Автореферат дисс. докт. филолог наук. Москва.
- [2] Переволочанская С.Н. (2009). Смысловая рефлексия при выработке синтетического стиля в языке А.С. Пушкина [Perevolochanskaja, S.N. Sense reflexion when creating synthetic style in Pushkin's language] // Вестник Челябинского педагогического университета. № 10.2. С. 243—252.

- [3] *Переволочанская С.Н.* (2009). Роль личности в истории языка (А.С. Пушкин: ретроспектива и перспектива языкового развития) [*Perevolochanskaja, S.N.* The Role of Personality in the History of a Language (A.S. Pushkin: retrospective and perspective of a language development)] // *Болгарская русистика*. Т. 2. С. 87—102.
- [4] *Рубинштейн С.Л.* (1959). Принципы и пути развития психологии [*Rubinshtejn, S.L.* Principles and ways of psychology development]. Москва: Издательство АН СССР.

ON SEMANTIC “QUANTIZATION” ON A WORD LEVEL (basing on A.S. Pushkin language usage)

S.N. Perevolochanskaya

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Russia
Minina str., 31a, Nizhny Novgorod, Russia, 603155
perevolochanskaja@yandex.ru

A word in A. Pushkin language can be characterized as multidimensional, endless in its manifestations — it is penetrated with mental associations. The novel nature of the analysis lies within the description of a semantic fragment of the classic poet's language aimed at settling semantic laws common to the breakdowns of semantic epochs. The academic value of the research based on language units with a strong semantic reference to a 'Poet', is seen in attempting to understand A. Pushkin's changing attitude to a language sign. To express the range of sense it needs new forms of semantic “quantization”. The specificity of a poetic word is intensity; compactness of its contents can be correlated with information compression. The investigating material helps us to conclude that a word in the language of a poet demonstrates its symbolic nature, the image is above the concept, and a word demonstrates its potential predication correlating with the whole text.

Key words: semantic substrate, “hyperhomology” of a poetic word, creative forms of a semantic expression, image, semantic quantization.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СИТУАЦИЯХ ФЛИРТА (гендерный и семиотический аспекты)

Ф.И. Каргашкова, А.А. Князева

Ивановский государственный университет
ул. Ермака, 39. Иваново, Россия, 153000
KnyazevaAnastasia@mail.ru

Статья посвящена описанию специфики развертывания коммуникативного поведения человека в ситуациях флирта. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы описать особенности невербальной составляющей флирта и ее взаимодействие с вербальной на разных этапах отношений коммуникантов. Коммуникативный жанр *флирт* рассматривается как фрагмент общения мужчины и женщины (инициаторов флирта), который имеет свою динамику, и выделяют три основных этапа развертывания ситуации флирта, на каждом из которых выявляются типичные вербальные и невербальные составляющие поведения коммуникантов.

Ключевые слова: коммуникативное поведение человека, коммуникативный жанр, сложное коммуникативное целое, речевые акты, теория речевой деятельности.

ВВЕДЕНИЕ

Общение романтической направленности мужчины и женщины в последнее время изучается в рамках речевого жанра *флирт*, который был выделен такими исследователями, как А. Вежбицка (2003) [1], В.В. Дементьев (2010) [2], Д. Колоян (2006) [5], Т.Г. Ренц (2011) [9]. Вместе с тем анализ работ, посвященных данной тематике, показывает, что невербальная составляющая данного вида речевого жанра изучена недостаточно, хотя она и играет существенную роль в развертывании флирта. В ходе исследования выявлены основные коммуникативные тактики игры на повышение у коммуникантов-мужчин и коммуникантов-женщин, а также рассмотрены основные виды невербального поведения у коммуникантов-мужчин и коммуникантов-женщин. Ситуации флирта анализировались в рамках сложных коммуникативных целых (СКЦ), под которыми понимаются отрезки художественного текста, фиксирующие последовательность тех или иных коммуникативных актов, которые состоят из вербальных и невербальных компонентов, и совокупность которых способствует консенсусу коммуникантов [4. С. 13]. На наш взгляд, можно выделить три основных этапа развертывания флирта: 1) начальный этап, 2) этап сближения, 3) завершающий этап (который задает вектор будущих отношений).

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МУЖЧИНЫ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ФЛИРТА

Рассмотрим особенности коммуникативного поведения мужчины — инициатора флирта на начальном этапе ситуации флирта. Вербальный компонент данного речевого жанра мужчины характеризуется большим количеством общих и специ-

альных вопросов. Данный коммуникативный ход детерминирован прагмаустановкой инициатора флирта получить информацию об адресате (*"Do you like it here?; Have you worked here long? What's your profession? What's your specialty?"*). Кроме того, для этого этапа также характерны инвитивы по классификации А.А. Романова [9. С. 17]: *"Then see me tonight for dinner", "I would like to take you to dinner sometime"*.

Невербальное поведение мужчин на данном этапе отличается рядом особенностей. Превалирующими являются миремический и мимический виды. Миремический невербальный компонент коммуникации (НВК) представлен языковыми номинациями, в основе которых лежат глаголы с семантикой прямого взгляда (*to stare; to gaze*) и глагольно-адвербиальные словосочетания, описывающие динамику взгляда (*to watch slowly*). Следующий пример демонстрирует проявление миремического вида НВК в ситуации флирта: *And for some reason, I'm confounded and heated by his steady gaze. His eyes are alight with some wicked thought. "I own my company. I don't have to answer to a board." He raises an eyebrow at me. I flush* [12].

Мимические НВК в поведении мужчин — инициаторов флирта на начальном этапе развития флирта манифестируют проявление симпатии, которую испытывает мужчина по отношению к женщине. Миремический НВК в невербальном поведении мужчины представлен языковой номинацией (ЯН) *steady gaze*, в состав которой входят части речи с семантикой пристального взгляда. Взгляд мужчины описан также с помощью следующей предикативной фразы: *"his eyes are alight with some wicked thought"*. Миремический НВК (ЯН — *his eyes are alight*), выраженный предикативной фразой, свидетельствует о том, что мужчина испытывает симпатию. Миремический НВК мужчины представлен глагольным словосочетанием с семантикой движения бровей: *he raises an eyebrow at me*.

Мимические НВК представлены языковыми номинациями, в основе которых лежат глаголы/глагольные словосочетания, описывающие такой семиотический компонент поведения коммуниканта, как улыбка (*to smile; to give a smile*). Рассмотрим описание улыбки в следующей ситуации: *"But if you work so hard, what do you do to chill out?" "Chill out?" He smiles, revealing perfect white teeth. I stop breathing. He really is beautiful. No one should be this good-looking* [12].

В процессе развертывания коммуникативной ситуации **флирт** реализуются интенции ее участников, связанные с проявлением симпатии. Реализация коммуникативной интенции, согласно теории речевой деятельности, приводит к результатам, проявляющимся в изменении психического состояния коммуникантов [8. С. 121]. В то же время реализация намерений, как справедливо указывает Е.А. Красина, составляет иллокутивную силу высказывания [6. С. 57]. В этой связи правомерно говорить и о перлокутивном эффекте, проявляющемся в изменении эмоционального состояния адресата в ситуации флирта. При анализе коммуникативного поведения инициатора флирта важно учитывать, что иллокутивная сила высказывания/поступка на начальном этапе флирта связана с проявлением эмоциональной реакции симпатии, которую испытывает мужчина, и эксплицирует его намерение вызвать ответную эмоциональную реакцию адресата. На начальном этапе флирта перлокутивный эффект в реагирующем поведении адресата прояв-

ляется в психофизиологических реакциях (ПФР), отражающих эмоциональное состояние адресата: чаще всего волнения и смущения. Описание данных эмоциональных реакций представлено двумя группами языковых номинаций. К первой относятся глаголы, описывающие изменение цвета лица (*to blush, to flush*), ко второй — словосочетания, описывающие деятельность вегетативной системы человека (*my heart's pounding, my heart's beating*).

Следующий этап ситуации **флирта** — сближение — характеризуется более разнообразными вербальными средствами в поведении мужчины-инициатора флирта. Реализуя новую коммуникативную установку — сближение, мужчина воздействует на адресата через посредство комплиментов, которые являются отличительной особенностью флирта на данном этапе его развертывания: *“Honey, you’re a wonderful girl! You’re one of the most wonderful girls I’ve ever known...”* [11].

Основу комплимента составляет прилагательное *“wonderful”*, имеющее высокий позитивный заряд. Эффект комплиментарного воздействия интенсифицируется в случае употребления прилагательного *“wonderful”* в превосходной степени.

Как на начальном этапе флирта, так и на этапе сближения важное место занимает самопрезентация, цель которой в ситуациях флирта заключается в создании позитивного имиджа, с целью произвести на коммуниканта противоположного пола должное впечатление. В мужской самопрезентации преобладают акты положительной самооценки, гиперболизация собственных заслуг: *“Bless my soul, I remember once in Equatorial Africa I was strolling along with my elephant gun and trusty native bearer...Bang, bang, left and right, and two more skins for my collection. You have to be firm with gorillas. Dining anywhere tonight, girlie?”* [17]. В данном примере коммуникант рассказывает о своих подвигах на охоте, создавая образ решительного и сильного мужчины, что вызывает искомый перлокутивный эффект: *“Isn’t he wonderful, she breathed”* [17].

Невербальное поведение мужчины — инициатора флирта на этапе сближения обусловлено интенцией выразить свое расположение с помощью различных семиотических средств. Типично использование проксемных НВК, связанных с изменением положения тела в пространстве, языковые номинации которых представлены глагольно-адвербиальными словосочетаниями (*to come closer, to come nearer*); глаголами движения (*to walk, to approach*). Невербальное поведение мужчины — инициатора флирта на этапе сближения характеризуется тактильными действиями, описывающими прикосновения (*stroke her fingers*).

Успешная реализация коммуникативных интенций мужчины выражена в перлокутивном эффекте положительного вектора (адресат — женщина). На данном этапе коммуникативные поступки инициатора флирта вызывают ответные реакции симпатии и волнения, связанные с состоянием радости/счастья. Эмоциональная реакция симпатии представлена фонацией (ЯН — *laughed at him*) и мимикой (ЯН — *smiled at him*). Эмоциональная реакция смущения адресата — женщины проявляется в проксемных НВК, представленных языковыми номинациями *stepped away, stepped aside*. Волнение представлено ПФР, связанных с изменением цвета лица через посредство глаголов *to blush, to flush*.

На завершающем этапе флирта мужчина-инициатор реализует коммуникативные интенции, определяющие дальнейший вектор развития отношений. На наш взгляд, можно говорить о двух случаях: ситуациях «успешного» флирта и ситуациях, в которых происходит обрыв флирта. Вербальное поведение на данном этапе представлено общими вопросами уточняющего характера (*Do you know what I feel*), признаниями в любви косвенного характера (*I was waiting for you*). Невербальные действия на завершающем этапе флирта являются катализаторами развития коммуникативной ситуации, так как они способствуют тому, чтобы вызвать ответные эмоциональные реакции у адресата. К таким семиотическим «катализаторам» относятся, прежде всего, тактильные действия, связанные с поцелуями (ЯН — глагольные словосочетания *to held smb, to kiss smb*).

В случаях «успешного» флирта коммуникативное воздействие мужчины на женщину способствует достижению перлокутивного эффекта положительного вектора. Рассмотрим ситуацию «успешной» реализации коммуникативных интенций инициатора флирта: *“He kissed her again then, and felt that she was shaking. “Don’t be afraid, my darling,” he reassured her. And then he added, “Now I know why I’ve never married.” He looked down at her with a long, slow smile. He was the happiest man on earth, and she the happiest woman. “I was waiting for you,” he whispered as he held her. “So was I,” she said, melting in his arms”* [10].

Завершающий этап флирта предшествует признанию коммуникантов в любви, семиотическим маркером данного этапа служит такое тактильное действие, как поцелуй. Эмоциональное состояние волнения адресата (женщины) передает психофизиологическая реакция дрожи (ЯН — *she was shaking*). Ответный коммуникативный ход мужчины — тактика подбадривания (директивный речевой акт — *“Don’t be afraid”*) с обращением позитивно-интимизирующего характера *my darling* и последующим косвенным речевым актом (*“Now I know why I’ve never married”*) раскрывает имплицитный экспрессив *“I was waiting for you”*. Отметим, что на данном, завершающем этапе флирта, для коммуникантов характерно обращение к косвенным способам передачи своих чувств. Невербальное поведение мужчины представлено фонационным и тактильным видами, которые описаны в тексте глаголами *to whisper* и *to hold*, соответственно. В реагирующем поведении адресата (женщины) наблюдаем перлокутивный эффект воздействия инициатора флирта (*“So was I”*).

Ситуацию «неуспешного флирта» иллюстрирует следующий пример: *He runs his fingertip softly over my cheek. “You do look lovely” I’m sure he’d be able to hear my heart pounding. I lick my lips nervously. Noah touches his thumb to them. “Tell me, Grace”. I’m married” I offer weakly. Tears well up and my throat closes* [13]. Действия мужчины маркируют нарастание эмоциональной напряженности между коммуникантами. На данном этапе ситуация флирта переходит к такой стадии, когда мужчина и женщина готовы эксплицитировать свои намерения. На это указывает невербальная семиотика поведения мужчины, испытывающего ЭР страсти: он совершает тактильное действие (ЯН — *he runs his fingertip softly over my cheek*), где наречие *softly* маркирует характер прикосновения. Мужчина делает женщине комплимент (*“You do look lovely”*). ЭР волнения женщины представлена ПФР учаще-

ния сердцебиения, языковой номинацией которой служит предикативная фраза с существительным-соматизмом *heart* и специфическим невербальным действием (*I lick my lips*), где наречие *nervously* служит модификатором. Решающим элементом в развитии ситуации флирта становится речевой акт просьбы мужчины рассказать ему о чувствах, которые испытывает женщина: *"Tell me, Grace"*. Экспликация обстоятельств (*"I'm married"*) детерминирует обрыв флирта. Описание психифизиологической реакции слезоотделения и нехватки дыхания (*tears well up; throat closes*) сопровождает эмоциональную реакцию огорчения женщины.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ФЛИРТА

Обратимся к анализу специфики поведения женщины — инициатора флирта. На начальном этапе разворачивания флирта женщина-инициатор флирта обращается к так называемой «игре на повышение», делая комплименты мужчине: *"Oh, you are too smart to let them hang you!"* [15]. На данном этапе иллюкутивной целью комплимента является повышение самооценки мужчины. Любопытно отметить отличия комплиментов мужчины и женщины. В фокусе внимания мужчины — внешние данные. Женщина делает комплименты интеллекту мужчине (*"you're too smart"*, *"you're so clever"*), что в свою очередь детерминирует экспектацию мужчины положительного вектора. Реагирующее поведение адресата представлено перлокутивным эффектом со знаком +. Выражение взаимной симпатии представлено миремическими, проксемными видами НВК.

Гендерные отличия наблюдаются и в отношении самопрезентации. В отличие от мужчин женщины не рассказывают о своих успехах, а наоборот, склонны к игре на понижение — преуменьшению своих интеллектуальных качеств для создания впечатления незащитности и несмышлености. Иллюкутивная цель подобного высказывания — вызвать заботу/опеку со стороны мужчины. Рассмотрим следующий пример: *"I'm such a silly little goose," she said apologetically. "Please forgive me." "You aren't a silly little goose. You're a very brave little woman and you are trying to carry too heavy a load"* [15]. В данной ситуации женщина дает себе самооценку с помощью косвенного речевого акта: *"I'm such a silly little goose"*. Иллюкутивная цель этого высказывания — сформировать образ незащитной женщины, нуждающейся в мужской поддержке. Искомый перлокутивный эффект (вызвать ответное эмоциональное чувство адресата) достигнут, о чем свидетельствует коммуникативный ход адресата, выстроенный на основе антонимического вида самооценки.

Превалирующими видами невербального поведения коммуниканта женщина на данном этапе являются миремические, пантомимические и проксемные.

Следующая ситуация демонстрирует участие миремического НВК в ситуации флирта: *"She gave him another sort of smile, she lowered her eyelids for a second and then raising them gazed at him for a little with that soft expression that people described her velvet look"*. Осознавая силу своего взгляда, женщина эксплицирует миремические действия: «стреляет глазами». Здесь логично отметить следующее специфическое невербальное действие: опускает ресницы (*she lowered her eyelids*

for a second), потом поднимает их — *then raising them*, устанавливает зрительный контакт: *gazed at him for a little with that soft expression that people described her velvet look*.

Помимо миремических, для феминного поведения на завершающем этапе флирта характерны пантомимические действия, при помощи которых женщина демонстрирует внешние данные: *She turned around to see Michael behind her. He had undone a couple more buttons on his shirt; "It's been talked about" He stopped and bent his head to smell the magnolia blossom in Serena's hair, gently stroking a strand from her face. Serena shook her head, long strands of blonde hair flicking over her shoulders. "I haven't come here to talk about Tom". Michael put down his glass and slid across the white mattress, his right arm snaking around Serena's waist* [16]. Феминная пантомимика (*she turned to see Michael behind her*) на этапе сближения эксплицирует эмоциональную реакцию симпатии и воздействует на коммуниканта мужчину: *he had undone a couple more buttons on his shirt*. Языковое описание пантомимических действий, выполняемых женщинами — инициаторами флирта, выражается через посредство глагольных словосочетаний, связанных с изменением положения тела (*ducked her head, tossed her head*). Подобные коммуникативные ходы коммуниканта-женщины, инициатора флирта, провоцируют ответные коммуникативные ходы, которые отражаются в мимике (ЯН: *smiled at her, smiled wolfishly*). Наряду с проксемными и пантомимическими видами НВК женщина-инициатор флирта эксплицирует также и НВК окружающей среды. Эти виды НВК сопровождаются действиями над объектами окружающей среды с целью привлечения внимания адресата к внешним данным.

В случае достижения перлокутивного эффекта флирт квалифицируется как успешный и определяет вектор дальнейших отношений коммуникантов: *"The young man went scarlet. He smiled stiffly in answer to Julia's warm, ready smile and she felt the palm of his hand wet with sweat when she cordially grasped it. His confusion was touching"* [14]. В данном эпизоде инициатором флирта является женщина. Невербальное поведение коммуниканта-мужчины описывается с помощью мимического НВК — сдержанной улыбки. При виде женщины мужчина испытывает неловкость и смущение, эмоциональное напряжение. Об этом свидетельствует наречие «*stiffly*» и психофизиологические реакции динамики цвета лица и пототделения (ЯН: *went scarlet* и *went sweat* соответственно). Флирт осуществляется на уровне невербального поведения и отражает смущение адресата — мужчины. Иллокутивная цель коммуниканта-женщины — привлечь к себе внимание — достигнута.

Рассмотрим случай коммуникативной неудачи, или неуспешного флирта: *"Still he did not raise his head. Still she could not see his face. He pried her fist open inexorably and stared at it, picked up her other hand and held them both together silently, looking down at them. "Look at me," he said finally raising his head, and his voice was very quiet. "And drop that demure expression." Unwillingly she met his eyes, defiance and perturbation on her face. His black brows were up and his eyes gleamed. "So you have been doing very nicely at Tara, have you? Cleared so much money on the cotton you can go visiting. What have you been doing with your hands—plowing?"* [15].

Специфика пантомимического действия женщины отражает ее экспектацию (ожидание поцелуя), что представлено ЯН *remembered to turn her face up slightly*.

Эмоциональная реакция симпатии, которую испытывает мужчина, представлена специфическим пантомимическим действием — мужчина склоняется над руками женщины: *his black head was bent over her hands*, затем исполняет ряд тактильных действий — целует одну руку женщины, а другую прижимает к щеке: *he lifted one and kissed it and, taking the other, laid it against his cheek*. Коммуникант-женщина дешифрует эти шаги как признание в любви или предложение к замужеству, что эксплицировано в предложении “*In a moment he would ask her to marry him — or at least say that he loved her*”. Однако ответный коммуникативный ход, представленный респираторным НВК, описанным через конъюнктив (*he drew a quick breath*), маркирует обрыв флирта. Данный этап описан комплексом невербальных действий коммуниканта-мужчины: миремический, тактильный и мимический НВК: *He pried her fist open inexorably and stared at it, picked up her other hand and held them both together silently, looking down at them*.

Эмоциональная реакция гнева представлена миремическими НВК (конъюнкты — *his black brows were up and his eyes gleamed*). Далее мужчина задает женщине вопросы относительно внешнего вида ее рук, который указывает на занятия сельским трудом: “*So you have been doing very nicely at Tara, have you? Cleared so much money on the cotton you can go visiting. What have you been doing with your hands — plowing?*” Переключение коммуниканта-мужчины на руки коммуниканта-женщины (*These are not the hands of a lady*), которые выдают ее занятия физическим трудом, приводит его к пониманию истинной ситуации. Вербальный компонент имплицитно дешифрует обман коммуниканта-женщины и обрыв флирта. На невербальном уровне специфическое пантомимическое действие коммуниканта-мужчины также сопутствует обрыву флирта — он отпускает руки женщины, что выражено глагольной фразой *tossed them into her lap*.

На вербальном уровне сближение как этап ситуации **флирта** характеризуется сообщением существенной информации о себе. Комплиментарный характер высказываний обусловлен целью доставить друг другу удовольствие. На вербальном уровне комплимент часто служит своего рода ускорителем развития флирта. Невербальная семиотика на данном этапе отношений проявляется в проксемном и тактильном видах НВК. Для установления более близкого контакта коммуниканты сокращают расстояние, приближаясь друг к другу. Прикосновение имеет важнейшую роль в подобных ситуациях, именно касание позволяет выразить симпатию и способствует сближению. Проксемный и тактильный виды НВК провоцируют многообразные виды НВК-адресата, что выводит флирт на новый уровень, так как цепочка следующих друг за другом невербальных действий выражает истинные эмоциональные реакции коммуникантов и, в конечном итоге, способствует дешифровке смыслов и интенций. Завершающий этап флирта часто связан с предыдущим, так как прикосновения служат семиотическим сигналом «ты мне нравишься». На вербальном уровне, однако, этому этапу часто сопутствуют вопросы, имеющие уточняющий характер относительно взаимности чувств

коммуникантов. Завершающий этап флирта предполагает итог развития рассматриваемой коммуникативно-прагматической ситуации. Здесь возможны следующие сценарии развития: 1) результат успешный, коммуникативное поведение способствовало реализации цели (задан дальнейший вектор отношений); 2) результат неуспешный: действия одного из коммуникантов прерывают развитие флирта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование поведения коммуникантов в ситуациях флирта позволило говорить о специфике вербальных и невербальных составляющих каждого из этапов. Основной мотив флирта на начальном этапе определяется целями коммуникантов. В рассмотренных нами выше ситуациях, описывающих динамику этого коммуникативного жанра, мотив поведения мужчин и женщин состоял в наличии интереса и последующего намерения установить более близкий контакт. Для реализации данной цели коммуниканты (как мужчины, так и женщины) знакомятся, поддерживают разговор на различные бытовые темы (погода, работа, общая информация о себе — речевой жанр *small talk*). Вербальное поведение коммуникантов на данном этапе отношений представлено общими и специальными вопросами, цель которых — выяснить как можно больше информации друг о друге. Невербальное поведение коммуникантов на начальном этапе флирта наравне с вербальным служит реализации намерений: установление контакта, передача скрытого сигнала о заинтересованности. Оно представлено фонационными, миремическими, мимическими, проксемными видами НВК. Для женщин более характерны психофизиологические реакции, которые позволяют передать эмоциональное состояние коммуниканта в ситуации флирта.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вежбицка А.* (2003). Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» (на русск. яз.) [*Wierzbicka, A. Cultural dependence of “directness” vs “indirectness”*] // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: Колледж. С. 136—159.
- [2] *Дементьев В.В.* (1997). Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике [*Demytyev V.V. A study of speech styles: a review of modern Russian studies*] // Вопросы языкознания. № 1. С. 109—121.
- [3] *Карташкова Ф.И.* (2009). Сложное коммуникативное целое в художественном тексте [*Kartashkova, F.J. Complex communicative entity in literary texts*] // Иностранные языки в диалоге культур: политика, экономика, образование: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции. Саранск.
- [4] *Карташкова Ф.И.* (2011). Номинация в речевом общении [*Kartashkova, F.J. Nomination in speech communication*]. Москва: «Азбуковник».
- [5] *Колоян Д.Л.* (2006). Ухаживание как тип коммуникативного поведения [*Kaloyan D.L. Courtship as a type of communicative behavior*]: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград.
- [6] *Красина Е.А.* (1999). Семантика и прагматика русских перформативных высказываний [*Krasina, E.A. Semantics and pragmatics of Russian performative statements*]: дисс. ... докт. фил. наук. Москва.
- [7] *Леонтьев А.А.* (1974). Основы теории речевой деятельности [*Leontyev A.A. The foundations of speech activity theory*]. Москва.

- [8] *Ренц Т.Г.* (2011). Романтическое общение в коммуникативно-семиотической парадигме [*Rents, T.G. Romantic communication in communicative-and-semiotuic paradigm*]. Волгоград: изд-во ВолГУ.
- [9] *Романов А.А.* (1988). Системный анализ регулятивных средств диалогического общения [*Romanov, A.A. Systemic analysis of regulative means in dialogues*]. Москва: Институт языкознания АН СССР; Калининский СХИ.
- [10] *Steel, D.* (2008). *A good woman*. NY-L: Random House.
- [11] *Fleming, Y.* (2003). *Doctor No*. St-Pet.
- [12] *James, E.L.* (2011). *50 shades of Grey*. Vintage Books.
- [13] *Matthews, C.* (2013). *A cottage by the sea*. M.: Sphere.
- [14] *Maugham, S.* (1975). *Theatre*. Moscow.
- [15] *Mitchell, M.* (1976). *Gone with the wind*. Macmillan Publishers.
- [16] *Perry, T.* (2010). *Daddy's girls*. UK: HarperCollins.
- [17] *Woodhouse, P.G.* *A monkey's business*: https://tabs.ultimate-guitar.com/s/skid_row.

COMMUNICATIVE BEHAVIOUR OF A PERSON IN SITUATIONS OF FLIRTATION (gender and semiotic aspects)

F.I. Kartashkova, A.A. Knyazeva

Ivanovsky State University
Ermaka str., 39, Ivanovo, Russia, 153000
KnyazevaAnastasia@mail.ru

The article deals with specific description of the communicative development of human behavior in the situations of flirtation. The main goal of it is to reveal peculiarities of non-verbal constituent of flirtation and its interaction with the verbal one at different stages of relations between the communicants. Communicative genre *flirtation* is treated as a part of communication between a man and a woman (initiators of flirtation), which demonstrates its own dynamics, and reveals three main stages of flirtation developments each of those possessing its typical verbal and non-verbal constituents of communicants' behavior.

Key words: human communicative behavior, communicative genre, complex communicative load, speech acts, theory of speech activity.

СЕМИОТИКА ГОРОДА: КИЕВ КАК ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ

Е.Г. Бураго

Институт языкознания имени А.А. Потебни
Национальной академии наук Украины
ул. Грушевского, 4, Киев, Украина, 01601
eburago@mail.ru

В статье рассматриваются семиотика города на примере Киева. Киев представлен как текст культуры, текст в его широком, семиотическом понимании и даже как «сверхтекст». Сверхтекст, — это ряд текстов, обладающий следующими признаками: тематической и модальной целостностью, законченностью, общими типологическими характеристиками. Собственно Киевский текст понимается здесь как сверхтекст русской и украинской литературы и культуры, что позволяет описать обширные периоды XIX—XX в. и подвижные текстовые массивы, объединенные общим объектом — Киевом. Сверхтекст Киева персонифицирован в творчестве поэтов как «мать городов русских», высокодуховный город, святыня.

Ключевые слова: семиотика, текст культуры, сврхтекст, интертекстуальность, гипертекст, лингвистика текста, концепт.

ВВЕДЕНИЕ

Семиотика (от греч. ‘знак, признак’) изучает знаки как средства хранения, переработки и передачи информации в природе и обществе [7. С. 6]. Все процессы, связанные с хранением, переработкой и передачей информации, являются семиотическими, т.е. протекают только с использованием знаков. Под информацией мы понимаем все, что можно разными способами сообщить, передать другому. Важнейшим хранителем информации является текст, который не просто хранит культурную информацию, но и входит в культуру в качестве самостоятельной единицы, т.е. вся культура смоделирована в тексте.

ТЕКСТ И СВЕРХТЕКСТ

Термин **текст** — один из самых востребованных в современной лингвистике. Это ключевое понятие в науках гуманитарного цикла, поэтому не случайно М.М. Бахтин определил его так: «первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [1. С. 292]. Латинское слово *textus*, к которому восходит русское **текст**, означает ‘ткань’, ‘связь’, т.е. в самой внутренней форме термина заложена семантика собирания и упорядочивания неких единиц.

Цель данной статьи — исследовать один из важнейших концептов в культурной концептосфере — концепт столицы Украины, «город Киев» как текст в его широком, семиотическом понимании и даже как «сверхтекст».

В 80-е гг. возникла лингвистика текста — особая область гуманитарных знаний. В классической работе «Текст как объект лингвистического исследования» И.Р. Гальперин писал, что в тексте скрыто три вида информации: 1) содержательно-фактуальная (*о чем и что* говорится в данном произведении); 2) содержательно-

концептуальная (*о чем, что + как* рассказывается это событие, с помощью каких средств и приемов оно передано); 3) содержательно-подтекстовая (*о чем + что + как + зачем + с какой целью*) [2. С. 37]. Очевидно, что здесь текст понимается не только как вербальное выражение мысли, но и как знаковая система, обладающая значением и смыслом (например, «подтекстовая» информация). Знаки исследуются семиотикой, для которой важно, что явления природы и человеческой культуры взаимодействуют, опосредованные знаками [8. С. 4].

Текст понимается нами как динамическое коммуникативное образование высшего уровня, материализованное в знаках. Такой подход принят в современной лингвистике. Однако в семиотике понятие текста расширяется. Так, Ю.М. Лотман в книге «Культура и взрыв» выдвигает понимание текста, в котором предлагает мыслить текст «не как некоторый стабильный предмет, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции: как текст может выступать и отдельное произведение, и его часть, и композиционная группа, жанр, в конечном итоге — литература в целом» [5. С. 178].

Такое понимание текста расширило сферу его применения для описания семиотической деятельности человека. В связи с этим Ю.М. Лотман разрабатывает концепцию семиосферы, которая определяется им как «синхронное семиотическое пространство, заполняющее границы культуры и являющееся условием работы отдельных семиотических структур и, одновременно, их порождением» [4. С. 4]. В работе Ю.М. Лотмана «Беседы о русской культуре» было показано, что понятие текста применимо к таким явлениям, как чин, ритуал, обряд, награда, мода и даже тип поведения. Текстом называют разные сущности: провинциальный текст, романский текст русской литературы и др. Поэтому вся наша жизнь — это тоже текст.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДА КИЕВ

Актуальность рассматриваемой здесь проблемы несомненна, потому что впервые предпринимается попытка описать концептуальную структуру города Киева. Текст города притягивает внимание как философов (В. Давыдов), культурологов (М. Гришанин), литературоведов (Ю.М. Лотман, А. Меркулова, Н.Е. Меднис), так и лингвистов, которые описывают город как концепт (О.К. Кириченко, Г.П. Корчевская и др.).

Достаточно хорошо разработана проблема Петербургского, Московского, а также Венецианского и Римского текстов. Причем именно исследования Петербургского и Московского текстов дали толчок к разработке целого ряда текстов городов (в основном русской культуры). Отдельные диссертационные исследования посвящены таким городам, как Пермь (В.В. Абашеев), Оренбург (Т.А. Юдина), Бийск (С.В. Ганова), Смоленск (Н.В. Бубнова) и др.

В современной лингвистике утвердилась мысль о проницаемости текстовых границ, которая основана на двух актуальных концепциях — теории интертекстуальности и теории гипертекста и сверткста. Далее используется понятие «сверткст», которое употребляется по отношению к текстам «центрически организованным и в силу этого обладающими сильно выраженным внутренним центростремительным движением» [6. С. 35].

Думается, что такое понимание Киевского текста позволяет описать обширные (периода XIX—XX вв.) и подвижные текстовые массивы, объединенные общим объектом — Киевом. Поскольку текст — это единица культуры, то некоторые лингвисты пришли к необходимости выделения «особого культурно-системного речевого образования» — **сверхтекста**, понимаемого как «совокупность высказываний, текстов, ограниченную темпорально и локально, объединенную содержательно и ситуативно, характеризующуюся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального/анормального» [3. С. 215]. На данный момент наиболее исследованными являются сверхтексты, «порожденные некими топологическими структурами — так называемые „городские тексты“» [6. С. 54].

Вслед за Н.А. Купиной и Г.В. Битенской [3. С. 218] нами выделяются следующие критерии, позволяющие текстам стать сверхтекстами: тематическая и модальная целостность, законченность, топологические характеристики.

Н.Е. Меднис в книге «Сверхтексты в русской литературе» [6. С. 57], сравнивая понятия **гипертекст**, **интертекст** и **сверхтекст**, говорит о том, что первые два понятия не отменяют и не заменяют понятие **сверхтекст**. Сверхтекст отличается от интертекста и гипертекста более тесной и специфичной связью с внетекстовыми образованиями, в нашем случае — с городом Киевом. Каждый сверхтекст имеет свой образно и тематически обозначенный центр. Для топологических текстов в роли такого центра выступает конкретный локус, например, Киев для Киевского текста, Рим для Римского текста и т.п.

В каждом сверхтексте реализуется определенная структура, в которой можно выделить **центр** и **периферию**, и в соответствии с ними и следует выстраивать его метаописание. Киевский семиотический текст содержит как поэтические, так и прозаические тексты, включающие в себя описания города и его окрестностей¹. В качестве центра избираем описание самого Киева со всеми его ключевыми внутригородскими объектами, например, *Днепр*, *Андреевский собор*, *Крещатик*, а окрестности относим к периферии. Границы сверхтекста одновременно и устойчивы и динамичны. У большинства сверхтекстов более или менее ясно обнаруживается начало и иногда совершенно не просматривается конец. Начало Киевского текста связано с русскими былинами «Соловей Будимирович», «Иван гостиной сын», «Три годы Добрынюшка стольничал» и др., где встречается упоминание о Киев-граде и его фрагментарное описание: *Прибежали корабли под славный Киев-град, / Якори метали в Днепр-реку, / Сходни бросали на крут бережек; Добрынюшка идет по широким по улицам, / По частым мелким переулочкам... Зайдет на улицу Игнатъевску / И во тот переулок Маринин*. Киев упоминается в «Повести временных лет» (начало XII в.), где сказано, что Киев основан тремя братьями Кием, Щеком и Хоривом и сестрой Лыбедью как центр племени полян. Город в то время состоял из княжеского двора и терема².

Результаты археологических раскопок свидетельствуют, что уже в VI—VII вв. на правом берегу Днепра существовали поселения, которые некоторыми исследо-

¹ Мы используем только поэтические тексты.

² Г. Вернадский разделял мысль об основании города хазарами. Есть и другие гипотезы.

вателями интерпретируются как городские. Эта концепция, подкрепленная празднованием 1500-летия Киева в 1982 г., рассматривалась как общепринятая. Однако в противоположность «юбилейной концепции» значительное число историков и археологов продолжает придерживаться той точки зрения, что образование Киева как города проходило на рубеже IX и X вв., ссылаясь на данные археологии. Но есть и другие данные. Так, в хронике М. Стрыйковского утверждается, что город Киев был основан князем Кием в 430 г.

Города возникали как храмовые комплексы — не из рациональных потребностей (жить в них всегда труднее, чем в деревне), а в силу ритуальных традиций. И это принцип города: чем более он урбанистичен, тем более мифологизировано население, тем дальше оно от природы. Мифологичен и Киев. Образ древнейшего «сиявшего», «золотого», «блестящего», высокодуховного Киева, с одной стороны (например, у К. Рылеева) противопоставлен Киеву, «дряхлающему» в составе Речи Посполитой; для Ф. Тютчева Киев — охранитель устоев; для А. Хомякова — *Слава, Киев многовечный, / Русской славы колыбель!*

Если в основе Петербургского сверхтекста лежит миф об инкарнации Града Небесного, воплощение духовного, облепление его грязью, «топью блат» (А. Пушкин), то в основе Киевского текста лежит сакральный, языческий миф. Например, стихотворение А. Хомякова «Киев», написанное еще в 1839 г.:

*Высоко передо мною
Старый Киев над Днепром,
Днепр сверкает под горою
Переливным серебром.*

Образ парящего в высоте Киева достаточен как иллюстрация идеи: *Киев есть святыня*. Уже здесь намечаются амбивалентности и антиномии Киевского текста: верх и низ, вертикаль и горизонталь, космос и хаос, оформленность и аморфность и т.д.

Отметим, что далеко не каждый город, даже самый крупный и известный, может играть роль, подобную Киеву, в своей культуре. Ни у американцев, ни у русских поэтов и писателей, проживающих в Америке, нет парадигмы Нью-Йорка, хотя традиции поэзии урбанизма уже более ста лет. Не случайно И. Бродский сказал: «Естественным путем Нью-Йорк в стихи не вписывается». Нью-Йорк для американцев — не Великий город, а, скорее, «город желтого дьявола» (как и для русских начала прошлого века). Отсюда следует, что Киев, о котором так много сложено стихов, песен, которому посвящено много прозаических текстов, — это Великий город, имеющий огромное значение и в русской, и в украинской культуре.

ПОНЯТИЕ КИЕВСКИЙ СВЕРХТЕКСТ

В рамках понятия **Киевский сверхтекст** мы рассматриваем совокупность поэтических текстов (около 900 стихотворений на русском языке!), содержащих лингвокультурные представления об этом городе, выявляем, как представлен целостный образ города, как этот образ совмещает в себе чувственные (зрительные, вкусовые, слуховые образы и др.) и рациональные (исторические сведения, описания частей города, известные описания города) элементы. Например, в стихо-

творении Вс. Рождественского образ Киева представлен с позиции обоняния и цвета: *Раздвинул Киев крутые склоны, / И запах: свежий, немного пряный, / Течет бульваром в тени зеленой / Цветут каштаны, цветут каштаны...*

В данном четверостишье на первый план выходит запах, который представлен обращением к лексемам *запах, свежий, пряный, запах каштанов*, и одновременно на первый план выходит «обонятельная» модальность: запах весны. Очевидно, запах — это не только семантическая, но и гносеологическая категория.

Культурное освоение мира осуществляется через создание в том числе его пространственной модели. Поэтому понятие **Киевский текст** связано с Киевом как особым топосом/локусом, с одной стороны, и с потенциалом слова, реализующим эту связь с топосом/локусом, — с другой. Киевский текст формируется из комплексов произведений, ориентированных на киевскую тематику и создаваемых в художественно-эстетическом процессе. Образ города Киева развивается и функционирует как нечто единое.

Исследуемый образ города Киева выражает глубинные основы человеческого бытия, где сплавляются тончайшие интеллектуальные, эмоциональные и волевые способы освоения жизни. Древний Киев чаще всего предстает в стихах как город-воин, город-защитник, что отображается еще у А.С. Пушкина: *Киевляне / толятся на стене градской... / И видят: в утреннем тумане / Шатры белеют за рекой* («Руслан и Людмила»). В ряде стихотворений отражается пестрая картина духовных устремлений человека: *Я был на тех холмах, / Где древний Киев наш, питомец Византии, / Вознес до облаков двенадцать глав Софии, / И бережет веков красноречивый прах* (Н. Арбузов).

Образ привольного Днепра, огражденного крутыми берегами, рисуется и в поэзии, и в прозе: *Раздвинул Киев крутые склоны* (Вс. Рождественский). В прозе наблюдается, как Днепр отражает в своих водах *«золотые верхи высоких теремов и гридниц двора княжеского; расстилайтесь по обширному Подолу киевскому, бархатные луга — любимое разгулье удалой дружины князя русского! Жадный взор мой стремится проникнуть сквозь седой туман веков, до тех отдаленных времен России, когда, не озаренная еще светом православия, она приносила кровавые жертвы своему Перуну...»*, — так писал о Киеве М. Загоскин.

Киевский текст украинской культуры, подобно Петербургскому тексту русской культуры, — это парадигматическое явление, по своей природе аналогичное мифу, в том числе и своей коллективностью, и даже анонимностью, ибо никто из авторов отдельных текстов не может считаться автором серхтекста. Авторов сверхтекста Киев нами обнаружено более двухсот.

Так, О. Мандельштам создал потрясающие поэтические образы-портреты многих городов, лучшие из них — образы Москвы, Петербурга, Воронежа. Но более всего по душе ему вымышленный город Малинов, который оборачивается зарослями малинника: *«Все города русские смешались... и слились в один большой небывалый город с вечным санным путем, где Крещатик выходит на Арбат, и Сумская на Большой проспект. Я люблю этот небывалый город больше, чем настоящие города порознь, а в нем родился, никогда из него не выезжал»*. Как видим, Киев вклинивается в образ идеального города, описанного О. Мандельштамом, поскольку он является неким прагородом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Киевский текст — это сверхтекст, состоящий из совокупности текстов, имеющих общий объект описания в реальности, и образующий незамкнутую систему, отмеченную смысловой и языковой цельностью.

С этой точки зрения считаем правомерным говорить о Киевском тексте и его роли в национальной культуре. Киев — «мать городов русских», а сам Киевский текст понимается нами как сверхтекст русской и украинской литературы и культуры. Это не просто топоним: ведь это имя издавна символизирует «город вообще», «пра-город», находясь в одном ряду с такими «вечными» городами, как Рим, Царьград, Иерусалим. Древняя столица царства Русского — великий Киев, первопрестольный град.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бахтин М.М. (1979). Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа [*Bakhtin, M.M. The problem of text in linguistics, philology and other humanities. A philosophic analysis essay*]. Москва: Искусство.
- [2] Гальперин И.Р. (1981). Текст как объект лингвистического исследования [*Galperin, I.R. Text as an object of linguistic studies*]. Москва: Наука.
- [3] Купина Н.А., Битенская Г.В. (1994). Сверхтекст и его разновидности [*Kupina, N.A., Bitenskaya, G.V. Hypertext and its varieties*] // Человек — Текст — Культура. Екатеринбург. С. 214—235.
- [4] Лотман Ю.М. (1996). Внутри мыслящих миров [*Lotman, Yu.M. Inside intellectual worlds*]. Москва: Языки русской культуры.
- [5] Лотман Ю.М. (1992). Культура и взрыв [*Lotman, Yu.M. Culture and jurburst*]. Москва: Гнозис.
- [6] Меднис Н.Е. (2003). Сверхтексты в русской литературе [*Mednis, N.E. Hypertexts in Russian literature*]. Новосибирск: изд-во НГПУ.
- [7] Мечковская Н.Б. (2004). Семиотика. Язык. Природа. Культура [*Mechkovskaya, N.B. Semiotics. Language. Nature*]. Москва: Академия.
- [8] Семиотика / под ред. Ю.С. Степанова (1983) [*Semiotics / Ed. Yu.S. Stepanov*]. Москва: Радуга.

CITY SEMIOTICS: KIEV AS A CULTURE TEXT

E.G. Burago

The Ukrainian National Academy of Sciences
Language Studies Institute n.a. A.A. Potebnya
Grushevskogo str., 4, Kiev, Ukraine, 01601
eburago@mail.ru

The article deals with the semiotic aspects of city, in particular, the city of Kiev. Kiev is represented as a culture text, the text in its broad, semiotic meaning and even as a “hypertext”. To make a hypertext, a number of texts must have the following characteristics: a thematic and modal integrity, completeness, common general typological characteristics. Kiev itself is treated as the hypertext of the Russian and Ukrainian literature and culture. This understanding of the text of Kiev allows us to describe extensive period of XIX—XX centuries and variable text extracts, united by Kiev as a common object. Kiev as a hypertext is personified in the poetic works as “the mother of Russian cities”, a highly spiritual town, a holy place.

Key words: semiotics, cultural text, hypertext, intertextuality, text linguistics, concept.

КОМПОЗИЦИОННО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЯЗЫКА И ТЕКСТА

УДК 81:82.081

ТЕОРИЯ ВЫДВИЖЕНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ИСТОКИ, ТЕНДЕНЦИИ, ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

Н.М. Джусупов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2А, Москва, Россия, 117198
nursultan79@mail.ru

В статье рассматриваются общие и частные вопросы теории выдвижения в контексте ее развития в русскоязычных и англоязычных лингвистических исследованиях. В центре внимания находится целый ряд дискуссионных вопросов, связанных с трактовкой явления выдвижения, особенностями его терминологического обозначения и истоками внедрения данного понятия в научный обиход лингвистики; описываются ключевые отличительные особенности выдвижения. Теория выдвижения главным образом предполагает то, что существует определенная система норм, на фоне которого выдвигаются стилистически релевантные средства, обусловленные отклонением от установленных норм как самого языка, так и норм, характерных для той или иной разновидности текста и дискурса. Специфика теории выдвижения как важного теоретического конструкта современной стилистики в значительной степени определяется индивидуально-авторским характером процесса языковой девиации и коммуникативно-прагматическим потенциалом средств выдвижения, а также их приоритетной ролью в текстообразовании и репрезентации информации как эксплицитной, так и имплицитной.

Ключевые слова: стилистика, текст, выдвижение, теория выдвижения, средства выдвижения, остранение, языковая норма, языковая девиация.

ВВЕДЕНИЕ

Включение понятия выдвижения в область лингвистики и его дальнейшее широкое применение в современных лингвостилистических исследованиях текста и дискурса, по общему признанию ученых, связано с работами представителей Пражского лингвистического кружка, в частности Я. Мукаржовского [11] и Б. Гав-

* Статья подготовлена в рамках научного проекта III Международной программы научных грантов Института перспективных гуманитарных исследований и технологий Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова (2014—2015 гг.).

ранка [6]. Я. Мукаржовский¹ использует термин «aktualisace» (актуализация), который с чешского языка на английский был переведен П. Гарвиным [24] как «foregrounding», русск. «выдвижение». Такой вариант перевода, на наш взгляд, объясняется двумя основными причинами: во-первых, традиционным использованием в лингвистических исследованиях омонимичного термина «актуализация» как процесса перехода языка в речь, введенный Ш. Балли [3]; во-вторых, переводчик руководствовался интернациональным характером самой лексемы, что имеет принципиально важное значение в процессе перевода именно научной терминологии, как правило, универсальной для большинства родственных и неродственных языков.

Теоретические и эмпирические основы изучения стилистической теории выдвигания, разработка ее стилистического статуса подробно исследуется и обосновывается в докторской диссертации Вилли ван Пира [27].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЫДВИГАНИЯ: ТЕОРИЯ «ОСТРАНЕНИЯ» ИЛИ «ОСТРАНЕНИЯ»

Изначально идея о принципе выдвигания как важной составляющей художественного текста была предложена представителем Русской формальной школы В.Б. Шкловским в статье «Искусство как прием» [15]. В.Б. Шкловский выделяет понятие «остранение» как особый прием искусства. Само слово «остранение» является производной формой слова «странный», т.е. в использовании данного термина имеется в виду факт выделения чего-то странного, необычного. Акцентируя внимание на важности именно чувств, ощущения жизни в искусстве, автор отмечает, что «приемом искусства является прием „остранения“ вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как восприимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно» [15. С. 105].

На примере рассмотрения произведений Л.Н. Толстого В.Б. Шкловский считает, что «прием остранения у Л. Толстого состоит в том, что он не называет вещь ее именем, а описывает ее, как в первый раз виденную, а случай — как в первый раз произошедший, при чем он употребляет в описании вещи не те названия ее частей, которые приняты, а называет их так, как называются соответственные части в других вещах» [15. С. 106]. Кроме того, рассматривая вопрос об определении границ применения данного приема, В.Б. Шкловский подчеркивает, что «остранение есть почти везде, где есть образ» [15. С. 109]. И, как следствие, основным отличием своей точки зрения от точки зрения А.А. Потебни относительно природы образа исследователь считает то, что «образ не есть постоянное подлежащее при изменяющихся сказуемых. Целью образа является не приближение значения его к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание ‘виденья’ его, а не ‘узнаванья’» [15. С. 109].

¹ Перевод статьи Я. Мукаржовского выполнен проф. А.Г. Широковой и опубликованной в сборнике «Пражский лингвистический кружок» (1967), а термин «aktualisace» представлен словом «актуализация» [11].

В целом создание «теории остранения» В.Б. Шкловский объясняет именно стремлением «обобщить способ обновления восприятия и показа явлений» [17. С. 6].

Дискуссионным и вместе с тем интересным представляется вопрос о выделении двух орфографических вариантов термина: «остра**Н**ение» и «остра**НН**ение» (выделено нами. — Н.Д.). В современных исследованиях наиболее употребительным является вариант с одним **Н** [см.: 5; 13 и др.]. В работах зарубежных англоязычных авторов используется английская транслитерация русского слова с одним **Н** — «ostranenie» [см.: 18; 23; 26 и др.].

По поводу двойственности написания термина «остра**Н**ение/остра**НН**ение» высказан ряд предположений. Например, В.П. Москвин использует вариант написания термина с двумя **Н** (что на самом деле является правильным) и отмечает, что вариант термина «остра**Н**ение» с одной буквой **Н** «возник, вероятно, под влиянием паразитарных ассоциаций со словом *отстранение* или выражением ‘взгляд со стороны’ (случай народной этимологии)» [10. С. 45].

По сути, данная точка зрения объясняется определенной логикой и собственными выводами исследователя. Однако, исходя из фактов, изложенных в последующих работах В.Б. Шкловского, становится очевидным, что активное применение варианта термина «остранение» (с одной **Н**) объясняется первоначальной ошибкой в написании самого слова в его статье «Искусство как прием». Впоследствии в другой статье «Рассказ об ОПОЯЗе» автор признается в допущенной ошибке и замечает, что тогда ему следовало писать слово «странный». В связи с этим В.Б. Шкловский с определенной долей юмора заключает, что «так оно и пошло с одним „н“ и, как собака с отрезанным ухом, бегаёт по миру» [10. С. 73]. В статье «Дорога в будущее и прошлое (неоконченный рассказ)» В.Б. Шкловский, уже называет «остранение» старым термином и констатирует, что «его часто печатают через одно „н“, хотя слово это происходит от слова „странный“, но термин вошел в жизнь с 1916 года в таком написании» [17. С. 188].

Примечательно также то, что В.Б. Шкловский говорит о другой паре вариантов термина — «отстранение» и «остраннение»: «так и живут теперь два слова — „отстранение“ и „остраннение“ — с одним „н“ и „т“, и двумя „н“: смысл разный, но с одинаковым сюжетом, сюжетом о странности жизни» [17. С. 187]. Ключевые различия между этими словами, согласно В.Б. Шкловскому, видятся в том, что «„отстранение“, значит отодвигание мира. „Остраннение“ — это удивление миру, его обостренное восприятие» [17. С. 188].

Вместе с тем термин «остраннение» в англоязычной академической литературе имеет несколько вариантов перевода: *defamiliarization, estrangement, ensrtangement, device of making strange*. Крайне важно и то, что среди зарубежных исследователей наблюдалась определенная тенденция в пользу употребления исконного русскоязычного варианта термина — «ostranenie». Это обстоятельство, главным образом, объяснялось его непереводаемостью, сложностью подбора конкретного лексического эквивалента для его адекватного перевода. Тем не менее, во многих источниках (словари, энциклопедии, справочники) наряду с англоязычным термином используется также транслитерированное русское слово именно в качестве

синонима. Кроме того, среди англоязычных исследователей существуют разногласия по поводу правильности выделения терминов «estrangement» и «ensrtangement». Первое слово означает ‘отчуждение’, ‘отдаление’, что в целом эквивалентно русскому варианту ‘отстранение’; второе слово, как результат терминологической инновации, в большей степени является эквивалентом термина «остранение/остраннение».

Итак, если проводить параллели между русскоязычным и англоязычным тенденциями употребления терминов, становится очевидно, что создание нового термина В.Б. Шкловским и необходимость его перевода впоследствии стало толчком для терминотворчества не только в английском языке, но и в целом ряде других европейских языков. Как мы убедились, все это, с одной стороны, свидетельствует об актуальности и исключительной важности понятия «остранение» для филологического сообщества, с другой стороны, — о его сложном и многогранном характере как объекте специального исследования.

ПОНЯТИЕ АКТУАЛИЗАЦИИ/ВЫДВИЖЕНИЯ В РАБОТАХ ПРАЖСКОЙ ШКОЛЫ

Обратимся к работам Я. Мукаржевского и Б. Гавранека. Я. Мукаржевский рассматривает явление актуализации (выдвижения) на основании выявления различий между поэтическим и литературным языком [11]. Автор считает, что поэтический язык не может быть разновидностью литературного языка. Но одновременно подчеркивает тесную связь между ними, которая состоит в том, что литературный язык служит фоном для поэтического языка. На этом фоне происходит обусловленное эстетическими соображениями намеренная деформация языковых структур, нарушение языковой нормы. Таким образом, систематическое нарушение литературной нормы позволяет использовать язык для поэтических целей. Без возможности нарушения нормы языка, как полагает Я. Мукаржевский, не было бы поэзии вообще [11. С. 407—408].

Автор обращает внимание и на степень устойчивости и неустойчивости (слабости) нарушения литературной нормы: «Чем устойчивей в определенном языке литературная норма, тем разнообразнее возможности ее нарушения и тем больше в таком языке возможностей для поэтического творчества. И, наоборот, чем слабее ощущается норма языка, тем меньше возможностей для ее нарушения и тем меньше оказывается возможностей для поэтического творчества» [11. С. 408]. Языковые компоненты, не подвергшиеся нарушению в художественном произведении, образуют фон, на котором отражаются языковые деформации вообще.

Отсюда следует, что специфика поэтического языка определяется выдвижением его на передний план на фоне литературного языка именно за счет отклонения от языковой нормы, за счет языковых деформаций. Исходя из этого Я. Мукаржевский говорит о важности выявления функциональных различий между поэтическим и литературным языком: «Функция поэтического языка состоит в максимальной актуализации языкового высказывания. Актуализация противоположна автоматизации и, следовательно, является деавтоматизацией какого-либо акта: чем больше акт автоматизирован, тем меньше его проведение сопровожда-

ется сознанием; чем сильнее он актуализирован, тем более полным является его осознание» [11. С. 409]. Поэтому актуализация в литературном языке определяется собственно сообщением, т.е. направлена на привлечение большего внимания на предмет речи, обозначенный актуализированными языковыми средствами. В поэтическом языке актуализация определяется максимальной интенсивностью и становится самоцелью, в результате чего сообщение как цель высказывания отходит на задний план. Иными словами, актуализация важна не для достижения цели сообщения, а для выдвижения на передний план самого акта выражения [11. С. 410]. В свою очередь достижение максимальной актуализации обеспечивается ее последовательностью и систематичностью. Последовательность реализуется за счет определенной направленности преобразования актуализированного компонента. Систематичность актуализации состоит в ступенчатом характере взаимоотношения ее компонентов, в их взаимном подчинении друг другу [11. С. 411].

Важность явления актуализации видится в том, что именно благодаря ей поэзия «увеличивает и делает более утонченным умение обращаться с языком вообще, она дает возможность языку более гибко приспосабливаться к новым задачам и более богато дифференцировать средства выражения. Актуализация выносит на поверхность, выставляет на вид нередко такие языковые явления, которые в языке сообщений совершенно скрыты, хотя они и являются важными языковыми факторами» [11. С. 426].

На основании работы Я. Мукаржовского можно заключить, что актуализация, как явление стилистического плана, имеет целый ряд очевидных преимуществ и достоинств, которые определяют собственно генерирующий потенциал языка, возможности творческой реализации его ресурсов, интерпретации различных форм и значений.

В отличие от Я. Мукаржовского, другой представитель Пражской школы Б. Гавранек рассматривает актуализацию как специальный тип использования языковых средств в литературном языке в его различных функциях. При этом актуализация противопоставляется автоматизации, которая понимается как «такое использование языковых средств, изолированных или взаимно связанных между собой, которое является обычным для определенной задачи выражения, то есть такое использование, при котором выражение само по себе не привлекает внимания» [6. С. 355].

Актуализация как явление, отличающееся более широким спектром функциональных признаков, определяется как «такое использование языковых средств, которое привлекает внимание само по себе и воспринимается как необычное, лишённое автоматизма, деавтоматизированное, как, например, живая поэтическая метафора (в отличие от лексикализованной, которая уже автоматизирована)» [6. С. 355].

Б. Гавранек, рассматривая примеры актуализации в языке, отмечает, что для оживления речи, создания эффекта удивления говорящий обращается к использованию актуализированных средств, т.е. средств необычных как с точки зрения значения, так и сочетания. Вместе с тем исследователь обращает внимание на воз-

возможность актуализации (деавтоматизации) автоматизированных средств путем переноса их из одной сферы употребления в другую [6. С. 355—356].

В работе Б. Гавранека актуализация рассматривается в масштабах литературного языка в целом, в ее тесной связи с разговорной речью и различными сферами использования языка. Причем в центре внимания оказываются проблемы, связанные именно с коммуникативно-прагматической направленностью актуализации, ее функционально-стилистическая значимость и приоритетность функции воздействия на адресата.

Более широкие границы проявления актуализации подтверждаются мнением Б. Гавранека о том, что «максимальную, целенаправленную актуализацию языковых средств мы наблюдаем в поэтическом языке и в языке эссе, который со специальным языком связывает то, что в нем средства специального или же разговорного языка выбираются и соединяются так, чтобы стать актуализированными» [6. С. 360]. В отличие от Я. Мукаржовского, полагавшего, что максимальная интенсивность актуализации может проявляться только в поэтическом языке, Б. Гавранек наряду с поэтическим языком выделяет язык эссе. При этом язык эссе направлен «на актуализацию такого типа, какая имеет место в поэтическом языке» [6. С. 360].

Итак, согласно научной позиции Я. Мукаржовского и Б. Гавранека, актуализация (выдвижение), как явление когнитивно-прагматического характера с разной степенью интенсивности (как максимальной, так и минимальной), может проявляться почти во всех сферах функционирования языка. Однако наиболее специфические и разнообразные как по форме, так и содержанию средства выдвижения реализуются в языке художественной литературы. Вместе с тем нельзя не отметить высокий коммуникативно-прагматический потенциал выдвижения в языке и в различных ситуациях повседневного общения, а также в языке медиаресурсов, который занимает доминантное положение в современных условиях функционирования литературного языка. Выдвижение в этих сферах использования языка в основном проявляется за счет привлечения деавтоматизированных языковых выражений — так наз. языковых деформаций, нестандартного использования образов и смены регистра, направленного на достижение эффекта стилистического контраста.

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ ВЫДВИЖЕНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В англоязычных исследованиях для обозначения явления выдвижения традиционно используется общий термин **foregrounding** [см.: 21; 22; 19; 29 и др.]. Однако в исследованиях русскоязычных авторов в обозначении данного стилистического явления наблюдаются определенные терминологические различия. Например, И.В. Арнольд оперирует термином **выдвижение** [1]; В.А. Кухаренко использует термин **актуализация** [8]. Такое различие в выборе терминов можно объяснить тем, что И.В. Арнольд следует традициям англоязычных исследователей, в работах которых доминирует термин **foregrounding**, и рассматривает выдвижение как «формальное подчеркивание главного в содержании» [1. С. 99].

В.А. Кухаренко отдает предпочтение интернациональному слову-термину **актуализация**, который использован в оригинале статей пражских ученых (Я. Мукаровичевский, Б. Гавранек), и соответственно оперирует терминами **актуализация** и **теория актуализации**.

Среди наиболее значимых специальных словарей по стилистике, изданных на русском языке за последние годы, термин **выдвижение** (а также термин **тип выдвижения**) специально рассматривается в словаре-тезаурусе терминов коммуникативной стилистики Н.С. Болотновой (2009) как «вид регулятивной структуры, значимой для управления интерпретационной деятельностью читателя» [4. С. 16]. В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» не представлена словарная статья, посвященная определению явления **выдвижения**, однако приводится дефиниция термина **категория акцентности** [7. С. 120—126], который по содержанию имеет много общего с понятием **выдвижения**. Подробное определение понятия *выдвижения* приводится в «Кратком словаре когнитивных терминов» (под общ. ред. Е.С. Кубряковой) 1996 г.: «**Выдвижение** (*foregrounding*) — концепт, характеризующий важность помещения на первый (передний) план по своей значимости той или иной языковой формы, которая выступает в качестве поискового стимула, или „ключа“ в процессах языковой обработки информации» [9. С. 21].

В англоязычных справочных изданиях по стилистике термин **foregrounding** рассматривается в рамках специальных словарных статей. Так, в словаре К. Уэльс «A Dictionary of Stylistics» (2001) **foregrounding** («выдвижение») характеризуется как «the ‘throwing into relief’ of the linguistic sign against the background of the norms of ordinary language» (букв.: ‘выделение языкового знака на общем фоне норм обычного (повседневного) языка’; перевод наш. — *Н.Д.*) [30. С. 157].

В другом не менее важном по значимости справочном издании по стилистике «Key Terms in Stylistics» (2010) **выдвижение** рассматривается как понятие относительное, суть которого в большей степени определяется наличием установленных норм и условий и их связью с контекстом [25. С. 95].

В зависимости от целей и характера проводимых исследований явление выдвижения рассматривается в различных лингвостилистических вариациях и вследствие этого получает спектр интерпретаций. В англоязычных исследованиях **foregrounding** («выдвижение») определяется как общий принцип художественной коммуникации (*general principle of artistic communication*) и языковая девиация (*linguistic deviation*) [21]; художественно мотивированная девиация (*artistically motivated deviation*) [22]; мотивированная выделенность (*prominence that is motivated*) [20]; эффекты, создаваемые в художественном стиле (*effects of literary style*) и стилистические вариации (*stylistic variations*) [23]; стилистическое искажение (*a stylistic distortion of some sort*) и стилистическая стратегия (*stylistic strategy*) [26], отклонение от норм повседневного языка (*deviation from daily language*) [29] и т.д.

В русскоязычных исследованиях термин **выдвижение** используется в целом ряде работ по стилистике текста [см.: 1; 4 и др.]. Также выделяются следующие ключевые термины, в различной степени связанные с явлением выдвижения в це-

лом: **актуализация** (преимущественно как синоним выдвижения) [8; 2]; **акцентное выделение** [12], **акцентирование** [14; 10], **акцентность** [7]. Причем два последних термина, по сути, представляющие собой терминологические вариации одной общей лексической основы, рассматриваются в несколько другом ракурсе и в качестве категорий текста, например, **коммуникативно-прагматическая категория акцентирования** [14]; **функциональная семантико-стилистическая категория акцентности** или даже **текстовая категория** [7]. Исходя из результатов анализа и обзора последних работ в области стилистики текста (с учетом когнитивного и коммуникативного аспектов) можно отметить, что наблюдается тенденция к активному употреблению термина **выдвижение**, что объясняется широким распространением самой теории выдвижения в современных стилистических исследованиях, а также в достаточной степени влиянием англоязычной академической лингвистической традиции.

ВЫВОДЫ

В качестве ключевых выводов — результатов анализа общих и частных вопросов теории выдвижения выделим следующие наиболее важные положения.

1. Как в исследованиях русскоязычных, так и англоязычных авторов определение лингвистической сущности **выдвижения** во многом обусловлено приверженностью к тем или иным научным традициям, в связи с чем **выдвижение** интерпретируется по-разному, в различных лингвостилистических формах и вариациях: как прием, способ, принцип, девиация и т.д.

2. Теория **выдвижения** как важный теоретический конструкт современной стилистики в значительной степени определяется индивидуально-авторским характером процесса языковой девиации и коммуникативно-прагматическим потенциалом средств выдвижения, а также их приоритетной ролью в текстообразовании и репрезентации информации (как эксплицитной, так и имплицитной).

3. **Выдвижение** как универсальное стилистическое явление может быть реализовано в различных сферах функционирования языка как с максимальной, так и минимальной степенью интенсивности.

4. Теория выдвижения как методологический инструмент для рассмотрения широкого спектра вопросов, связанных с исследованием стилистики текста, основывается на том, что существует как важный критерий определенная система норм, и на этом фоне выдвигаются стилистические факторы, обусловленные отклонением от установленных норм как самого языка, так и норм, характерных для той или иной разновидности текста и дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Арнольд И.В.* (2002). *Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов [Arnold, I.V. Stylistics. Modern English: Textbook for the Institutions of Higher Education]*. 5-е изд., испр. и доп. Москва: Флинта: Наука.
- [2] *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* (2009). *Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика [Babenko, L.G., Kazarin, Yu.V. Linguistic analysis of literary text. Theory and practice]*. 6-е изд. Москва: Флинта: Наука.

- [3] Балли Ш. (1955). Общая лингвистика и вопросы французского языка [Bally, Ch. Linguistique générale et linguistique française]. Москва: Изд-во литературы на иностранных языках.
- [4] Болотнова Н.С. (2009). Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус [Bolotnova, N.S. Communicative stylistics of text: dictionary and thesaurus]. Москва: Флинта: Наука.
- [5] Бузаджи Д.М. (2007). «Остранение» в аспекте сопоставительной стилистики и его передача в переводе (на материале английского и русского языков) [Buzadzhi, D.M. Enstrangement from a perspective of comparative stylistics and its representation in translation (based on the materials of English and Russian)]: дис.... канд. филол. наук. Москва.
- [6] Гавранек Б. (1967). Задачи литературного языка и его культура [Gavranek, B. The tasks of the standard language and its cultivation] // Пражский лингвистический кружок. Москва: Прогресс. С. 338—377.
- [7] Иванова Т.Б. (2003). Категория акцентности (функциональная семантико-стилистическая категория) [Ivanova, T.B. The category of accentuation (functional semantic-stylistic category)] // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Москва: Флинта: Наука. С. 120—126.
- [8] Кухаренко В.А. (1988). Интерпретация текста [Kukharensko V.A. Text Interpretation] Москва: Просвещение.
- [9] Лузина Л.Г. (1996). Выдвижение [Luzina, L.G. Foregrounding] // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Москва: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 21—22.
- [10] Москвин В.П. (2006). Стилистика русского языка. Теоретический курс [Moskvin, V.P. Stylistics of the Russian Language. Theoretical Course]. 4-е изд., перераб. и доп. Ростов-на-Дону: Феникс.
- [11] Мукаржовский Я. (1967). Литературный язык и поэтический язык [Mukařzovskiy, J. Standard Language and poetic Language] // Пражский лингвистический кружок. Москва: Прогресс. С. 406—431.
- [12] Николаева Т.М. (1982). Семантика акцентного выделения [Nikolayeva, T.M. Semantics of accentual salience]. Москва: Наука.
- [13] Сошкин Е. (2012). Приемы остранения: опыт унификации [Soshkin, E. Devices of enstrangement: unification experience] // Новое литературное обозрение. № 2. С. 178—191.
- [14] Сущинский И.И. (1987). Коммуникативно-прагматическая категория акцентирования и ее роль в вербальной коммуникации (на материале немецкого языка) [Suschinskiy, I.I. The communicative-pragmatic category of accentuation and its role in verbal communication (based on the material of German)] // Вопросы языкознания. № 6. С. 10—20.
- [15] Шкловский В.Б. (1919). Искусство как прием [Shklovskiy V.B. Art as a Technique] // Поэтика. Петроград: 18-ая Гос. типография. С. 13—26.
- [16] Шкловский В.Б. (1983). О теории прозы [Shklovskiy, V.B. Theory of Prose]. Москва: Советский писатель.
- [17] Шкловский В.Б. (1983). Избранное. В 2-х тт. Т. 2. Тетива. О несходстве сходного. Энергия заблуждения. Книга о сюжете [Shklovskiy, V.B. Selected works. In two volumes. Vol. 2. String. On the Dissimilarity of similarity. Energy of misconception. Book about the plot]. Москва: Художественная литература.
- [18] Crawford L. (1984). Viktor Shklovskij: Différance in defamiliarization // *Journal of Comparative Literature*. Vol. 36. No. 3. P. 209—219.
- [19] Douthwaite J. (2000). Towards a linguistic theory of foregrounding. Alessandria, Edizioni dell'Orso.
- [20] Halliday M.A. K. (2002). Linguistic studies of text and discourse (Collected works of M.A.K. Halliday). Vol. 2. London—New York: Continuum.

- [21] *Leech G.N.* (1969). *A Linguistic guide to English poetry*. London–New York: Longman.
- [22] *Leech G., Short M.* (2007). *Style in fiction: a linguistic introduction to English fictional prose*. 2nd ed. London: Pearson Education.
- [23] *Miall D.S., Kuiken D.* (1994). Foregrounding, defamiliarization, and affect: response to literary stories. *Poetics*. No. 22. P. 389—407.
- [24] *Mukařovsky J.* (1964). Standard language and poetic language // *A Prague school reader on esthetics, literary structure, and style* / Ed. and trans. Paul L. Garvin. Washington, D.C. Georgetown UP. P. 17—30.
- [25] *Norgaard N., Montoro R., Busse B.* (2010). *Key terms in stylistics*. London–New York: Continuum.
- [26] *Simpson P.* (2004). *Stylistics: a resource book for students*. London: Routledge.
- [27] *Peer W., van.* (1980). *The stylistic theory of foregrounding: A theoretical and empirical investigation*. PhD Dissertation. Lancaster: Lancaster University.
- [28] *Peer W., van.* (1986). *Stylistics and Psychology: Investigations of foregrounding*. London: Croom Helm.
- [29] *Peer W., van; Hakemulder F., Zyngier S.* (2007). Lines on feeling: foregrounding, aesthetics and meaning // *Language and Literature*. Vol.16. No. 2. P. 197—213.
- [30] *Wales K.* (2001). *A Dictionary of Stylistics*. 2nd ed. London: Longman.

FOREGROUNDING THEORY IN LINGUISTICS: FOUNDATIONS, TRENDS, INTERPRETATIONS

N.M. Dzhusupov

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10-2A, Moscow, Russia, 117198
nursultan79@mail.ru

The article considers general and specific issues of foregrounding theory from the perspective of its study by Anglophone and Russophone researchers. The article focuses on the disputable issues related to the interpretation of foregrounding, its terminological nomination and the basics of implementing this notion into academic practice. In addition, a particular attention is given to describing the distinctive features of foregrounding. Generally, foregrounding theory presupposes that there exists a definite set of regulations which serves as a background for highlighting the stylistic properties based on the violations of both the norms of the standard language and the norms typical of different types of text. The specificity of foregrounding theory as a methodological tool in contemporary stylistics is determined by authorial characteristics of linguistic deviation and communicative-pragmatic potential of foregrounding devices, as well as their importance in textual construction and contextual knowledge (explicit and explicit) representation.

Key words: stylistics, text, foregrounding, foregrounding theory, foregrounding devices, enstrangement, language norm, linguistic deviation.

ИМПЛИЦИТНОСТЬ ИРОНИИ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

З.А. Заврумов

Пятигорский государственный лингвистический университет
пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, Ставропольский край, 357532
nauka@pglu.ru

Имплицитность иронии в художественном тексте осмысливается в статье с позиций ассиметричного дуализма языкового знака, коннотативности, оценочности и эмотивности, а также как результат специфического мировосприятия продуцента такого текста. Автор акцентирует внимание на том, что содержательное единство художественного текста становится результатом интеграции смыслов — эксплицитных и имплицитных, в ряду которых именно последние становятся определяющими в организации семантического пространства иронии.

Ключевые слова: импликация, имплицитность, ирония, художественный текст, языковой знак.

Новые направления в изучении иронии обозначают два ракурса в ее понимании — ирония как стилистический прием и как результат синтеза равноуровневых средств в осуществлении эстетической когниции [4; 6; 8; 9; 11; 14; 16]. Особый акцент делается на текстовом уровне реализации иронии, который предполагает взаимодействие лексических и грамматических средств, текстообразующих факторов и текстовых категорий, в конечном счете формирующих основные композиционные доминанты художественного текста. Важную роль приобретает и обращенность современной лингвистической парадигмы к изучению коммуникативных процессов, что обуславливает обращение к осмыслению способов транслирования информации. Семантическая многомерность, присущая художественному тексту, манифестирует себя в имплицитности: посредством текста передается гораздо больший объем значений, чем выражено в прямых и переносных значениях лексических и синтаксических единиц. В этом отношении исследование иронии характеризуется актуальностью и значительным эвристическим потенциалом.

Специфические отношения, наблюдаемые в структуре языкового знака, отражают корреляции плана содержания и плана выражения, которые характеризуются определенной автономностью форм и значений. Функциональный и содержательный планы языка не конгруэнтны, что детерминировано «асимметричным дуализмом лингвистического знака» [10. С. 81]. Исследователи отмечают в этой связи, что «полифункциональность плана выражения и омонимия единиц плана содержания основывается на отсутствии соответствия между более емким и многочисленным по структурной организации планом содержания и более простым и меньшим по числу единиц планом выражения» [1. С. 89].

Асимметрия языкового знака с позиций его системности и функционирования состоит в синтезе номинативного значения, определяемого его парадигмати-

кой, и «приращения смысла», продуцируемого синтагматикой лексической сочетаемости. Многообразие форм такой асимметрии обусловлено ее манифестированием на всех уровнях языка: от знака и системы языка до процессов, характерных для языка и речи. Функционирование языкового знака определяет репрезентацию асимметричного дуализма и в плане нормы/аномалии, переключение регистров которых создает необходимую стилистическую маркированность. В этой связи значимость импликации и имплицитности неизмеримо возрастает.

Современная наука о языке квалифицирует иронию как одну из форм импликации, т.к. обнаруживает асимметрию содержания и формы, когда план выражения не вполне отражает план содержания. Импликация может быть реализована в тексте частично либо не вербализована вовсе, тем не менее она реальна и может быть эксплицирована. Импликация воспринимается помощью того того, что выражено в тексте и контексте, но опосредованно [3].

«Приращение смысла», продуцируемое художественным текстом, позволяет приходиться к суждениям, не вербализованным в нем, что принципиально важно для осмысления эмоциональности и оценочности текста, а также позволяет сделать значимые выводы о литературной личности (в терминологии Ю. Тынянова его продуцента [19]). Эмоциональность высказывания транслируется в основном посредством импликаций, тогда как событийный ряд в нем эксплицитен. Основной целью импликации является создание мистификации независимости читательской оценки от авторской, хотя, естественно, авторское мировосприятие, компоненты индивидуально-авторской картины мира и позволяют создать сам текст. Импликационал художественного текста содержит скрытую оценку, субъективную по своему характеру. Такая субъективная оценка, часто негативная, и составляет фундамент иронии.

Разумеется, имплицитность иронии в художественном тексте формируется конкретным контекстом, который, в свою очередь, позволяет реципиенту адекватно воспринять и интерпретировать иронический акт, фиксированный в координатах предложения, абзаца, текста. Г.В. Колшанский определяет контекст как «совокупность формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы (лексической, грамматической и т.д.); при этом под однозначностью следует понимать проявление в заданных условиях только одного конкретного содержания языковой формы (например, одного значения слова, одного значения грамматической формы и т.д.)» [12. С. 47].

По Г.В. Колшанскому, может быть выделено три типа контекстов:

- ◆ ограниченный рамками предложения или высказывания микроконтекст;
- ◆ занимающий объем абзаца / диалогического единства макроконтекст;
- ◆ зачастую совпадающий с объемом всего художественного текста мегаконтекст.

Ирония как стилистический прием реализуется прежде всего в объеме микроконтекста — контекста в традиционном смысле термина, под которым понимают:

- 1) лингвистическое окружение данной единицы; условия, особенности употребления данного элемента в речи;

2) законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы [2. С. 206].

Как компонент индивидуально-авторской картины мира ирония реализуется в мегаконтексте, что позволяет говорить о ее структурирующей функции, оформляющей идейно-тематическую сферу художественного текста.

Контекст актуализирует многоаспектные коррелятивные отношения слова с другими словами, что объективирует системность отношений языковых знаков. В художественном тексте контекстуальные связи характеризуются многомерностью и чрезвычайной сложностью. Семантическое пространство художественного текста конкретизирует и такое важное свойство контекста, как его избирательность, фокусируя внимание на полисемии языковых единиц. Разноуровневая ирония всегда основана на «развертывании» семантики слова.

Особое значение в связи с рассмотрением имплицитности иронии в микро-, макро- и мегаконтексте приобретает коннотативного компонента в структуре значения языковых единиц, который «выражает отношение говорящего к предмету номинации в форме эмоции или оценки денотата» [17. С. 84]. Семантическая структура коннотации включает эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты: «коннотации характеризуют слова по оценочному, эмоциональному и стилистическому параметрам и отображают знания о свойствах» [13. С. 108]. Денотативное ядро значения слова «обрастает» коннотациями, что не препятствует рассмотрению денотативного и коннотативного компонентов значения как равноправных, а контекст в таком случае включает оценочную и экспрессивную составляющие [20].

По мнению В.Н. Телия, коннотация рассматривается лингвистикой в узком и широком смыслах: в первом случае она предстает как компонент значения представленной во вторичной номинации языковой единицы, который «дополняет ее объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования» [18. С. 193].

Коннотация в таком понимании «соотносится с обиходно-бытовым опытом, культурно-национальным знанием говорящих на данном языке, с их мировидением и выражает ценностно-рациональное или эмоциональное — по характеру оценки — отношение говорящего к обозначаемому. Коннотация в широком смысле — любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное) содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию» [18. С. 193].

Коннотация всегда ассоциативна, что придает ей особый статус в процессе реализации индивидуально-авторской концепции мира: «Коннотативный признак, по общепризнанному мнению, выполняет роль семантического коррелята ассоциативного признака. Это свойство коннотации определяет специфику явления. Коннотация не указывает на мир, а как бы отсылает к ассоциации, создавая «невидимый» мир, но сама она не есть ассоциация. <...> Коннотация хотя и осознается носителями языка, но является имплицитной, и потому не находит отражения в соответствующих словарях» [13. С. 116]. Закономерно, на наш взгляд, существование сложных взаимосвязей коннотативного компонента и иронии, поскольку

контекст, необходимый для ее декодирования, с необходимостью актуализирует именно коннотации языковых единиц.

Для адекватной интерпретации иронии реципиентом зачастую необходим не только и не столько микроконтекст, сколько целостный художественный текст. Важен также и так называемый «вертикальный контекст» [5], подключающий к толкованию текста социокультурные и историколитературные глубинные смыслы.

Несомненно, имплицитность иронии всегда обозначена определенными маркерами, что позволяет Н.К. Салиховой ввести термин «сигнал иронии», для которого характерна «контекстуальная неуместность сообщаемого, проявляющаяся на смысловом или стилистическом уровне» [15. С. 69].

Как концептуальная категория художественного текста ирония способна имплицитно отражать мировосприятие и оценочность автора, а также его эмоциональное отношение к объектам изображения.

Одним из важных компонентов, участвующих в формировании импликационности иронии, становится интертекстуальность, определяющая, кроме всего прочего, и соотношенность картины мира реципиента художественного текста с картиной мира его продуцента. Без декодирования интертекстуальных смыслов интерпретирование иронического текста зачастую затруднительно, а иногда и невозможно. Общекультурные и лингвистические компетенции автора художественного текста осуществляются в выборе значимых текстов, к которым осуществляются отсылки, что определяет специфику трансляции смыслов посредством культурных кодов и углубляет когнитивный потенциал читателя. Способность к декодированию имплицитности иронии является, в конечном счете, эстетической целью продуцента художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Азнаурова Э.С. (1977). Стилистический аспект номинации словом как единицей речи [Aznaurova, E.S. Stylistic aspects of the category word as a unit of speech] // Языковая номинация. Виды наименований. Москва. С. 86—128.
- [2] Ахманова О.С. (2004). Словарь лингвистических терминов [Akhmanova, O.S. Dictionary of linguistic terms]. 2-е изд., стер. Москва: УРСС: Едиториал УРСС.
- [3] Багдасарьян В.Х. (1983). Проблема имплицитного [Bagdasaryan, V.H. The Problem of implicity]. Ереван: Изд-во АН. Арм СОР.
- [4] Вишневецкая В.Д. (2002). К вопросу о статусе иронии. Языковые средства выражения [Vishnevskaja, V.D. To the topic of the status of irony. Language means of expression] // Мир культуры: теория и феномены. Вып. 2. Пенза. С. 21—24.
- [5] Губбенет И.В. (1980). К вопросу о глобальном вертикальном контексте [Gubbenet, I.V. To the global vertical context] // Вопросы языкознания. № 6. С. 97—102.
- [6] Ермакова О.П. (2002). Ирония и проблема лексической семантики [Ermakova, O.P. The irony and the problem of lexical semantics] // Известия РАН. Сер. лит. и яз. № 61. № 4. С. 30—36.
- [7] Ермакова О.П. (2002). Ирония и словообразование [Ermakova, O.P. Irony and word-formation] // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. London-Hamburg: Münster. P. 403—412.
- [8] Иванова О.В. (2000). Ирония как стилеобразующее начало в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» [Ivanova O.V. Irony as ' trailblazing in the beginning of the novel of F. Sologub's "Little Demon"]]: Дисс. ... канд. филол. н. Москва.

- [9] Каменская Ю.В. (2001). Ирония как компонент идиостиля А.П. Чехова [*Kamenskaja, Ju. V. Irony as a component of A.P. Chekhov's idiosyle*]: Дисс. ... канд. филол. н. Саратов.
- [10] Карцевский С.О. (2001). Об асимметричном дуализме лингвистического знака [*Karcevskij S.O. On asymmetric dualism of the linguistic sign is asymmetric dualism of the linguistic sign*] // Введение в языковедение: хрестоматия: учебное пособие / сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. Москва: Аспект Пресс. С. 76—81.
- [11] Кузнецова А.В. (2012). Языковая игра и ирония в лингвориторическом сценарии художественного текста [*Kuznetsova A.V. Lingua-rhetorical paradigm: theoretical and applied aspects*] // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 17 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ». С. 62—70.
- [12] Колианский Г.В. (2010). Контекстная семантика. [*Kolshanskiy G.V. Contextual semantics*]. Изд. 4-е. Серия «Лингвистическое наследие XX в.». Москва: УРСС: Едиториал УРСС.
- [13] Маслова В.А. (1989). К построению психолингвистической модели коннотации [*Maslova, V.A. Towards building a psycholinguistic model of connotation*] // Вопросы языкознания. № 1. С. 108—120.
- [14] Пивоев В.М. (2002). Ирония как феномен культуры [*Pivoev, V.M. Irony as a cultural phenomenon*]. Петрозаводск: Петрозав. гос. ун-т.
- [15] Салихова Н.К. (1976). Контекстно-ситуативные условия реализации стилистического приема иронии и его функционирование [*Salikhova N.K. Context-and-situation conditions of realization of the stylistic device of irony and its function*] // Научные труды пединститута иностранных языков. Вып. 198. С. 68—75.
- [16] Самыгина Л.В. (2013). Ирония как метатекстовый феномен в рассказах С. Довлатова [*Samygina, L.V. The metatextual Irony as a phenomenon in the stories of Sergei Dovlatov*]. Diss. ... candidate of Philology]: Дисс. ... канд. филол. н. Ростов-на-Дону.
- [16] Стернин И.А. (2015). Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избранные работы [*Sternin, I.A. Theoretical and applied problems of linguistics: Selected works*]. Москва: Директ-Медиа.
- [17] Телия В.Н. (1986). Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [*Telia, V.N. Connotative aspect of semantics nominatives units*]. Москва: Наука.
- [18] Тынянов Ю. (1977). Поэтика. История литературы. Кино [*Tynyanov, Ju. N. Poetics. History of literature. Cinema*]. Москва: Наука.
- [19] Шаховский В.И. (1982). К типологии коннотации [*Shahovskij, V.I. Towards a typology of connotation*] // Аспекты лексического значения. Воронеж. С. 29—34.

THE IRONY IMPLICITLY IN THE SEMANTIC SPACE OF LITERARY TEXT

Z.A. Zavrumov

Pyatigorsk State Linguistic University
Kalinina avenue, 9, Pyatigorsk, Stavropol region, 357532
nauka@pglu.ru

The article considers the irony implicitly in the art text from positions of asymmetric dualism of a language sign, a connotation (konnotativnost), estimation and the emotive component (emotivnost), and also as a result of specific attitude of a text producer. The author specifies that the substantial unity of the art text becomes result of integration of meanings — explicit and implicit among which the last become defining in the organization of irony semantic space.

Key words: implication, implicitly, irony, art text, language sign.

**КОМПОЗИЦИОННО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ БЛОКИ
СОДЕРЖАНИЯ ЖАНРА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ СТАТЬИ,
ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕЙ ПРЕДМЕТНУЮ ОБЛАСТЬ «ГЕОГРАФИЯ»
(на материале журнала “National Geographic”)**

С.Н. Семенова

Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, Россия, 350040
sofiya.semenova75@yandex.ru

В статье предпринята попытка обосновать процесс конструирования модели жанра научно-популярной статьи в предметной области «География». Рассматриваются композиционно-тематические блоки содержания жанра научно-популярной статьи, описывающей географию; исследуется массив текстов, в котором представлены описания каждого блока. Структура научно-популярной статьи, описывающей географию, складывается из прагматически информативных фактов в сочетании с подчиненными дискурсионными и классификационными признаками. Установлено, что основные элементы статей — деятельность людей, мониторинг окружающей среды, стихийные бедствия, животный мир, растительный мир — в которых дается подробное описание проблем, характеризующих их как описательные.

Ключевые слова: жанр; предметная область «География»; дискурсивная деятельность; представление речевых фрагментов; прагматика текстовых реализаций; информация; композиционно-тематические блоки.

ВВЕДЕНИЕ

Термин «предметная область» был заимствован из исследований в области лингвистического обеспечения искусственного интеллекта. Под предметной областью понимается некоторый отдельный фрагмент жизненного опыта индивида. Границы предметной области определены целями и масштабами исследования, но она всегда соотносена с эпизодом или группой эпизодов, показывающих единство предметов и их связей.

В социолингвистическом понимании дискурс связан с понятиями речевого жанра и предметной области. Речевой жанр рассматривается как относительно устойчивые типы высказывания, используемые в определенной предметной области. В теории речевых жанров за единицу дискурсивной деятельности принимается текст, обладающий целостностью и смысловой завершенностью [10]. Представление текста разрабатывается с точки зрения взаимосвязи когнитивных компонентов текста в отношении когнитивной прагматики. Текст и дискурсивная деятельность изучаются как единое семиотическое образование, предполагающее наличие истолкователя, и рассчитана на интерпретацию. На сегодняшний день проводятся многочисленные исследования по различным предметным областям [1—4].

Цель исследования — на основе изучения массива текстов, характеризующих предметную область «География» (более 250 текстов на английском языке), предпринять попытку обосновать процесс конструирования модели жанра научно-популярной статьи, описывающей географию.

Для достижения поставленной цели потребовалось решить ряд задач: 1) изучить массив текстов научно-популярной статьи, описывающей географию; 2) определить композиционно-тематические блоки содержания научно-популярной статьи, описывающей географию; 3) представить речевые фрагменты к каждому композиционно-тематическому блоку; 4) описать прагматику текстовых реализаций научно-популярной статьи, описывающей географию.

Структура научно-популярной статьи, представляющей географию в целом, складывается из прагматически информативных фактов в сочетании с подчиненными дискурсионными и классификационными признаками и, на наш взгляд, имеет следующий вид:

1. деятельность людей: 1) археологические раскопки; 2) наркотики;
2. мониторинг окружающей среды: 1) подводные горы; 2) леса;
3. стихийные бедствия: 1) наводнения; 2) цунами;
4. животный мир: 1) млекопитающие; 2) птицы;
5. растительный мир.

ОРИГИНАЛЫ И ПЕРЕВОДЫ В ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ГЕОГРАФИЯ»

Приведем фрагменты публикаций из научно-популярных журналов “National Geographic” за период 2010—2012 гг., в которых 5 названных выше композиционно-тематических блоков представлены дискурсивно в предметной области «География» [5—9]¹.

1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЮДЕЙ

1) Археологические раскопки

“An infant and an adult female’s foot were among the naturally mummified remains of 30 people discovered in a mortuary cliff cave at Mustang’s Mebrak site in 1995 by German and Nepalese archaeologists. Dating back some 2000 years, the bodies were bound with cloth strips and placed in wooden coffins with copper bangles, glass beads, and shell necklaces” [9. P. 128]. — ‘Конечности ног ребенка и женщины были среди естественным способом мумифицированных останков 30 людей, найденных в погребальной пещере утеса в местечке Мустанг Мебрак в 1995 году немецким и непальским археологами. Примерно 2000 лет назад тела были обмотаны матерчатými лентами и помещены в деревянные гробы с медными браслетами, бисером и с ожерельями из ракушек’.

Современному человеку многое непонятно и неизвестно относительно исторически сложившихся событий, произошедших много лет назад. Автор статьи описывает находку исследователей, что поможет получить информацию о жизни и деятельности человека за прошлые исторические периоды.

2) Наркотики

“Drug cartels have destabilized many states in Mexico, where they are influencing popular culture and even religious devotion” [5. P. 61] — ‘Картели по наркотикам

¹ Переводы с английского языка на русский фрагментов научно-популярных статей выполнены нами. — С.С.

дестабилизировали ситуацию во многих штатах Мексики, влияя на народную культуру и даже религиозные взгляды’.

Очевидно, что автор дает читателю информацию о современной проблеме всего человечества — наркотиках. Здесь имплицитно содержится призыв к борьбе против этого зла, так как будущее зависит от здоровья всей планеты.

2. МОНИТОРИНГ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

1) Подводные горы

“A harbor seal peers from a kelp forest on Cortes Bank, a series of undersea peaks and plateaus off the coast of San Diego. This shallow, light-filled summit supports a wide variety of animals and plants” [8. P. 68] — ‘Обыкновенный тюлень выглядывает из зарослей бурой водоросли, на побережье Кортес ряда горных вершин и плато, далеко от побережья Сан Диего. Это невысокая и хорошо освещенная вершина является местообитанием огромного разнообразия видов животных и растений’.

Автор данного отрывка описывает местообитание тюленя: рассматриваются как биологические, так и географические термины, помогающие читателю представить картину подводной жизни этого животного.

2) Леса

“The News from “Planet’s Forests” has been surprisingly good lately, at least compared with the news of a decade or two ago. Globally, according to a United Nations report that came out last year, the rate at which forests are destroyed-logged or cleared to make way for farms or mines — was nearly 20 percent lower from 2000 to 2010 than it had been in previous decades” [9. P. 31] — ‘Появились утешительные новости в журнале “Planet’s Forests”, по крайней мере, в сравнении с новостями за последние 10 или 20 лет. Повсеместно (на основании доклада ООН, который поступил в прошлом году) уровень лесов загубленных в промышленных целях, или вырубленных под фермерские хозяйства, или под шахты был почти на 20% ниже в период с 2000 по 2010 гг., чем был за предыдущие десятилетия’.

В этом фрагменте автор констатирует проблемы, связанные с вырубкой лесов. Отмечено, что есть положительные результаты в сокращении деревьев, которые понимаются читателем как поддержание экологии планеты в целом, так как все составляющие природы тесно взаимосвязаны между собой.

3. СТИХИЙНЫЕ БЕДСТВИЯ

1) Наводнения

“More than a third of the world’s people live within 62 miles of a shoreline. Over the coming decades, as sea levels rise, climate change experts predict that many of the world’s largest cities, including Miami and New York, will be increasingly vulnerable to coastal flooding” [6. P. 66] — ‘Более $\frac{1}{3}$ людей живет в пределах 62 миль от береговой линии. В ближайшие десятилетия эксперты по глобальному изменению климата предсказывают, что многие крупнейшие города мира, включая Майами и Нью-Йорк, будут чрезвычайно уязвимы от береговых наводнений, так как уровень моря увеличивается’.

В этом фрагменте отмечается, что человечество стремится жить комфортно, поэтому оно перемещается поближе к побережью. В результате изменения мирового климата, в основном вследствие человеческой деятельности, возникает множество экологических проблем, а повышение уровня мирового океана особенно.

2) Цунами

“Tsunamis aren't moon-driven or wind-driven waves at the sea surface. They're caused by violent movements of rock-seafloor earthquakes usually — that can put a whole ocean in motion. Since the first one on record, along Syria's coast in about 2000 B.C., a few thousand tsunamis have collectively killed more than 500.000 people. Nearly half those deaths occurred in a single catastrophe in the Indian Ocean in 2004; as coastal populations have boomed, tsunamis have grown more lethal” [7. P. 60] — ‘Цунами — это не волны, возникающие вследствие приливов и отливов или силы ветров, на поверхности моря. Они вызваны сильными толчками землетрясений подводных пород, которые обычно, могут привести в движение целый океан. Согласно первому упоминанию такого явления вдоль побережья Сирии около 2000 лет назад до нашей эры, несколько тысяч цунами в итоге погубили 500 000 человек. Почти половина этого количества смертей произошла в одной катастрофе в Индийском океане в 2004 г. Так как береговая численность населения сильно увеличилась, цунами стали более опасными для жизни’.

Автор статьи описывает стихийное бедствие — цунами, обращая внимание читателя на то, что основной проблемой является несерьезное отношение человека к природе. Необходимо тщательное изучение и предсказание стихийных бедствий для сохранения жизни людей и защиты окружающей природной среды.

4. ЖИВОТНЫЙ МИР

1) Млекопитающие

“Killing African elephants for their ivory is devastating a species that's already losing ground to a growing human population. In 2011 poaching hit the highest levels in a decade, with the greatest impact in the central Africa region” [9. P. 44] — ‘Убивая африканских слонов из-за их бивней, уничтожают вид, вследствие, увеличивающейся численности населения. В 2011 г. охота достигла самых высоких показателей за десятилетие, особенно, в районе Центральной Африки’.

Поскольку в настоящее время множество научно-популярных журналов служат основным источником информации, постольку многие исследователи с помощью своих статей пытаются обозначить проблемы сокращения вида слонов и других животных, чтобы привлечь специалистов к решению различных задач по защите животных. Известно, что во многих регионах Африки живут очень бедные народы, поэтому для того, чтобы прокормить семьи, многие занимаются браконьерством, торговлей редкими видами флоры и фауны. Такие люди не имеют понятия о балансе естественных экосистем, который, по мнению ученых из разных стран, занимающихся защитой окружающей среды, нельзя игнорировать.

2) Птицы

“At dusk in winter the sky above Rome fills with hundreds of thousands of European starlings moving and twisting like a giant, single organism. Such avian displays have long mystified human observers; one British naturalist believed the birds used a kind of telepathy to move in sync.” [8. P. 24] — ‘В сумерках зимой небо над Римом наполняется сотнями тысяч европейских скворцов, летающих и крутящихся как огромный единый организм. Такие птичьи представления озадачивали исследователей. Британский натуралист полагал, что птицы использовали какую-то телепатию, чтобы двигаться синхронно’.

Описывая красивое «птичье представление», автор статьи призывает изучить данное явление с научной точки зрения, так как для проведения научного мониторинга динамики окружающей среды в решении многочисленных экологических проблем необходима не только информационная, но и финансовая помощь.

5. РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР

“Chinese herbalists have long relied on the roots of the blue evergreen hydrangea to treat malaria. In the 1960s scientists derived the compound halofuginone from the plant’s active ingredient, but side effects stymied early efforts to turn it into mainstream medicine” [9. P. 24] — ‘Китайские ботаники долго надеялись на корни вечнозеленой голубой гортензии, при помощи которой проводилось лечение малярии. В 1960-х гг. ученые разработали смесь халофугинон из активной составной части растения, но побочные эффекты препятствовали ранним попыткам превратить ее в медицинскую господствующую тенденцию’.

В этом случае автор констатирует, что были сделаны лишь предварительные заключения по поводу использования созданного учеными медицинского препарата. Необходимы дальнейшие исследования для решения проблем, связанных с лечением не только «малярии», но и остальных болезней человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В основе новейших исследований дискурсивной деятельности находятся перспективные направления представления знания. Они направлены на поиск концептуальных образований, характеризующих знание и способы его представления в процессах понимания и порождения языковых сообщений.

Как видно из анализа фрагментов научно-популярных статей, все публикации принадлежат предметной области «География». Ее основные элементы — это деятельность людей, мониторинг окружающей среды, стихийные бедствия, животный мир, растительный мир.

Подводя общий итог, отметим, что в композиционно-тематических блоках содержания жанра научно-популярной статьи журналов “National Geographic» дается подробное описание проблем, что характеризует тексты как описательные. Представляя информацию о прошлом и настоящем, давая прогноз на будущее, авторы научно-популярных статей решают задачу ментального воздействия на индивидуальное ментальное пространство читателя посредством особо организованных языковых символов, результатом которого должна стать качественно новая, изменившаяся деятельность читателя.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Karipidi A.G.* (2006). Термин как когнитивный оператор агрономического дискурса [*Karipidi, A.G. Term as a cognitive operator of agronomic discourse*] // Экологический вестник научных центров ЧЭС. Дискурсивное пространство: эволюция и интерпретации. № 2. С. 67—69.
- [2] *Лобас П.П.* (2015). Манипулирование в политическом дискурсе (на материале текстов общественно-политической тематики) [*Labas, P.P. Manipulation in political discourse (reviewing socio-political texts)*] // Известия ЮФУ. Филологические науки. Ростов н/Д, № 4. С. 90—98.
- [3] *Ломнина З.И.* (2004). Эмотивность текстов по экологии: тенденции и гипотезы [*Lomnina, Z.I. Emotional breadth of texts on ecology: trends and hypotheses*] // Экологический вестник научных центров ЧЭС. Экология языка как прагматическая сущность. С. 45—48.
- [4] *Сухих С.А.* (2004). Дискурс как инструмент коммуникации [*Sukhikh, S.A. Discourse as an instrument of communication*] // Экологический вестник научных центров ЧЭС. Экология языка как прагматическая сущность. С. 144—148.
- [5] National Geographic. Washington D.C. May, 2010.
- [6] National Geographic. Washington D.C. May, 2011.
- [7] National Geographic. Washington D.C. February, 2012.
- [8] National Geographic. Washington D.C. September, 2012.
- [9] National Geographic. Washington D.C. October, 2012.
- [10] *Stubbs M.* (1983). *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford.

COMPOSITIONAL-TOPICAL MODULES OF CONTENT OF SCIENTIFIC-POPULAR GENRE, CHARACTERIZING SUBJECT AREA “GEOGRAPHY” (on the material of “National Geographic”)

S.N. Semenova

Kuban State University
Stavropolskaya str., 149, Krasnodar, Russia, 350040
sofiya.semenova75@yuandex.ru

In the given article an attempt is made to ground a process of model forming of scientific-popular genre, characterizing subject area “*Geography*”. In the research work compositional-topical modules of content of scientific-popular article’s genre, presenting *Geography* are examined. In this connection text corpus, in which the description of each module is presented, is being studied. The structure of scientific-popular article, describing *Geography* is formed up by pragmatically informative factors in the combination of subordinate discourse and classification features. The main elements such as: people’s activity, monitoring of environment, natural calamities, fauna and flora (with detailed description of each problems), characterizing them as descriptive, are defined here.

Key words: genre; subject area “*Geography*”; discourse activity; representation of verbal fragments; pragmatics of texts’ realization; information; compositional-topical modules.

ТЕКСТОВЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ ФЕНОМЕНЫ СМИ

УДК 82-7:811.512.145+811.511.151

АФОРИСТИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТОВ *ВЛАСТЬ* И *ПОЛИТИК* В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ (на материале татарского и марийского языков)

Ф.Я. Хабибуллина, И.Г. Иванова

Марийский государственный университет
площадь Ленина, 1, Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, 424000
khflora@yandex.ru; iraida44@yandex.ru

Статья посвящена изучению концептов *ВЛАСТЬ* и *ПОЛИТИК* в афористическом пространстве региональных СМИ разноструктурных языков — татарском и марийском. Особое внимание уделено функционированию языковых (массовых) и речевых (индивидуальных) афоризмов. Проведено сравнительно-сопоставительное описание пословиц и поговорок, фраз-клише, фраз-символов, девизов, цитат. В политическом дискурсе региональных СМИ Татарстана и Марий Эл наиболее представлены афоризмы, относящиеся к следующим лексико-семантическим полям: *внешняя/внутренняя политика, государство/страна, государственные структуры/службы, учреждения, партии и политические движения, органы управления, государственный строй*.

Ключевые слова: афоризм, афористичность, политическая афористика, политический дискурс, концепт *ВЛАСТЬ*, концепт *ПОЛИТИК*, региональные СМИ.

ВВЕДЕНИЕ

Существенные изменения общественно-политической жизни демонстрируют интерес лингвистов к политическому дискурсу. Возрастающая экспрессивность политического дискурса в контексте стремления к достижению фундаментальной цели — борьбы за власть находит свое яркое отражение в подборе и использовании языковых средств выразительности, интенсивность воздействия которых достаточно высока. К одному из таких средств относятся афоризмы.

Вопросами понимания и определения афоризма как языкового явления занимались многие российские и зарубежные исследователи: Л.В. Успенский (1964); Г.Л. Пермяков (1970); Г.Е. Крейдлин (1989); В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин (1990); Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольская (1990) и другие. Опыт исследований афористичности в политическом дискурсе (далее — ПД) мегаязыков в основном представлен исследованиями особенностей ПД на примере выступлений ведущих

мировых политических лидеров: Н.С. Хрущева, В.В. Путина, Дж. Буша (мл.), Б. Обамы и других.

Вопросы региональной политической афористики остаются недостаточно исследованными. В частности, опыт дискурс-анализа политического портрета главы муниципального образования в региональных СМИ («Регион-46», «Курская правда», «Курский вестник») выполнен Р.В. Головиной (2008). К.В. Дементьева рассматривала формирование дискурса региональных массмедиа Республики Мордовия в условиях глобализации. Отдельный параграф диссертации С.В. Васильевой посвящен общественно-политическим терминам-калькам в масс-медиа Марий Эл (2009). Подборка афоризмов на материале марийского языка проведена З.М. Глушковой (2008). Крылатые выражения взяты из произведений поэтов, прозаиков, драматургов, выступлений общественных деятелей. Выполненное А.К. Хурматуллиным диссертационное исследование ставило целью изучение метафорики и фразеологии татарского политического дискурса (на примере информационных интервью) (2011). Г.А. Набиуллина рассматривает вопросы лексикографического описания современных татарских афоризмов. Основное внимание автор акцентирует на сборе и систематизации литературных афоризмов (2012).

Сравнительно-сопоставительное изучение регионального афористического фонда политического дискурса на примере языков Российской Федерации нами не выявлено.

ЯЗЫКОВЫЕ И РЕЧЕВЫЕ АФОРИЗМЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

Целью данной статьи является анализ функционирования афоризмов в политическом дискурсе Республики Татарстан и Республики Марий Эл конца XX — начала XXI в.

Объект данного исследования — языковые и речевые афоризмы и афористические высказывания, использованные в региональных СМИ Республики Татарстан и Республики Марий Эл.

Материалом исследования послужили афоризмы, представленные на официальных сайтах региональных периодических изданий, а также публикации в ведущих печатных изданиях на татарском и марийском языках: *Ватаным Татарстан* (Моя родина Татарстан) — общественно-политическая газета на татарском языке, издающаяся в Республике Татарстан, и *Марий Эл* (Марийская земля) (мар.) — общественно-политическая газета на марийском языке, издающаяся в Республике Марий Эл, журнал *Марий сандалык* (Марийский мир) (мар.), а также газеты *Безнең гажит* (Наша газета) (тат.) и *Шәһри Казан* (Город Казань) (тат.).

Следует разграничивать понятия «афористичность» и «афоризм». Так, в Толковом словаре С.И. Ожегова под термином «афористичность» понимается краткость, лаконичность, лапидарность, лаконизм; насыщение речи афоризмами лаконичными, отточенными по форме и выражающими обобщенную мысль изречениями. Афористичность рассматривается как отвлеченное существительное по прилагательному, образованному от прилагательного *афористичный* [18].

Н.М. Калашникова предлагает толковать термин «афористичность» в широком значении, то есть использование афоризмов, как созданных конкретным авто-

ром, так и заимствованных у других авторов и иных языковых и речевых единиц обобщающего и часто образного характера: пословиц и поговорок, стереотипных формул эпохи, цитат из текстов классики, популярных песен, стихов, кинофильмов и так далее [9. С. 91].

Афористичность применительно к политическому дискурсу, по мнению Н.С. Бажалкиной, целесообразно понимать как «насыщение речи собственно афоризмами, афористичными выражениями (АВ), меткими высказываниями образного или обобщающего характера, цитатами, высказываниями в косвенной речи со ссылкой на их источник, вопросительными и риторическими конструкциями, девизами, призывами, индексальными фразами и программными заявлениями» [1. С. 64]. Под политической афористикой автор понимает совокупность высказываний и суждений, внутреннее содержание которых относится непосредственно к политической сфере. Выделяются такие жанры, как собственно афоризм, пословица, максима, заголовок, лозунг, девиз, программное заявление, фраза-символ, индексальная фраза. Политическим афоризмом, по мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, прежде всего следует считать такой афоризм, в котором в указанной форме осмысляются специфика и/или субъекты политической деятельности. При этом авторами могут быть как политики, так и другие общественные деятели или писатели (...) [2. С. 69].

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделяют **языковые** (массовые) и **речевые** (индивидуальные) **афоризмы**, в рамках которых рассматриваются афоризм и афористическое высказывание [7. С. 71—72, 88]. К **языковым** афоризмам авторы относят: 1) пословицы и поговорки; 2) крылатые слова — «краткие цитаты, образные выражения, изречения исторических лиц»; 3) призывы, девизы, лозунги и «другие крылатые фразы, которые выражают определенные философские, социальные, политические воззрения»; 4) общественно-научные формулы и естественнонаучные формулировки. Для **речевого** афоризма, главными отличиями которого являются обязательное наличие авторства и отточенность мысли, заключающаяся в актуальности, злободневности затрагиваемой проблемы, важна выразительность, которая достигается широким спектром языковых средств всех уровней.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ АФОРИЗМОВ В СМИ ТАТАРСТАНА И МАРИЙ ЭЛ

Изучение вопроса функционирования современной политической афористики в региональных языках осуществлялось в данной статье в соответствии с базовыми концептами политического дискурса — ВЛАСТЬ и ПОЛИТИК, выраженными следующими лексико-семантическими группами (ЛСГ): *государство/страна; государственный строй; государственная символика; партии / политические движения; выборы; внешняя / внутренняя политика; органы управления; государственные структуры, службы, учреждения; глава государства, главы властных структур* [19. С. 188—189; 23. С. 65].

Из широкого спектра языковых афоризмов в рассматриваемых нами российских региональных СМИ выделяются **пословицы и поговорки**.

В сопоставляемых языках — татарском и марийском — одинаково часто встречаются пословицы как сжатые, общеупотребительные, нравоучительные из-

речения, представляющие собой предложения, несущие практические указания, житейскую мудрость. Большинство обнаруженных нами пословиц и поговорок являются прямыми ссылками на соответствующие аналоги русского языка, либо сформулированы с опорой на прецедентный текст, либо интерпретируется со ссылкой на конкретный источник. Например: тат.:

1) *Руслар озак жиксалар да, жиккәч тиз чаптырылыр (...)* / *Русские хоть и долго запрягают, запряжиши, быстро припускают (...)* (о проблемах в продвижении России за последние 12 лет) [4]. Пословица использована в статье с «говорящим» заголовком «Торгынлыклы тотрыклылык» / «Стабильный застой» и представляет собой прямую цитацию известной русской пословицы, что указывает на достаточно сильное влияние русской афористики на татарский язык. Русские в статье называются «Өлкән туган» (старший родственник).

Сравните, мар.:

2) *Пырля лийына — пашана вийна, пашана вийна / Будем вместе — работа спорится, работа спорится поговорка* [13].

Данные примеры свидетельствуют о наличии в приведенных фрагментах калькированных вариантов соответствующих русских пословиц.

Поговорки как образные выражения какого-либо явления имеют целью придание выразительности предложению, украшение мысли и речи. Они не несут в себе назидание и поучение, а констатируют факт. Их общими признаками являются народность, краткость, меткость, рифмованность. Сравните, тат.:

1) *Изге урын буш тормый. Татарстанда дистәдән артык шәһәр-районда башлыклар алмашынды / Свято место пусто не бывает* [4]. В Татарстане сменилось более десятка глав местной администрации (в связи с выборами в местные территориальные органы управления).

2) *Ил икътисады турында сөйлигәндә: Жигәбәз да жигәбәз, кайчан чаптырып китигәбәз? / Говоря о государственной политике в экономике: Запрягать-то запрягаем, а когда пустимся (припустим) вскачь?* [4].

3) *Әмма бер үк вакытта кыз да, буаз да булып булмаган кебек: консерватор бервакытта да реформатор була алмый. / Но в одно и то же время невозможно быть и девушкой, и беременной: консерватор не может быть одновременно реформатором* (о политическом пейзаже современного Татарстана) [4].

Концепт «политик» передается не только калькированием русских паремических единиц, но и исконно татарскими поговорками, сравните:

Чиләгенә күрә капкачы. / По ведру и покрышка (о выборах нового территориального главы) [4]. *Яңа себерке яңача себерер / Новая метла метет по-новому* [3]. Пословица использована в заголовке газетной статьи в связи с вступлением Ильдуса Нафикова в должность главы Республиканской прокуратуры. Автор выражает надежду, что новый руководитель внесет существенные новшества в деятельность данного государственного органа. Например, тат.:

Аерылганны аю ашар / Рассорившихся (разъединенных) съест медведь [21]. Поговорка использована в заголовке статьи, посвященной присоединению Крыма к России. Основная идея статьи — сила в единстве. Это подтверждает и многолет-

ний опыт совместной жизни в едином государстве. Подчеркивается мысль, что и в дальнейшем эта связь останется нерушимой. Данная поговорка является сокращенным вариантом татарского афоризма *Аерылганны аю ашар, бүленганне буре ашар / Разъединенных съест медведь, и разделенных съест волк* [17].

В марийском политическом дискурсе собственно марийские пословицы и поговорки имеют низкую частотность и практически не используются. Например, мар.:

1) *Нелылык пырля веле сеналтеш / Справиться с трудностями можно только вместе* (о работе депутатов Госсобрания РМЭ) [14].

2) *Паша айдемдем сораствара / Работа красит человека* (про Председателя Марийского Общенационального Совета А.Н. Иванова) [10].

Устойчивые фразы-клише отражают, как правило, событие или явление, образы, присущие определенной эпохе, народу, нации, и переплетаются с такими видами языковых афоризмов, как девиз, слоган, лозунг. Последние рассматриваются как призыв или обращение в лаконичной форме, выражающие руководящую идею, требование. Они представляют собой компрессию политических, идеологических принципов, выдвигаемых определенной политической силой, движением (партией, государством) в качестве основы ее деятельности в данный период времени. Например, основная идея (концепция, акцент) предвыборной кампании реализуется во всех видах политической рекламы [8]. Сравните, тат.:

Без булдырабыз! / Мы (с)можем! Данный афоризм являлся лозунгом предвыборной президентской кампании Рустама Миннеханова, действующего Президента Республики Татарстан.

Устойчивые фразы-клише обнаруживают национально-культурный фон и опираются на традиционные этностереотипные образы, например, мар.:

Изи калыкнан вий-куатшым кертын озыл весе сеНен / Не смог никто подавить силу нашего малого народа (К Дню Национального героя) [12]. Данная фраза основана на обобщенном представлении марийского народа о Национальном герое, который является собирательным образом таких народных героев, как Чумбулат и Акпатыр. Например, Чумбылат (мар. Курык кугыза, Кугу еН, Поро Лемдетур Курык Кугыза, Полемдрук Кугыза) — это легендарный марийский князь, вошедший в национальную мифологию. Имя собственное происходит от тюркского *чум, муж + булат* — сталь особой прочности. Чумбылат в конце XI в. собрал под свое покровительство большую часть разрозненных марийских племен и приказал строить города-крепости. Его народ считал своим северным царем. Он собирал под свои знамена в защиту родной земли и традиционной народной веры десятки тысяч ратников для спасения своего народа от нашествия врагов. При нем сложилось традиции богослужения, порядок жертвоприношения, которые оставались традиционными на протяжении столетий [20]. Например, тат.:

Дошман эзлаган — дошман, душлашырга теллаган дуслар таба. / Кто хочет раздора — найдет врага, кто хочет дружить — найдет друга [5]. Этот афоризм резюмировал завершившуюся в Москве встречу «Медиамоств между Европой

и Азией» (7—8 июля 2014 г.) и подчеркивает историческую важность укрепления политических, экономических и культурных связей между Западом и Востоком в современную эпоху. Сравните, мар.:

Нельлык нырля веле сеНалтеш! / Справиться с трудностями можно только вместе [14]. Данный лозунг актуализирует идею необходимости консолидации усилий в эпоху международной политической нестабильности и напряженности.

Каждая эпоха имеет свои особенности, сформулированные во фразах-символах. Они отсылают к прецедентной ситуации, а не тексту (фраза-символ) или имеющие автономный текстовый статус (афоризм, пословица, лозунг, максима), не обладают дискурсивной дейктичностью. Например, тат.:

Чаң сугарлык халлер бар / Есть силы бить в колокол [4]. Фраза высказана по поводу начала работы весенней сессии Государственного Совета депутатов РТ четвертого созыва и выражает полную уверенность, что депутаты эффективно будут решать вопросы, обсуждаемые на этой сессии.

Речевые афоризмы как компоненты общего афористического фонда, обладая кумулятивной функцией, способны аккумулировать и обобщать в себе экстралингвистическую информацию, в том числе культурно значимую, выражающую не только взгляды авторов, но и мировоззрение эпохи. В исследуемых нами региональном политическом дискурсе достаточно высокую частотность имеют цитаты из популярных песен и стихов, сравните:

1) ***Нимо мондалтын огыл, нигё ок мондалт! / Никто не забыт, ничто не забыто*** [16] (мар.).

2) ***Бәләкәй халык булмый / Нет маленьких (малых) народов*** [6]. Цитата из стихотворения журналиста Римана Гыйлемханова использована по поводу Республики Ингушетия — субъекта Российской Федерации, входящей в состав Северо-Кавказского федерального округа.

3) ***Росийыште кёлан илаш сай? / Кому в России жить хорошо?*** (о снижении зарплат госчиновников) [11]. Данная фраза является аллюзией на название поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (мар.).

Речевые политические афоризмы актуализируют продуктивность системы метафорических образов с учетом влияния политической ситуации, злободневности затрагиваемой проблемы. Дифференцирующим признаком речевых афоризмов являются наличие автора, выразительность, отточенность мысли. Им присущи такие признаки, как имплицитность, обобщенность и парадоксальность. В качестве лингвистического фактора выступает появление переносного смысла в соответствии с меняющимся во времени лингвокультурным пространством национального сообщества. Например, тат.:

Безнең очен норма таблетка белән витаминнар түгел, ә саламәт яшәү рәвеше. / Для нас нормой является здоровый образ жизни, а не таблетка с витаминами [22]. Высказывание Ильсура Метшина, мэра г. Казани, о политике ор-

ганов исполнительной власти в области медицины и охраны здоровья населения. Афоризм опубликован в рубрике «Сказанное слово — выпущенная стрела».

‘Тандем педальларен эйландергандә дә’ рульнең аның кулында булуы беребезгә дә сер булмады төслә. / ‘Даже когда тандем крутит педали’, ни для кого не секрет, в чьих руках руль (кто ‘рулит / управляет’) (о политическом тандеме Президента РФ В.В. Путина и премьер-министра Д.А. Медведева [4]. Автором выступает журналист Наил Шарифуллин.

Высока частотность использования речевых афоризмов в заголовках газет. Основным языковым средством выражения афористичности выступает перифраза, тат.:

Таяк белән ярасаң гына инде. / Если только разрубить палкой [4].

В заголовке статьи республиканской газеты «Ватаным Татарстан», автором которой является Альберт Хасанов, перифразируется известное выражение *Гордиев узел*, означающее запутанное сплетение обстоятельств. Фразеологизм *Разрубить гордиев узел* — разрешить какое-либо сложное, запутанное дело насильственным, прямолинейным способом. В статье предлагается таким способом решить проблему с казнокрадством на государственном уровне, мар.:

Мыйын полиций мыйым индыра? / Моя полиция меня обижает? [15].

Данный заголовок в республиканской газете «Марий Эл» представляет собой перифраз строки из поэмы «Хорошо» Владимира Маяковского *Моя милиция меня бережет*. Его использование имеет ироничный характер, так как полиция не только не справляется со своей задачей, но и выполняет прямо противоположную функцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ функционирования афоризмов в СМИ Республики Татарстан и Республики Марий Эл свидетельствует о совпадении отражения концептов «власть» и «политик» в политическом дискурсе татарского и марийского языков.

Из всех лексико-семантических групп, выражающих концепт «власть», наиболее представленными в политическом дискурсе региональных СМИ Татарстана и Марий Эл являются (по частотности употребления) *внешняя/внутренняя политика* (36%), *государство/страна* (12%), *государственные структуры/службы, учреждения* (12%), *партии и политические движения* (8%), *органы управления* (4%). Единично представлены ЛСГ *государственный строй* (1%). Не находит отражения в афористическом пространстве такая ЛСГ, как *государственная символика*. Из двух лексико-семантических групп концепта «политик» наиболее употребительна группа *глава государства* (21%) в сравнении с ЛСГ *главы властных структур* (6%).

Процентное соотношение основных видов афоризмов распределилось следующим образом: 28% (речевых) и 72% (языковых). Афористичность в политическом дискурсе региональных СМИ обеспечивается в большей степени интертекстуальностью, то есть опорой на прецедентные тексты и калькирование преиму-

щественно с русского языка. Опора на использование внутренних ресурсов языка превалирует в татарском политическом дискурсе. Отмечен достаточно низкий уровень функционирования авторских (оказиональных) афоризмов в обоих языках.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бажалкина Н.С. (2009). Роль афористичности в политическом дискурсе [Bazhalkina, N.S. The role of epigrammatism in the political discourse] // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». М., 2009. № 3. С. 63—66.
- [2] Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (2008). Аспекты теории фразеологии [Baranov, A.N., Dobrovolsky D.O. Aspects of phraseological theory]. Ч. 1. (PDF). Москва: изд-во Знак.
- [3] Безнец гәжит № 9 от 05.03.2014.
- [4] Ватаным татарстан, № 18—19 от 01.02.2013.
- [5] Ватаным татарстан, № 86 от 18.06.2014.
- [6] Ватаным Татарстан, № 61, 24.04.2015.
- [7] Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. (1990). Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [Vereschyagin, Eu.M., Kostomarov, V.G. Language and culture. Linguistic and cultural studies in teaching Russian as a foreign language]. Москва: Русский язык.
- [8] Ильясов Ф.Н. (2000). Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах [Ilyasov, F.N. Political marketing. Art and ology to win elections]. Москва: ИМА-пресс.
- [9] Калашикова Н.М. (2004). Афористичность как черта идиостиля В. Токаревой [Kalashnikova, N.M. Epigrammatism as a feature of V. Tokareva idiostyle]: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык. Ростов-на-Дону.
- [10] Марий сандалык. URL: <http://mer-kanash.ru/2014/09>.
- [11] Марий Эл № 20(24649) от 21.03.2015.
- [12] Марий Эл № 30(24659) от 25.04.2015.
- [13] Марий Эл. URL: <http://gazetamariel.ru/?p=4954>.
- [14] Марий Эл. URL: <http://gazetamariel.ru/?p=5234>.
- [15] Марий Эл. URL: <http://gazetamariel.ru/?p=6795>.
- [16] Марий Эл. URL: <http://gazetamariel.ru/?p=8988>.
- [17] Пословицы на татарском языке [Proverbs and sayings in Tatar]. URL: <http://tatarz.ru/index/0-79,0>.
- [18] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. The defining dictionary of Russian language] (1949—1992). URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/8246>.
- [19] Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г. (2014). Политическая лексика в татарском и марийском языках: синхронный анализ [Khabibulina, F. Ya., Ivanova, I.G. Political vocabulary in Tartar and Mari: synchronic analysis] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. М., 2014. № 1 (31). С. 186—190.
- [20] Чумбылат. URL: <http://finugor.ru/leaders/candidate/chumbylat>.
- [21] Шәһри Казан, 20.03.2014, № 30 (5356).
- [22] Khabibullina F.Ya., Ivanova I.G. (2015). Particularities of Political Vocabulary in Tatar and Mari Mass Media: Synchronic and Diachronic Analysis // Review of European Studies. Vol. 7, № 8. С. 65—77.

**APHORISTIC REFLECTION OF THE CONCEPTS
OF POWER AND POLITICIAN IN THE REGIONAL MEDIA
(on the material of the tatar and mari languages)**

F.Ya. Khabibullina, I.G. Ivanova

Mari State University
Lenin Squ., 1, Yoshkar-Ola, Republic Of Mari El, 424000
khflora@yandex.ru; iraida44@yandex.ru

The article is devoted to the study of the concepts of *POWER* and *POLITICIAN* in the regional media aphoristic sphere of languages of different structure — Tatar and Mari. Special attention is paid to the functioning of language (mass) and speech (individual) aphorisms. There is undertaken a comparative description of proverbs and sayings, phrase-clichés, phrase-symbols, mottos and quotes. In the political discourse of regional mass-media of the Tatarstan and Mari El republics, the most representative are the aphorisms relating to the following lexico-semantic fields: *external/internal politics, state/country, government agencies/services, institutions, parties and political movements, the government system monitoring*.

Key words: aphorism, aphoristic nature, the political aphoristica, political discourse, the concept *POWER*, the concept *POLITICIAN*, regional mass media.

ЦВЕТ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОСТЮМЕ КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю.В. Сливчикова

МГИМО — Университет МИД России
проспект Вернадского, 76, Москва, 119454
aurora85@bk.ru

В статье рассматриваются особенности бытования описания цвета в политическом костюме в рамках газетно-публицистического дискурса. Автор, анализируя многоуровневую структуру вес-тиментарного описания, объясняет механизм его манипулятивного воздействия на читателя.

Ключевые слова: цвет, газетно-публицистический дискурс, костюм, манипуляция.

Политический дискурс, впрочем как и частично включающий его газетно-публицистический [1. С. 40], соткан из множества символов. На первый взгляд, они представляют собой набор устаревших и ненужных клише и штампов, но это ошибочное мнение. Без преувеличения великое изобретение человечества — протокол — закрепил вековые традиции международной коммуникации в ограниченном списке постулатов, которые ныне понимаются без лишних слов посвященным кругом людей, а именно дипломатами и политиками. Эти тонкости значений, заключенные в простых и привычных для каждого человека вещах, закрепляются в памяти правилами и нормами этикета, нарушение которых чревато недопониманием и конфликтными ситуациями. Следование этим нормам и умелое их применение может быть использовано в целях налаживания дипломатических контактов, расположения к себе собеседника, передачи определенного закодированного сообщения, не требующего посреднической функции переводчика. Символы понятны всем членам коммуникативного сообщества и тем самым значительно упрощают процесс общения, снимают трудности передачи информации.

К таким символам относится, в частности, цвет. Несмотря на некоторые культурные различия, цвет с древних времен составлял основу базового универсального коммуникативного кода, примером которого может служить передача простейших сообщений, таких как: запрет и опасность — красный, внимание — желтый, безопасность — зеленый. Однако цвет, являясь универсальным символом, имеет свои особенности и историю бытования в каждом коммуникативном сообществе, что необходимо учитывать в процессе международного общения. Различия в концептуализации окружающего мира обусловили особенности восприятия цвета носителями разных культур. Для того, чтобы овладеть искусством цветовой манипуляции, необходимо изучить ряд физиологических, психологических и социально-культурных факторов, совокупность которых рассматривает такая наука, как цветоведение.

Вопрос цвета как значимого элемента костюма в рамках общественно-политического дискурса заслуживает отдельного обстоятельного исследования. Проследим, к примеру, эволюцию черного цвета. В черный цвет в ранние Средние Века в Европе обязаны были одеваться прокаженные и женщины легкого поведения, демонстрируя тем самым свою опасность для общества. В конце XVI в. Испания сделала этот цвет впервые модным в одежде знати и распространила эту тенденцию по всей Европе. После разгрома Великой Армады законодательницей мод стала Франция, отменившая монохромность светского костюма и раскрасившая его во все цвета радуги благодаря причудам короля Луи XIV. Его безусловно превзошла Мария-Антуанетта, которую страсть к экстравагантным костюмам и украшениям в конечном итоге привела к гильотине. Черный в середине XX в., если не считать его траурной функции, в Испании ассоциировался с фашизмом, как, кстати, и серый. В наши дни черный — это символ классической строгости и элегантности. Тем не менее, одеваться во все черное не рекомендуется, поскольку в большинстве стран этот цвет продолжает оставаться символом траура, за исключением таких стран, как, например, Китай или Индия, где траурным является белый. Известен казусный случай, когда неопытный работник протокольного отдела одел советского посла в черный галстук, увидев, что в приглашении значилось «black tie» (на самом деле, смокинг с бабочкой), чем вызвал на приеме волну сарказма в его адрес. Гости задавались вопросом: «Кого же пришел похоронить посол?» Кстати, галстук является одним из важнейших элементов политического и, в целом, делового костюма с точки зрения цвета. Ведь протоколом достаточно четко прописаны цвета самого костюма, но галстук — это, если можно так сказать, единственный «живой» элемент, который часто может рассказать многое о своем хозяине. Если речь идет о женщине, то эту роль выполняют сумочка и туфли.

Само наличие или отсутствие галстука, величина, способ завязывания узла, и, наконец, цвет составляют целую науку. Так, например, по словам Марка Вудмана, аналитика из Мериленда, США, красный цвет галстука внушает силу и страсть. Однако оттенок красного также важен. Более темные оттенки вызывают доверие в собеседнике, в то время как светлые и более розовые тона говорят о креативности и желании выделиться. Пурпурные и лиловые оттенки светлых тонов в рубашках и темных — в галстуках выбирают очень уверенные в себе люди, желая выделиться из общей массы, будто осознавая, что эти цвета издревле являются знаком знатного происхождения и достатка. Зеленый нейтрален, на нем отдыхает глаз, а потому он неудачен для политика — он попросту говорит о внутреннем идеологическом наполнении: «не рыба не мясо». Желтый, цвет солнца, напротив, является традиционным для галстуков во многих странах, в том числе в Англии, где он символизирует уверенность в себе, оптимизм и энергичность человека. Однако с цветами нужно быть всегда осторожным, если речь идет о межнациональных контактах. Например, в Индии желтый галстук будет говорить о торговой деятельности его обладателя. Самым безопасным в этом плане и беспроблемным вариантом является синий — цвет неба и моря, обладающий успокаивающим и примиряющим эффектом. Он также считается международным символом власти [2].

Но и с синим нельзя терять бдительность, ведь во всем мире кроме США он закреплен за представителями правых партий, а красный — за левыми. Так что, выбирая костюм, а вместе с ним и галстук, каждый политик и дипломат должен помнить не только о необходимости соответствия своего внешнего вида нормам протокола, но и о символичности цвета элементов одежды.

Цветовая идентификация не просто желательна, но необходима в некоторых случаях. Поводом для обсуждения в СМИ стала встреча в 2010 г. Хосе Луиса Родригеса Сапатеро, в то время премьер-министра социалистического правительства, и Мариано Рахоя, лидера оппозиции. Они оба предстали перед вспышками фотокамер в одинаковых синих костюмах, белых рубашках и полосатых галстуках. Испанская газета «El País» не преминула опубликовать забавную карикатуру, на которой видно, что в одежде, как и в жизни, лидеры правых и левых ничем не отличаются друг от друга, тем самым тонко обозначив существующий еще со времен переходной эпохи политический кризис в стране, заключающийся в отсутствии фактической партийной дифференциации [3].

Цвет часто используются в костюме в манипулятивных целях, эти же цели преследует и упоминание цвета в газетно-публицистическом дискурсе.

Примеров цветовых манипуляций великое множество. Например, в 1998 г. Президент Аргентины Карлос Менем прибыл в Лондон со своей дочерью, исполнявшей обязанности первой дамы. Это был первый официальный визит аргентинского правительства после Фолклендской войны 1982 г. В аэропорту делегацию встречала сама Елизавета II. В Аргентине нет собственного национального костюма, поэтому первая леди блистала в бело-голубом платье цветов национального флага, как бы утверждая поправное в войне достоинство своего государства, что не прошло незамеченным в национальной и международной прессе.

Следует помнить о том, что цвет относится к категории этнонациональных стереотипов и развивает в газетно-публицистическом дискурсе целый ряд метафорических толкований, позволяющих манипулировать мнением получателей информации [4].

В целом умеренное использование цветов своего национального флага или флага принимающей стороны в костюме в рамках международных мероприятий всегда поощряется. Визит дона Фелипе, в то время еще принца Астурийского, и его супруги доньи Летисии в Чили, описанный в чилийской газете «La Cuarta», является тому подтверждением:

El príncipe Felipe vistió un traje azul oscuro y una corbata celeste, y su esposa, un elegante traje rojo de dos piezas, zapatos color crudo y cartera a tono con estos últimos [5]. — На принце Фелипе был надет темно-синий костюм с небесно-голубым галстуком, а его супруга была одета в костюм-двойку красного цвета, телесного цвета туфли и клатч в тон.

Автор неспроста вводит в общественно-политический дискурс, казалось бы, бесполезное цветовое описание одяния высокопоставленных особ. Дело в том, что для чилийцев синий — цвет их моря и неба, а красный — крови, пролитой в войнах. Такой выбор цветов костюма в день возложения венка к памятнику национальному герою О'Хиггинсу не был случаен, и поэтому был моментально воспринят чилийцами как символ единства и братства, что, несомненно, приятно расположило принимающую сторону.

Таким образом, цвет оказывает влияние на человека не только посредством прямого визуального контакта или передачи его с помощью изображения, но и через слово, вызывающее в сознании цветовые ассоциации. Изображение в печатных и электронных СМИ не всегда может передать всю полноту сообщения. Тогда на помощь ему приходит описание, призванное дополнить смыслом изображение, в данном случае раскрасить его в сознании читателя.

Приведенный выше пример описания цвета в костюме государственных деятелей обладает эксплицитным мирским означаемым. Эквивалентность цветов платья и костюма и государственного флага Чили образует реальный вестиментарный код. В публицистическом дискурсе данная эквивалентность выражена языковыми средствами и образует терминологическую систему, которая, в свою очередь, благодаря самому факту своего наличествования становится означаемым Национальный колорит. На данном уровне появляется коннотация Национального колорита, которая и вызывает ощущение близости к народу принимающей стороны. Описание воспринимается читателем целиком на уровне риторической системы. Он не задумывается, почему прочитанное сообщение приятно ему и каким образом он сделал моментальные выводы, получив информацию о цвете костюма.

Механизм подобной реакции кроется глубоко в структуре описания одежды, на уровне вестиментарного кода. Означаемым вестиментарного кода может считаться любое высказывание об одежде в прессе, если оно помещается в одной единице значения. Масса означаемых вестиментарного кода дробится на единицы

значения, связанные друг с другом комбинацией. Оппозиции сегментов означающего создают различные смыслы. Сами сегменты распадаются на еще более мелкие единицы. Например:

Костюм·синий \equiv море,

Платье (костюм)·красный \equiv кровь.

Вариация синий/красный влечет за собой вариацию означаемого. Здесь важно оговориться, что речь идет о цвете ткани костюма, поэтому происходит некое перетекание смысла от выявленной нами оппозиции на ткань, а затем и на все платье. Подвижность смысла, текучесть значения, способность инертного объекта пропитываться смыслом отличают вестиментарную систему от языковой, в которой каждый элемент наполнен значением.

Итак, один элемент структуры означающего получает значение (костюм), другой поддерживает (ткань), а третий — образует это значение (цвет). Вслед за Р. Бартом мы будем именовать их объектом (O), суппортом (S) и вариантом или вестемой (V) соответственно, а их совокупность матрицей (OSV). Связаны они между собой отношением двойной импликации, т.е. взаимно предполагают и требуют друг друга [6. С. 96—100]. Означающее может не совпадать по объему с матрицей, быть шире или уже, состоять из нескольких независимых или связанных между собой матриц. Элементы матриц могут меняться местами, не теряя при этом изначального смысла. Встречаются случаи совмещения объекта и суппорта, суппорта и варианта, а также всех трех элементов вместе. Суппорты и варианты могут умножаться, но объект всегда остается уникальным, поэтому он является ядром матрицы, другими словами, матрица — это часть сегмента означающего, имеющая только один объект значения.

Суппорт, обладая материальностью, инертностью и проводимостью, является оригинальным элементом вестиментарной системы по сравнению с системой языковой. Вариант или вестема возникает из комплекса различий, по своей сути он нематериален и часто образует родовой комплекс, которому в испанском языке трудно найти нейтральное название. Выбором варианта актуализируется смысл. Газета, выбирая один из вариантов, наделяет через суппорт инертный предмет значением, образует определенный смысл. Происходит движение, перетекание, «излучение» смысла.

Означающее может содержать в себе сложную комбинацию матриц, архитектуру которой можно представить в виде перевернутой пирамиды. Значение зарождается в первичных матрицах, которые являются примитивными, банальными, и сгущается во вторичных матрицах, самая последняя из которых, являясь поистине оригинальной, и содержит в себе некую специфическую черту.

Производимое высказыванием об одеянии политика впечатление на читателя складывается из мельчайших оттенков смысла. Их истоки берут свое начало в вестемах, которые, просвечивая некоторым смыслом весь костюм, переносят символическое значение на человека, в костюм облаченного, и формируют представление о его личности. Сам по себе вариант не обладает смыслом. Значением его наделяет совокупность людей, доказательством чему может служить тот факт, что читатель с иной языковой картиной мира или иным уровнем культуры и образования не всегда способен дешифровать закодированное сообщение, поскольку

для него вариант будет бессодержателен или будет иметь иное значение. Вспомним пример: костюм синий \equiv море / костюм красный \equiv кровь. Для чилийцев ткань-суппорт и цвет-вариант будут в первую очередь образовывать национальную черту, для дипломатов — протокольную, для политиков — партийную, для тех, кто интересуется модой — модную, а для многих других — чисто эстетическую. Поэтому риторика издания и наличие энциклопедической справки часто направлены на восполнение пробелов в знаниях читателя и параллельно оказывают манипулятивное влияние на его сознание с целью формирования необходимой реальности. Таким образом, любое упоминание цвета костюма, а также самого костюма в газетно-публицистическом дискурсе должно подвергаться пытливым читателем внимательному анализу как явление чужеродное для данной дискурсивной стилистической системы и несущее в себе скрытый смысл, обладающий манипулятивной силой.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ларионова М.В. (2015). Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции?: монография [Larionova, M.V. Spanish political discourse: the art of information or the mastery of manipulation?: Monograph]. Москва: МГИМО-Университет.
- [2] Dizik A. Lo que el color de tu corbata dice sobre ti. BBC Capital. [What the colour of your tie says about you]: http://www.bbc.com/mundo/noticias/2014/09/140909_vert_cap_color_corbata_yv (11.09.2014).
- [3] El País. http://elpais.com/diario/2010/05/05/vinetas/1273010401_850215.htm (15.05.2010).
- [4] Ларионова М.В. (2010). Россия и Испания в зеркале газетно-публицистического дискурса: метафоры и стереотипы [Larionova, M.V. Russia and Spain in the mirror of the political discourse: metaphors and stereotypes] // Вестник МГИМО-Университета. № 2 (11). С. 247—254.
- [5] Leti es flaquita, pero golosa: salió seca para la tuna. La Cuarta. [Leti is skinny but has a sweet tooth: left wishing tuna]: <http://www.lacuarta.com/iphone/noticias/cronica/2011/11/63-118715-9-principes-son-secos-pal-tintolio-y-las-tunas-tio.shtml> (23.11.2011).
- [6] Барм Р. (2004). Система моды. Статьи по семиотике культуры [Bart, R. Fashion system. Articles on the culture semiotics]. Москва: Издательство им. Сабашниковых.

COLOUR IN POWER DRESSING AS A MANIPULATIVE INFLUENCE TOOL OF POLITICAL DISCOURSE

Yu.V. Slivchikova

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

Vernadskiy ave., 76, Moscow, Russia, 119454

aurora85@bk.ru

The article considers the role of the colour description in the political discourse. The author focuses on colours in power dressing as a manipulative tool. The study sets out to find out and explain the structure of the vestimentary descriptions, the essence of the basic elements of the meaning and their influence on the reader's perception of the reality.

Key words: political discourse, colour, power dressing, manipulation.

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПОСТРОЕНИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

А.С. Макарова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Новокузнецкая ул., 23Б, г. Москва, Россия, 115184
aleste_63@mail.ru

В статье особое внимание уделяется анализу функций крылатых выражений в современных французских и российских СМИ. Исследование крылатых выражений в функциональном аспекте, в плане выявления общих для публицистического стиля закономерностей в использовании фразеологических средств языка и характерных для этого стиля особенностей индивидуально-авторского употребления крылатых выражений представляется перспективным и актуальным, так как его результаты важны как для теоретического, так и для прикладного языкознания. Результаты анализа корпуса крылатых выражений-галлицизмов, выбранного из текстов французских и российских газет, позволили сделать вывод о широком употреблении этих оборотов в современных СМИ. В газетной публицистике они выполняют, прежде всего, прагматические функции. Наибольший прагматический эффект достигается в случае окказиональных трансформаций.

Ключевые слова: крылатое выражение-галлицизм, интертекстуальность, окказиональная трансформация, прагматический эффект.

ВВЕДЕНИЕ

Современная отечественная и зарубежная публицистика переживает период стремительного развития. Основные черты «языкового вкуса» (термин В.Г. Костомарова) современной эпохи — это стремление к выразительности и экспрессии, смешение стилевых уровней, использование старых текстов во вновь создаваемых и пр. Журналисты часто вводят в контекст поговорки, пословицы, крылатые выражения (далее — КВ), цитаты, текстовые реминисценции и другие клишированные формы. Такое употребление является проявлением интертекстуальности, под которой в широком смысле понимается использование компонента содержательной структуры одного текста в процессе создания нового текста. Однако, как показывают исследования, коммуниканты сегодня не довольствуются готовыми образцами: они трансформируют их в рамках прагматической установки высказывания, а различные устойчивые обороты вступают в межтекстовые связи, где подвергаются интертекстовой деривации. В результате на страницах периодической печати появляются трансформированные фразеологические единицы (далее — ФЕ), которым принадлежит особая роль в языковой репрезентации современной реальности. Так в публицистический стиль входят «семантически цельные образования, отличающиеся стабильностью лексического состава, устойчивостью и разнообразием синтаксических структур, получившие широкое распространение в языке, используемые в экспрессивной и познавательной функции» [1. С. 81].

**ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ КОМПОНЕНТ
СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ:
АНАЛИЗ ТРАНСФОРМОВ**

Язык массовой коммуникации — один из наиболее перспективных для исследования. Изучению публицистического стиля, его особенностей и характерных черт посвящены труды видных ученых [М.М. Бахтин, В.Н. Вакуров, В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова, В.И. Карасик, Е.С. Кара-Мурза, Г.Я. Солганик и др.]. Рассмотрение закономерностей использования КВ, которые являются частью фразеологического фонда языка, именно в СМИ будет способствовать более полному постижению общих свойств коммуникации и особенностей развития массовой коммуникации в современную эпоху.

Одним из условий сохранения фразеологического тождества КВ является устойчивость его семантического и лексического инварианта. Однако устойчивость диалектически предполагает изменчивость, то есть нормативная форма КВ несет в себе потенции развития, реализацией которых являются трансформы КВ. Разнообразие преобразований КВ можно условно разделить на две группы: структурно-семантические варианты (инверсия, субституция, экспликация, импликация) и варианты, образованные путем формирования окказиональной семантики КВ (буквализация, языковая игра, аллюзия и пр.). В основе структурно-семантических трансформаций КВ лежат два противоположных признака данных ФЕ: устойчивость их семантики и структуры и потенциальная вариантность. Формирование окказиональной семантики обуславливается скорее прагматическим фактором — интенциями автора, его желанием оживить, обновить внутреннюю форму единицы, образ которой стерся в результате многократного употребления.

Причины трансформации КВ в газетных публикациях вызваны рядом особенностей, но прежде всего спецификой самих КВ, а также стилистическими свойствами печатных материалов. Как правило, общеизвестность и частое употребление КВ ведет к уменьшению и даже к утрате данными языковыми единицами образно-эмоциональной и функциональной нагрузки, потере новизны и экспрессивности. Стремление уйти от данной тенденции толкает авторов на обновление образности и экспрессии КВ и приводит к использованию приемов окказиональной актуализации КВ. Иногда публицист трансформирует КВ, приспособлявая его к новому содержанию. Такое преобразование представляет собой «вторичное» использование традиционных форм, способствует экономии речевых средств и осуществляется на основе переосмысления и творческого подхода к узуальным единицам.

Обозначим основные факторы, способствующие трансформации КВ: 1) экономия речевых средств; 2) поиск источников постоянной экспрессии; 3) стремление заполнить КВ-инвариант конкретным содержанием; 4) установление особых коммуникативных связей между автором и читательской аудиторией (в последние годы значимость данной проблемы возросла, прежде всего с точки зрения борьбы за внимание читателя); 5) оперирование уже готовыми языковыми блоками, с помощью которых можно создавать новые единицы.

Сегодня особенно большое внимание уделяется проблеме функционирования КВ как одного из важнейших языковых средств, содержащих в своей семантике

культурную информацию. Основа типологии функций КВ была заложена в монографии С.Г. Шулежковой, которая выделила характеризующую (*Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо; Платон мне друг, но истина дороже*), аргументирующую (*В конце концов поэт прав: любви все возрасты покорны*), юмористическую (*Разошлись, как в море корабли*), заголовочную (*Репортаж с талоном на шее*), композиционную (*Сначала было слово печали и тоски...*, стихотворение В. Высоцкого, 1974 г.) функции, функцию контактоустанавливающей реплики (*Здравствуй, племя младое, незнакомое*), лозунга (*Свобода, равенство, братство*) или призыва (*Мир хижинам, война дворцам!*) [6. С. 242—253]. Данную классификацию проиллюстрируем примерами функционирования КВ-галлицизмов и их трансформов на страницах отечественной и французской прессы.

1. Характеризирующая функция:

ПОКА ЖЕ «ВЕРОФАРМ» ВЫСТУПАЕТ КАК ДОЙНАЯ КОРОВА И ВЫВОДИТ КОМПАНИЮ НА ПОЛОЖИТЕЛЬНУЮ ЕBITDA [РБК Daily, 2007.07.30].

(...) *CONSIDÉRER SON ACTIVITÉ DE ROMANCIER COMME UNE TOUR D'IVOIRE (КАК БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ)* [Le Point. fr, 31/03/2011].

2. Аргументирующая функция:

КОРОЛЬ ИСПАНИИ ХУАН КАРЛОС, ОПРАВДЫВАЮЩИЙ ПОГОВОРКУ «ТОЧНОСТЬ — ВЕЖЛИВОСТЬ КОРОЛЕЙ», ПРИБЫЛ В МАДРИДСКИЙ ДВОРЕЦ ЭЛЬ ПАРДО ТЮТЕЛЬКА В ТЮТЕЛЬКУ [Комсомольская правда, 2006.02.09].

«TOUT LE MONDE SE PLAINT DE SA MÉMOIRE, ET PERSONNE NE SE PLAINT DE SON JUGEMENT», DISAIT LA ROCHEFOUCAULD (ВСЕ ЖАЛУЮТСЯ НА СВОЮ ПАМЯТЬ, НО НИКТО НЕ ЖАЛУЕТСЯ НА СВОЙ УМ, — ГОВОРИЛ ЛАРОШФУКО) [Le Point, 11/10/2007].

3. Юмористическая функция:

ВООБЩЕ-ТО ОТ КОГО НЕ ЖДАЛА, ТАК ЭТО ОТ НИХ, ОТ ФРАНЦУЗОВ. ШЕРШУТ, ПОНИМАЕТЕ ЛИ, ЛЯ ФАММОВ (ТО БИШЬ ИЩУТ ЖЕНЩИН ВЕКА НАПРОЛЕТ) — И НА ТЕБЕ: ВЕРНОСТЬ ИМ ПОДАВАЙ [Комсомольская правда, 2004.11.19].

LE MALADE IMAGINAIRE [Le Point, 17/01/2007]. О находчивом итальянском сенаторе, который опаздывая на съемки телепередачи со своим участием из-за уличных демонстраций, симулировал недомогание. Вызванная скорая помощь отвезла политика к его кардиологу, адрес которого оказался адресом телестудии.

4. Композиционная функция:

ЕСЛИ ЖЕ МЫ ВНОВЬ ПОГРЯЗНЕМ В СПОРАХ ПО ПОВОДУ ШКУРЫ НЕУБИТОГО МЕДВЕДЯ, ТО ОКАЖЕМСЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИЗОЛЯЦИИ, И ДЕЛИТЬ НАМ БУДЕТ НЕЧЕГО [Новый регион 2, 2007.11.08].

EN DELUMEAU, LE CATHOLIQUE ET L'HISTORIEN SE RENCONTRENT ET FONT BON MENAGE (В ДЕЛЮМО КАТОЛИК И ИСТОРИК ВСТРЕЧАЮТСЯ И ДРУЖНО ЖИВУТ). LES CROYANTS MODERNES LE REMERCIENT D'OUVRIR LEURS YEUX À DES RÉALITÉS... [Le Point, 07/06/1997].

5. Заголовочная функция:

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ [Известия, 2005.03.03]. О женщинах, которые, наконец, займутся недостойными настоящих мужчин делами.

«*REVENONS À NOS MOUTONS*» (ВЕРНЕМСЯ К НАШИМ БАРАНАМ) ... [Le Point. fr, 25/01/2008]. Название отчета, представленного комиссии по экономическим делам двумя французскими сенаторами.

6. Функция контактоустанавливающей реплики:

AIMEZ-VOUS TOUJOURS BRAHMS? (ВЫ ВСЕ ЕЩЕ ЛЮБИТЕ БРАМСА?)

[Le Point, 04/12/2008].

НОВЫЙ ГЕНСЕК ООН: ШЕРШЕ ЛЯ ФАМ? [РИА Новости, 2006.09.19].

7. Функция лозунга:

ВОССТАНИЙ НЕ БУДЕТ [Труд-7, 2004.10.26].

L'EURO EST MORT: VIVE LE NEURO! (ЕВРО УМЕР: ДА ЗДРАВСТВУЕТ НЕВРО!) [myeurop. info, 23.11.2011].

8. Функция призыва:

КОГДА СТРАДАЮТ ЖИВОТНЫЕ — ИЩИТЕ ЧЕЛОВЕКА. ВО ВСЕМ ЛЮДИ ВИНОВАТЫ. НЕЛЬЗЯ ЖИВОТНЫХ В КЛЕТКИ ПОМЕЩАТЬ [Комсомольская правда, 2002.04.22].

OUVRE-TOI, SÉSAME (ОТКРОЙСЯ, СЕЗАМ) [Le Point, 11/09/2008].

9. Текстообразующая функция

В контексте, взятом из французской газеты *Libération*, наблюдается использование базового компонента КВ в текстообразующей функции, а также он представляет собой комплексный прием преобразования КВ. Данный пример демонстрирует субстантивацию наречия, которое в свою очередь тоже изменяется автором. Ср.: *Du côté* на *à-côté*. Затем к модифицированному наречию добавляется определенный артикль множественного числа. В результате мы имеем трансформацию не только на морфологическом уровне, но и на семантическом. Ср.: В направлении (в сторону) Свана и места по соседству со Сваном.

LES À-CÔTÉS DE CHEZ SWANN (РЯДЫШКОМ/МЕСТА ПО СОСЕДСТВУ СО СВАНОМ)

LONGTEMPS, VOUS VOUS ÊTES COUCHÉS DE BONNE HEURE SANS AVOIR LE TEMPS DE LIRE PROUST, MAIS, DE LA RECHERCHE DU TEMPS PERDU, VOUS CONNAISSEZ AU MOINS LE TITRE DU PREMIER VOLUME: DU COTÉ DE CHEZ SWANN. QUE VA-T-ON FAIRE DE CE COTÉ-LÀ, OU EST-CE, ET Y A-T-IL DES TRAINS DIRECTS POUR S'Y RENDRE? LE NARRATEUR DE LA RECHERCHE RÉPOND ASSEZ CLAIREMENT AUX DEUX PREMIÈRES QUESTIONS: «IL Y AVAIT AUTOUR DE COMBRAY DEUX «COTÉS» POUR LES PROMENADES (...): LE COTÉ DE MESEGLISE-LA-VINEUSE, QU'ON APPELAIT AUSSI LE COTÉ DE CHEZ SWANN PARCE QU'ON PASSAIT DEVANT LA PROPRIÉTÉ DE M. SWANN POUR ALLER PAR LÀ, ET LE COTÉ DE GUERMANTES [liberation. fr, 28.07.2004].

Французский публицист обыгрывает слово *le côté*. Оно встречается не только в заглавии статьи, но и в самом контексте шесть раз. Помимо этого автор упоминает не только сам роман «В поисках утраченного времени», первый том которого называется «*Du côté de chez Swann*», ставшего впоследствии КВ, но и автора Марселя Пруста. Отсылка читателя к первоисточнику очевидна.

В заглавии первой части романа писатель использует наречие или наречный оборот (термин французской грамматики) *Du côté de (в направлении)*. В заголовке же статьи журналист меняет данный оборот на *à-côté de*, что значит «возле, рядом с» [4. С. 242]. Сменив одно наречие другим, автор статьи субстантивировал последнее, добавляя к нему определенный артикль множественного числа и согласуя это новое существительное во множественном числе путем присоединения к нему буквы *s*. Таким образом, трансформация КВ приводит к изменению плана содержания инварианта. В самой статье упоминаются места, по которым гуляли герои романа Пруста, и та сторона, где жил главный герой романа. В самом контексте слово *côté* имеет значение «сторона» или «направление» и употреблено как существительное. Таким образом, *côté* выступает в анализируемом примере как текстообразующий элемент, ключевое слово, что подтверждает мысль О.В. Ломакиной: «Реализация функционального потенциала фразеологии наиболее явно проявляется в контексте» [3. С. 55].

С точки зрения отбора и функционирования сверхсловных единиц, в том числе и КВ, язык газеты представляет собой постоянный источник развития, чем вызывает несомненный интерес у исследователей. В.В. Фёдоров отмечает, что одним из существенных признаков газетной речи является социально-оценочный характер используемых языковых единиц. Следовательно, все устойчивые обороты можно подразделить на актуально и потенциально оценочные, определяя категорию оценки как часть фразеологического значения, способную выражать оценку обозначаемого предмета или понятия. Отбор языковых средств в языке печати, совмещающих в себе функции номинации и оценки, обусловлен необходимостью воздействия на аудиторию и периодичностью осуществления коммуникации, ее оперативностью. Газетная речь рассчитана на массовое воздействие и коммуникацию, что и определяет ее социально-оценочный характер [5. С. 96—100].

Функции и КВ, и КВ-трансформов трудно переоценить. Трансформированные КВ, применяемые в прагматических целях, способны создавать скрытые смыслы текста и усиливать его эмоционально-экспрессивное звучание, приносить дополнительные семантические оттенки, реализовывать новые значения в контексте, вызывать эффект комического и т.д. КВ, часто использующиеся в качестве заголовков, служат для определения микротемы повествования, тем самым они влияют на весь текст и аккумулируют его содержание. Как все фразеологические средства языка, КВ являются значимыми элементами в идейном содержании и композиционной структуре любого текста, они активизируют в целом его восприятие [2].

Как свидетельствуют работы последних лет, трансформированные КВ активно используются не только в самих публикациях, но и в заголовках статей, где требуется воздействие на мнение читателей. Как выразительное средство языка КВ употребляются с целью дать необходимое для данного издания толкование и оценку, создать настроение, сформировать положительное или отрицательное отношение к определенным лицам, группам, событиям, товарам.

Многие жизненные ситуации могут быть охарактеризованы каким-либо КВ, так как из огромного количества устойчивых выражений найдется хотя бы одно, которым можно было бы обозначить интересующее автора явление. Кроме того, КВ может рассматриваться как лингвокультурный текст, выражающий в концентрированном виде сведения о культуре того или иного народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В публицистике выполняют разнообразные функции, связанные непосредственно с функциями самой публицистики. Они воздействуют на читателя, оказывают влияние на эмоциональную сферу психики и поведение получателя информации, стимулируют прочтение материала, включают прогнозирующие механизмы. В газетной публицистике крылатые выражения выполняют прежде всего прагматические функции, которые присущи фразеологическим единицам. Наибольший прагматический эффект достигается в случае окказиональных трансформаций.

Все приемы нестандартного употребления крылатых выражений применяются для придания им большей выразительности. Окказиональное изменение их формы и содержания всегда мотивировано коммуникативно-прагматическими факторами, что объясняет феномен вариативности крылатых выражений и в заголовках публицистических текстов, и в самих текстах, а также является отличительной чертой современного публицистического стиля.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гладышева Л.А.* (1972). Крылатые слова советских писателей — наше общее богатство [*Gladysheva, L.A. Winged words of Soviet writers are our common wealth*] // Русский язык в школе. Москва, № 5. С. 81—85.
- [2] *Дергилёва О.С.* (2009). Индивидуально-авторские приемы преобразования фразеологических единиц [*Dergilyova O.S. Author's individual methods of transformation of phraseological units*]: дисс... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык. Москва.
- [3] *Ломакина О.В.* (2015). Функциональный потенциал крылатых выражений в языке Л.Н. Толстого: монофункциональность и полифункциональность [*Lomakina, O.V. The functional potential of winged phrases in L.N. Tolstoy's language: monofunctioning and polifunctioning*] // *На крыльях любви: Материалы междунар. заоч. науч. конф., посвященной юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой* Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати». С. 55—60.
- [4] Новый французско-русский словарь [The New French-Russian Dictionary] (2005) / Сост. *В.Г. Гак, К.А. Ганишина*. 10-е изд., стереотип. Москва: Русский язык-Медиа.
- [5] *Фёдоров В.В.* (1998). К вопросу о фразеологии языка прессы [*Fyodorov V.V. On the problem of the media language*] // Проблемы культуры, языка, воспитания. Вып. 3. Архангельск. С. 96—100.
- [6] *Шулежкова С.Г.* (2002). Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие [*Shulezhkova, S.G. Catch-expressions of the Russian Language, their sources and development*] Москва: «Азбуковник».
- [7] Национальный корпус русского языка [National corps of the Russian language]: <http://www.ruscorpora.ru> (15.09.2015).
- [8] Liberation.fr.: <http://www.liberation.fr/> (20.10.2015).
- [9] Le Point.fr.: <http://www.lepoint.fr/> (27.10.2015).

THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN PUBLICISTIC TEXTS

A.S. Makarova

St.-Tikhon's Orthodox University of Humanities
Novokusnetskaya str., 23 B, Moscow, Russia, 115184
aleste_63@mail.ru

The article concerns the analyses of the winged phrases functions in modern French and Russian mass media. The functional aspect of studying the winged phrases to find the publication style usage and characteristic features of their use as the author's choice is very topical and important for both theoretical and applied the linguistics. The results of studying of the winged phrases corpus from French and Russian print media show the wide usage of them in such media. They are used namely in pragmatic function. The pragmatic effect results from the occasional transformations.

Key words: winged phrase, catch-expression, gallicism, intertextuality, occasional transformation, pragmatic effect.

ИДИОМАТИКА И АФОРИСТИКА В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

УДК 821.161.1:398.9

ОТРАЖЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИННОВАТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПОСЛОВИЦ В ТЕКСТЕ (на материале языка Л.Н. Толстого)

О.В. Ломакина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Иловайская, 9-2, Москва, Россия, 109651
rusoturisto07@mail.ru

В настоящее время одним из актуальных вопросов современной фразеологии является изучение фразеосемантики. Статья посвящена рассмотрению семантической инноватики фразеологизмов и пословиц в текстах разных стилей и жанров одного автора. Приводятся примеры фразеологических конфигураций и анализируются способы семантизации фразеологических единиц и пословиц в тексте. Новизна исследования состоит в том, что описаны способы авторской «самодефиниции» и ее роль в формировании смыслового понимания фразеологии. Особое внимание уделяется семантическим преобразованиям фразеологизмов в тексте, благодаря которым фразеологические единицы получают дополнительный семантический оттенок, новое значение или изменение коннотации. В качестве иллюстративного материала исследования выступает язык Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: фразеологический контекст, семантизация, фразеологическая единица, пословица, фразеологическая конфигурация, фразеологический актуализатор, семантические преобразования, язык Л.Н. Толстого.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из векторов современной фразеологии является исследование фразеологической семантики. Основой для изучения фразеосемантики стали труды В.Л. Архангельского, В.П. Жукова, А.В. Кунина, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия [1; 2; 4; 6; 9; 10], для описания которой был создан и обоснован метод структурно-семантического анализа фразеологических единиц (далее — ФЕ), строящийся на соотношении плана содержания и плана выражения семантической структуры ФЕ [7; 8].

Движение от речи к языку характеризует динамические процессы в области фразеологии, паремиологии, крылатологии, проявляющиеся в первую очередь

в контексте, который обнаруживает новые смыслы единицы, впоследствии фиксируемые лексикографами. «Семантические определения должны с максимальной полнотой передавать контекстуальное осмысление ФЕ, отражая его обусловленность особенностями стиля, мировоззрением автора» [8. С. 324]. В контексте смысловая реализация значения ФЕ и пословиц происходит благодаря фразеологическим актуализаторам в составе фразеологических конфигураций [5. С. 7]. Именно фразеоконтекст позволяет выявить все смысловые нюансы при употреблении фразеоресурсов языка, характеризуя авторские предпочтения.

АВТОРСКАЯ «САМОДЕФИНИЦИЯ» КАК ПРИМЕР СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИННОВАТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПОСЛОВИЦ В ЯЗЫКЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Смысловые реализации значения как ФЕ, так и паремий осуществляются в составе контекста. Несмотря на кажущуюся разработанность проблемы фразеоконтекста во второй половине XX в., ученые продолжают исследовать фразеоконтекст и отвечать на нерешенные вопросы, возникающие при описании ФЕ в связи с их контекстуальным употреблением. А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко дополнили разработанную теорию фразеологического контекста А.В. Кунина, указав на необходимость рассмотрения терминологической триады *фразеологическая конфигурация = фразеологический контекст + ФЕ + фразеологический актуализатор*, в которой под фразеологической конфигурацией ученые понимают «структурно-семантическое и стилистическое единство, образуемое ФЕ и фразеологическим контекстом» [7. С. 346], а под фразеологическим актуализатором — «слово, словосочетание, предложение или группа предложений, семантически связанные с употребляющимися в данном контексте фразеологизмами, вводящие их в речь при узуальном или окказиональном использовании» [3. С. 199].

При изучении языка писателя особый интерес вызывают различные индивидуально-авторские приемы использования фразеологических ресурсов языка. Одним из способов экспликации коммуникативного намерения писателя является авторская «самодефиниция» (термин А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко), т.е. толкование единиц с целью уточнения, конкретизации общеизвестного, узуального значения. Приведем примеры фразеологических конфигураций, служащих определению смыслового содержания пословиц, где Толстой прибегает к авторской «самодефиниции», например:

Да, праздность — мать всех пороков, в особенности умственных: ложных рассуждений: политика, наука, богословие (Дневники, 22 ноября 1907 г.).

— *В тесноте, да не в обиде*, — сказал певучим голосом улыбающийся Тарас и, как перышко, своими сильными руками поднял свой двухпудовый мешок и перенес его к окну. — *Места много, а то и постоять можно, и под лавкой можно. Уж на что покойно. А то вздорить!* — говорил он, сияя добродушием и ласковостью («Воскресение», ч. 2, гл. XLI).

В первом примере пословица *Праздность — мать пороков* подвергается экспликации за счет определительного местоимения *всех*, выступающего в качестве обобщающего понятия. Семантизация представлена посредством присоеди-

нительной конструкции, включающей обобщающее слово и ряд однородных определений. Так писатель выражает свое отношение к изображаемому и наполняет его индивидуально-авторским смыслом: существительные *политика, наука, богословие* выступают как контекстные синонимы, а атрибутивное словосочетание *ложные рассуждения* — в роли обобщающего слова. Пословица *В тесноте, да не в обиде* обычно используется, если говорится о переполненном помещении и такая ситуация всех устраивает. Приведенный контекст употребления этой паремии представляет собой реплику диалога и состоит из четырех предложений. Предложение, включающее пословицу, и следующее за ним предложение не только противопоставлены друг другу по количественному признаку ‘мало — много’, но и связаны с предыдущим общейемой ‘пространство’. Таким образом, несмотря на формальные показатели, этот пример, на наш взгляд, стоит трактовать как способ окказиональной семантизации: для писателя важно не просто «видимое» свободное место, а необходима реализация более глубокой семантики «довольствоваться малым».

Фразеологические конфигурации в языке Л.Н. Толстого помогают семантизации, раскрывая значения единицы с писательской точки зрения, что важно для уточнения семантики ФЕ и пословиц, а также находят отражение в словарных статьях авторского фразеологического словаря: подчас писатель не просто реализует узусное значение, а привносит смысловые оттенки. В контекстуальном употреблении семантизация может осуществляться разными способами, язык Л.Н. Толстого содержит подобные доказательства.

В языке писателя преобладают случаи, когда семантизация производится при помощи синонимов, в роли которых могут выступать разного рода устойчивые единицы.

Особую сложность при понимании и фразеографическом описании значения представляют камерные, используемые в семейном дискурсе ФЕ. Например:

*Стоит ли материально устраиваться подле меня, когда моя жизнь на волоске и я всякий день могу **отправиться в большое путешествие*** (Письмо А.Л. Толстой 4 сентября 1895 г.)

В представленном примере ФЕ *отправиться в большое путешествие* актуализируется значением ФЕ *на волоске*, что иллюстрирует высказанный ранее тезис о роли синонимов в смысловой репрезентации ФЕ.

В приведенных ниже примерах для семантизации одной паремии писатель приводит другую пословицу, выступающую в качестве контекстуального синонима:

Матрена. **Бог души не вынет, сама душа не выйдет. В смерти и животе Бог волен, Петр Игнатьич. Тожэ и смерти не угадаеш. Бывает, и поднимешся. Так-то вот у нас в деревне мужик совсем уж было помирал...** («Власть тьмы», д. 2, явл. XII).

Мужик (присаживается на порог). *Отчего же доброму человеку не дать?*

Работник. *Дать-то — дашь, да назад не возьмеш. Долги давать — под гору кидать, а собирать — на гору вытягивать. Так-то старики говорят* («Первый винокур», д. 3, явл. 5).

Беды от этого особенной не было бы, если бы эти дармоеды занимались букашками и звездами рядом с картами, скачками, нарядами, чем бы дитя ни тешилось, только бы не плакало, но беда в том, что знает кошка, чье мясо съела, эти люди хотят оправдать свою праздную и незаконную жизнь на шее других людей тем, что они заняты самым важным делом, науками, и для этого называют наукой те пустяки, к[отор]ыми они занимаются, уверяя, что все это они делают на пользу людей (Письмо Ф.А. Абрамову 7 сентября 1900 г.).

Приведенный ниже минимальный контекст представляет собой фразеологическую конфигурацию, где наблюдаем семантизацию книжной ФЕ *наставлять / наставить на путь истинный* в значении «Воздействуя каким-либо образом, побуждать кого-либо изменить поведение в хорошую сторону, склонить к хорошему» [12. Т. 2. С. 17] посредством ряда контекстуальных синонимов, в т.ч. ФЕ-латинизма *золотая середина* «Образ действия, поведения, лишенный крайностей» [12. Т. 2. С. 235], что увеличивает экспрессивный характер ФЕ:

Старец получил письмо от старого Еропкина, предупреждающее его о приезде дочери и об ее ненормальном, возбужденном состоянии и выражающее уверенность в том, что старец наставит ее на путь истинный — золотой середины, доброй христианской жизни, без нарушения существующих условий («Фальшивый купон, ч. 2, гл. XII).

Представленный ниже контекст включает ФЕ *дело прикрыть*, для семантизации которой Л.Н. Толстой использует ФЕ *концы в воду* со значением «Сделать так, чтобы не осталось никаких улик, следов чего-л.» [12. Т. 1. С. 315]. Примечательно, что следующее за этим предложением — парцелированная конструкция, также включающая «осколок» ФЕ *стихнуть со двора*, сохраняющий узуральное значение «прогнать», и ФЕ *без греха*:

Матрена. Тоже острабучилась как баба. Да и то сказать, обидно. Ну, да слава богу, дай это дело прикроем, и концы в воду. Стихнем девку без греха. Останется сынок жить покойно («Власть тьмы», д. 4, явл. XIII).

Следующий пример содержит ФЕ *сколько воды утекло* и трансформ пословицы *Времени не воротить*, которые образуют фразеологическую конфигурацию, эксплицирующую временную семантику, а семантизация ФЕ происходит при помощи паремии:

— Да, княжна, — сказал, наконец, Николай, грустно улыбаясь, — недавно кажется, а сколько воды утекло с тех пор, как мы с вами в первый раз виделись в Богучарове. Как мы все казались в несчастии, — а я бы дорого дал, чтобы воротить это время... да не воротить («Война и мир», эпилог, ч. 1, гл. VI).

В приведенном ниже примере семантизация пословицы *Десять раз примерь, а раз отрежь* происходит посредством ФЕ *резать по живому*, которая выступает актуализатором и уточняет значение пословицы:

Анна Павловна. Еще бы, разумеется. Переживать все, что было, еще раз, было бы ужасно.

Каренин. Да, вот где десять раз примерь, а раз отрежь. Резать по живому очень трудно («Живой труп» д. 1, явл. 9).

Кроме перечисленного писатель использует обратный прием, употребляя ФЕ в качестве актуализатора лексического значения слова. В следующем предложении ФЕ *море по колено* (Ср.: *Пьяному море по колено, а лужа по уши*) и *трын-трава* выступают в качестве контекстуальных синонимов и служат в романе «Война и мир» для уточнения значения лексемы *размашистость*:

Губернская жизнь в 1812 году была точно такая же, как и всегда, только с тою разницею, что в городе было оживленнее по случаю прибытия многих богатых семей из Москвы и что, как и во всем, что происходило в то время в России, была заметна какая-то особенная размашистость — море по колено, трын-трава в жизни, да еще в том, что тот пошлый разговор, который необходим между людьми и который прежде велся о погоде и об общих знакомых, теперь велся о Москве, о войске и Наполеоне («Война и мир», т. 4, ч. 1, гл. IV).

В контексте статьи о вегетарианстве «Первая ступень» ФЕ *сажать / посадить на хлеб и воду* получает концептуальное значение. Здесь также происходит обратная семантизация, когда писатель включает ФЕ в вопросно-ответное единство с целью актуализации высказывания: ФЕ со значением «Наказывать лишением пищи, ограничениями в еде» [12. Т. 2. С. 212] получает дополнительный семантический оттенок, вербализованный в вопросе:

В чем наказание самое жестокое с детства? Посадить на хлеб и воду. Кто получает из мастеровых наибольшее жалованье? («Первая ступень», VIII)

Семантизация может происходить за счет контекстуальных синонимов. В повести «Крейцера соната» писатель использует амплификацию, где в качестве контекстуальных синонимов выступают глагольные лексемы *победить, смять, перекрутить* и ФЕ *свить веревку*, употребляемые в функции однородных членов, обобщающим словом при которых выступает предложение *все, что захочет*, благодаря этому ФЕ получает окказиональное значение:

Мучался я особенно том, что я видел несомненно, что ко мне у ней не было другого чувства, кроме постоянного раздражения, только изредка прерываемого привычной чувственностью, а что этот человек, и по своей внешней элегантности и новизне и, главное, по несомненному большому таланту к музыке, по сближению, возникающему из совместной игры, по влиянию, производимому на впечатлительные натуры музыкой, особенно скрипкой, что этот человек должен был не то что нравиться, а несомненно без малейшего колебания должен был победить, смять, перекрутить ее, свить из нее веревку, сделать из нее все, что захочет («Крейцера соната», гл. XXI).

В следующем контексте ФЕ употребляется с сопроводительным существительным *картошку*, имеющим конкретное значение, что расширяет семантический объем ФЕ для выражения эмоционально-психической сферы человека: в парцелированном предложении писатель параллельно употребляет другие ФЕ, выступающие как контекстуальные синонимы и помогающие раскрыть семантику фразеологического новообразования, появившегося на метафорической основе.

Митрич. Запил, так запил! Теперь недели две смолить буду, картошку под орех разделаю. До креста пропьюсь, шапку пропью, билет заложу и не боюсь никого («Власть тьмы», явл. 1. д. 10).

ФЕ *разделявать/разделить под орех* зафиксирована в трех значениях: «1. Зло и беспощадно ругать, распекать, критиковать за что-либо. 2. Полностью побеждать в игре, в драке, в сражении. 3. Делать мастерски, хорошо, безупречно» [12. Т. 2. С. 180]. ФЕ в данном примере приобретает новое значение «сплошь, полностью, целиком». Использование этого приема подчеркивает напряженность эмоционального состояния персонажа, динамичность действия.

Другим способом семантизации является употребление однотипных по структуре синтаксических конструкций, «определяющих, конкретизирующих, развивающих» значение ФЕ или пословицы [7. С. 352]. Приведем примеры:

*Вспоминаю все сотни и тысячи людей городских, — и хорошо живущих, и бедствующих, — с которыми я говорил о том, зачем они пришли сюда, и все без исключения говорят, что они пришли сюда из деревни кормиться, что **Москва не сеет, не жнет, а богато живет**, что в Москве всего много и что потому только в Москве можно добыть те деньги, которые им нужны в деревне, на хлеб, на избу, на лошадь, на предметы первой необходимости. («Так что же нам делать?», XIII).*

***Много воды утекло** с тех пор, много людей умерло, много родилось, много выросло и состарилось, еще более родилось и умерло мыслей («Два гусара», IX).*

В первом примере, представляющем собой сложное предложение, паремия *Москва не сеет, не жнет, а богато живет* употребляется наряду с другими однородными придаточными предложениями (*в Москве всего много, только в Москве можно добыть... деньги*), которые служат отражению писательского видения. Кроме того, Толстой частично дополняет значение паремии, напоминая, что в деревне источник всяческого богатства. Во втором примере семантизации ФЕ *много воды утекло* служат другие, похожие по структуре простые предложения, которые объединены в бессоюзное сложное предложение.

ИННОВАТИКА В ПРЕОБРАЗОВАНИИ СЕМАНТИКИ ФЕ

Наряду с авторской семантизацией, иллюстрацией инновационного потенциала фразеологии в языке Л.Н. Толстого является семантическое варьирование ФЕ. Специфика фразеологической семантики состоит в переосмыслении компонентов ФЕ, в результате чего ФЕ получает новый семантический оттенок или новое значение, изменяется коннотация, происходит экспликация внутренней формы и под. Этот тип варьирования находит отражение в работах А.В. Кунина, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.И. Фёдорова [3; 7—9; 11].

По мнению А.И. Фёдорова, постоянство фразеологической семантики обусловлено однотипным, постоянным окружением [11. С. 160], следовательно, при анализе семантических преобразований важным является контекстуальное окружение ФЕ, в т.ч. многозначных. Рассмотрим семантические преобразования ФЕ в языке Л.Н. Толстого.

ФЕ может приобретать дополнительный семантический оттенок в контексте:

Леонид Федорович. *Что же, вы покупаете землю, что ли?*

1-й мужик. *Двистительно, это **как есть**. Происходит... значит, насчет покупки собственности земли («Плоды просвещения, д. 1, явл. 26).*

Ср.: *как есть* — «совершенно, совсем» [13. С. 103], «1. В чем остался одет; как был. 2. Совсем, абсолютно (все, ничего). 3. Настоящий; подлинный» [12. Т. 1. С. 229—230], в данном примере — «Точно». Появившийся семантический оттенок соотносится со 2-м значением ФЕ.

Дополнительный семантический оттенок ФЕ появляется как следствие морфемного варьирования:

Никита. *А нуще всего тошно мне, Маринушка, что один я и не с кем мне моего гора размыкать* («Власть тьмы», д. 5, явл. 4).

Если ФЕ *мыкать горе* обозначает «Переживать страдания, лишения, нужду, неустроенность в жизни» [12. Т. 1. С. 388], то ФЕ *размыкать горе* получает оттенок конкретизации фразеологического значения «Делить страдания с кем-то».

Анисья. *Тожже даром что дура, забрала себе в голову: я, говорит, хозяйка* («Власть тьмы», д. 3, явл. 3).

Ср.: *брать / взять в голову* — «принимать во внимание» [12. Т. 1. С. 43].

В данном контексте ФЕ *забрать в голову* приобретает значение «Думать, считать».

В индивидуальном употреблении ФЕ часто приобретает новое значение. В следующем примере ФЕ получает значение «Поступать так же», как и другие, превосходя их»:

Крестьянин. *Да разве мы одни пьем? Погляди-ка, как ее попы окалыживают, за первый сорт. А бары-то тожже спуску не дают* («Проезжий и крестьянин»).

Ср.: *не давать / не дать спуску* — «Не прощать кому-либо, не оставлять без возмездия поступки, вредные действия и т.п.» [12. Т. 1. С. 173].

Обычно ФЕ *для души* реализуется в значении «Для удовлетворения внутренних потребностей, интересов» [12. Т. 1. С. 224]. В анализируемом примере ФЕ приобретает значение «Для спасения души», более близкое мировоззрению Толстого:

Проезжий. *Сами живем по-дьявольски, а на людей жалуемся.*

Крестьянин. *Это верно. Да только трудно, уж как трудно! Другой раз и не стерпишь.*

Проезжий. *А для души терпеть надо* («Проезжий и крестьянин»).

ФЕ *выпустить дух* употребляется в значении «Умереть, околеть» [12. Т. 1. С. 124], а в приведенном примере получает значение «делать тяжелый выдох после напряжения физических сил», которое выводится путем актуализаторов:

— *Вот как в наше время танцовали, та шère, — сказал граф.*

— *Ай да Данила Купор! — тяжело и продолжительно выпускает дух и засучивая рукава, сказала Марья Дмитриевна* («Война и мир», т. 1, ч. 1, гл. XVII; 9: 84).

Изменения коннотативного содержания ФЕ могут касаться оценки, экспрессивности, эмотивности. В следующем примере наблюдается появление ирониче-

ского смысла благодаря контекстуальному окружению, грамматическому варьированию и расширению компонентного состава:

— *Прежде этого не разбирали, — внушительным тоном сказал старик, — нынче только завелось это. Как что, она сейчас и говорит: «Я от тебя уйду». У мужиков на что, и то эта самая мода завелась. «На, говорит, вот тебе твои рубахи и портки, а я пойду с Ванькой, он кудрявей тебя»* («Крейцера соната», гл. I; 27:)

Ср.: *завести моду* — «Прост. Усвоить какую-либо определенную привычку, манеру поведения» [12. Т. 1. С. 239].

При буквализации на первый план выступает значение сочетания, которое лежит в образной основе ФЕ. В следующем примере наблюдается окказиональная замена глагольного компонента, связанная с художественным действием и мотивированная местом коммуникативной ситуации:

Анисья (вносит самовар). *Куда ставить-то?*

Никита. *Ставь на стол. Что, али сходила к старосте? То-то, говори да и откусывай. Ну, будет сердать-то. Садись, пей.* (Наливает ей рюмку.) *Вот и гостинчик тебе* («Власть тьмы», д. 3, явл. 15).

Ср.: *говори да оглядывайся* — «Будь осторожен в высказывании, в ситуации, которая может быть небезопасной для тебя» [12. Т. 1. С. 146].

В основе экспликации внутренней формы ФЕ как семантического преобразования лежит раскрытие в контексте образа, ставшего основой при появлении ФЕ:

Все это так просто, ясно и несомненно, что не понять этого нельзя; но кроме того, для того чтобы люди не могли придумать такие отговорки, по которым можно было бы не всегда исполнять эти требования, над людьми повешен еще на волоске Дамоклов меч, т.е. смерть, которая всякую минуту может постигнуть каждого человека и, если смерть есть полное уничтожение, лишит его возможности поправить сделанную ошибку, если же смерть есть возвращение к богу, то заставит его возвратиться к богу, не исполнив того несомненного закона, который он дал нам, посылая нас в жизнь (Письмо Ч.Н. Фойстеру, 17—26 октября 1894 г.).

Писатель использует древнегреческий миф [12. Т. 1. С. 377], который в приводимом контексте получает авторскую интерпретацию и актуализируется.

Анализ примеров показал, что Л.Н. Толстой прибегает к различным семантическим преобразованиям, для понимания которых важен контекст.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как и другие русские писатели XIX в., Л.Н. Толстой в художественных произведениях, в публицистических, эпистолярных, мемуарных текстах активно пользовался фразеологическими ресурсами не только русского, но и иностранных языков. Однако функционирование фразеологии в языке Л.Н. Толстого имеет свои нюансы. Ряд фразеологических конфигураций в языке Л.Н. Толстого помогает семантизации, т.е. раскрытию значения единицы с писательской точки зрения, что важно для уточнения семантики ФЕ и пословиц и находит отражение при создании авторского фразеологического словаря: подчас писатель не просто реализует узуальное значение, а привносит смысловые оттенки. В контекстуальном

употреблении семантизация может осуществляться разными способами, язык Л.Н. Толстого содержит подобные доказательства: наиболее частотны примеры семантизации посредством синонимов. Наряду с узуальными синонимами Л.Н. Толстой использует контекстуальные синонимы. Другим способом семантизации является употребление однотипных по структуре синтаксических конструкций. Проведенный нами анализ доказывает, что контекст способствует реализации смысловых значений фразеологии, и происходит реализация инновационного потенциала: уточнение фразеологического значения или появление окказионального значения, формулировке которого в языке писателя помогает семантизация единиц в тексте, когда посредством «авторской самодефиниции» происходит толкование значения концептуально значимых для Л.Н. Толстого единиц. Смысловой реализации фразеологии способствует анализ фразеологических актуализаторов в составе контекста.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Архангельский В.Л.* (1964). Устойчивые фразы в современном русском языке [*Arkhangelsky, V.L. Stable phrases in modern Russian*]. Ростов-на-Дону.
- [2] *Жуков В.П.* (1978). Семантика фразеологических оборотов [*Zhukov, V.P. Semantics of phraseological units*]. Москва.
- [3] *Кунин А.В.* (1996). Курс фразеологии современного английского языка [*Kunin, A.V. The Course of modern English Phraseology*]. Москва.
- [4] *Кунин А.В.* (1964). Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря [*Kunin, A.V. Basic notions of phraseology as a linguistic discipline and principles of composing English-Russian phraseological dictionary*]: Автореф. дис.... д-ра филол. наук. Москва.
- [5] *Ломакина О.В.* (2015). Роль фразеологических актуализаторов в смысловой реализации фразеологизмов и пословиц в тексте (на материале языка Л.Н. Толстого) [*Lomakina, O.V. The role of phraseological actualisators in the meaningful realization of phraseological units and proverbs in the text*] // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. № 2. С. 7—13.
- [6] *Мелерович А.М.* (1979). Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка [*Meleroovich, A.M. Problems of semantic analysis of phraseological units of modern Russian*]. Ярославль.
- [7] *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* (2008). Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка [*Meleroovich, A.M., Mokienko, V.M. Semantic structure of phraseological units of modern Russian*]. Кострома.
- [8] *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* (2011). Современная русская фразеология (семантика — структура — текст): монография [*Meleroovich A.M., Mokienko V.M. Modern Russian phraseology (semantics — structure — text): monography*]. Кострома.
- [9] *Мокиенко В.М.* (1989). Славянская фразеология [*Mokienko, V.M. Slavonic phraseology*]. Москва.
- [10] *Телия В.Н.* (1968). Типы преобразований лексического состава идиом [*Telia, V.N. Types of transformations of lexical content of idioms*]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва.
- [11] *Федоров А.И.* (1973). Развитие русской фразеологии в конце XVIII — начале XIX в. [*Fyodorov A.I. The evolution of Russian phraseology at the turn of XVIII—XIX centuries*]. Новосибирск.

- [12] Фразеологический словарь русского литературного языка (1997) [Phraseological Dictionary of Russian literary language]. В 2-х тт. / Сост. А.И. Федоров. Москва.
- [13] Фразеологический словарь русского языка (2003) [Phraseological Dictionary of Russian language] / Сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. Москва.

**REFLECTIONS OF PHRASEOLOGICAL
AND PROVERBIAL SEMANTIC INNOVATIONS
(on the base of Leo Tolstoy's language studies)**

O.V. Lomakina

St. Tikhon's Orthodox University
9, Plovayskaya str., Moscow, Russia, 109451
rusoturisto07@mail.ru

Currently, one of the topical issues of contemporary phraseology is studying of phraseological semantics. The article considers phraseological and proverbial semantic innovations in the texts of different styles and genres written by one author. Examples of some phraseological configurations are provided and semantization ways and means of phraseological units and proverbs in the text are analyzed in the article. The novelty of the study consists in the fact that the ways of the author's "self-definition" and its role in the shaping phraseological semantic understanding are described. Particular attention is paid to the semantic transformations of phraseological units in the text, by which phraseological units receive an additional semantic nuance, a new meaning or connotation's changing. The language of L. Tolstoy is used as illustrative material in the study.

Key words: phraseological context, semantization, phraseological unit, proverb, phraseological configurations, phraseological actualisator, semantic changes, L.N. Tolstoy language.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КОРРЕКТНОМ И НЕКОРРЕКТНОМ ПОВЕДЕНИИ В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Лиин Юань

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034
yeliannayuan@yandex.com

В данной статье мы разделяем позицию, высказанную и обоснованную писателем и философом Николаем Крышукон: «...В любом обществе есть законы неписаные... В их основе лежит как бы устная, традиционная договоренность о главных представлениях. Известно, что хорошо и что плохо, что является преступлением или подвигом, что такое любовь и как ведет себя порядочный человек. Люди, таким образом, знают (в силу некогда до них совершенной договоренности), как реагировать на отдельные явления и поступки». Попытаемся ответить на вопрос, какое поведение и какие поступки, согласно известным паремиям, считаются общепринятыми, а какие выходят за рамки воспитанности, приличий, принятых правил и, следовательно, отмечаются русским языковым сознанием как неприемлемые.

Ключевые слова: пословица, картина мира, поведенческий портрет, корректность и некорректность в поведении и поступках.

ВВЕДЕНИЕ

Достаточно пристальное внимание исследователей к проблеме взаимосвязи языка и культуры, языка и ментальности (ср. работы о концептах *Любовь, Труд, Глаза, Вежливость, Дурак* [1; 2; 4; 8—10] и др.) ведет к постепенному исключению «белых пятен» на карте языковой и пословичной картины мира. Тем не менее, остается недостаточно исследованной важная сфера отношений между людьми, проявления которых удостаиваются весьма острых наблюдений и оценок. Особенно это характерно для паремиологической картины мира.

Пословицы составляют вполне обозримый участок языковой системы, позволяющий описать паремийный взгляд на мир достаточно полно и достоверно [5. С. 16]. Паремийные единицы (далее — ПЕ), как «язык веками формировавшейся обыденной культуры» [12. С. 219], отражают народную мудрость в отношении человека, фиксируют разнообразные его поступки и модели поведения, дают им оценку в категориях «приемлемое — неприемлемое», «корректное — некорректное». С помощью пословиц можно передавать и получать информацию о принятых в обществе стереотипах поощряемого и осуждаемого поведения, о пределах допустимого в отношениях между людьми, о нормах морали и проч.

Используя выработанные в фразеологической научной традиции критерии, пословицу мы понимаем как «суждение, имеющее назидательный характер, выраженный образно» [7. С. 5], со структурой простого или сложного предложения, с прямым или косвенным способом выражения прагматической направленности.

Корректное, с точки зрения носителей языка и культуры, и некорректное поведение человека наблюдается в разных сферах общественной и личной жизни. Общей для приведенных ниже ПЕ является фиксация отклонения от принятых в обществе норм поведения: считается неприличным создавать неудобства другим людям, ставить их в неловкое положение, приводить в нежелательное психоэмоциональное состояние, заставлять совершать неприятные для них поступки, становиться объектом излишнего внимания со стороны других и т.д.

Проведенный нами анализ современных контекстов, содержащих ключевые слова *воспитанный, приличный, уместный, достойный, корректный, пристойный* и др., высказываний писателей и философов, раскрывающих содержание соответствующих понятий, словарных источников и явлений синонимии, антонимии, ассоциативного сближения и т.д., результатов опроса респондентов позволил выявить ряд ориентиров, на основании которых проводится отбор материала из словарей и сборников пословиц [3; 6].

В ПЕ — кратких изречениях народного происхождения — не встретятся такие слова, как *терпимость, предупредительность, ханжество, высокомерие, развязность, бесцеремонность, фамильярность* и др. Они принадлежат к книжной, абстрактной лексике и служат наименованиями определенных черт в поведении, характере человека. Тем не менее, проявление этих качеств, безусловно, отражается в ПЕ и получает соответствующую оценку.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ВОСПИТАННОГО/ НЕВОСПИТАННОГО ЧЕЛОВЕКА

Обзор паремийного массива позволяет привести примеры, указывающие на проявления корректного (одобряемого), но чаще — некорректного (порицаемого) поведения.

1. В человеке дороги доброжелательность, расположение, вежливость и т.д., которые следует проявлять в отношении других людей; *вежество* — это ‘приличное поведение в обществе, уважительное отношение к людям’; ср.: *Не дорого ничто, дорого вежество; Учимся вежеству: где пень, тут челом; где люди, тут мимо; где собаки дерутся, говори: Бог помощь*. В последней ПЕ в ироническом ключе отмечены ситуации, в которых нужно следовать общепринятому стереотипу поведения. Отмечено в ПЕ и общее порицание отклонения от неписаных правил поведения: *Невежа и Бога гневит (прогневляет)*.

Вежливость — это одно из качеств, входящих в эталонные представления об идеале русского человека [13. С. 13]. Формы проявления приветливости, вежливости в ПЕ могут конкретизироваться: важны вежливые слова (*От учтивых (вежливых) слов язык не отсохнет; Добрый привет и кошке люб; И собака ласково слово знает* и др.), но также и иные проявления расположения, например, поклон, которым могут сопровождаться приветствие, прощание, просьба, благодарность и проч. «Поклониться, проявляя вежливость, уважение, нетрудно»: *Поклониться — голова не отвалится (отломится, переломится); Поклоном спины не насадишь, шеи не свихнешь; Поклониться — вперед пригодится; Не всех поименно, а всем по поклону* и т.д. В ПЕ *Я ему поклонился, а он отворотился*

вежливости, приветливости противопоставлена намеренная демонстрация ее отсутствия.

2. К серьезным недостаткам относится людская неблагодарность: *И собака старое добро помнит; Хорош тот, кто поит да кормит, а и тот не худ, кто хлеб-соль помнит; Я его калачом, а он меня в стину кирпичом; Я к нему с добром, а он ко мне с дерьмом* и др.

3. *Что город, то норы, что деревня, то обычай; У всякого попа свой обиход* — так ПЕ напоминают о разнообразии людей, их нравов и традиций, о необходимости уважать чужой вкус, чужое мнение и не претендовать на правильность лишь своего взгляда на жизнь. Одно из важных правил для человека общественного — следует вести себя в соответствии с требованиями общества, в которое человек попадает в силу обстоятельств, не подходить со своей привычной меркой к другим людям: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Попал в стаю — лай не лай, а хвостом виляй; Чужого на свой аршин не меряй!* и др.

Быть как все — вот эталон поведения, отмечаемый в ПЕ: *Вперед людей не забегай, а от людей не отставай! Вперед не выдавайся (не суйся), а назад не оставайся!* Положение середины представляется оптимальным, не стоит высовываться: *Кто вперед суется, того и собаки едят.*

4. Человека отличает своеобразие мышления (*Всяк молодец на свой образец*), вкусов (*Кто любит попадью, а кто свиной хрящик*), наличие или отсутствие достоинств и проч. — отсюда и внимание в пословицах к идее толерантности, терпимости в отношении других: *Все один бог, что у нас, что у них* (у иноверцев); *Люблю молодца и в татарине* и др. В ПЕ говорится о необходимости проявлять терпимость в простых жизненных ситуациях — речь идет о снисходительности к чужим ошибкам, просчетам, проступкам: *В чужом глазу соринку видим, а в своем и бревна не замечаем; Чужая вина не прощенная, наш грех больше всех; Кто повинился — того суди Бог; В чужой сорочке блох не ищи;* к уродливости или недостаточной сообразительности другого: *Поглядел бы ты в воду на свою уроду* и проч. ПЕ не исключают возможности любому оказаться в неприятной ситуации: *От сумы и от тюрьмы не зарекайся; Не осуждай, да не осужден будешь;* рекомендуют почаще оглядываться на себя: *Ахал бы дядя, на себя глядя; Отойдем да поглядим, каково-то мы сидим; Стриги (Мыль) свою бороду, чеши свою голову, ходи в баню по субботам; Ковыряй всяк в своем свище (в своем носу); Считай (Паси) всяк пастырь свое стадо* и т.д. Следует щадить другого, сочувствовать ему в его бедах: *В друге стрела, как во пне; а в себе, как в сердце.*

5. Немало русских пословиц посвящено отношению к чужому — чужим тайнам, которые не следует раскрывать (*Чужой тайны не поверяй (не продавай!)*), чужим бедам и проблемам, к которым не стоит относиться с большей легкостью, несерьезностью, чем к своим (*Чужую беду руками разведу, а к своей и ума не приложу; Чужую печаль и с хлебом съешь, а своя и с калачом в горло не идет; Чужая беда за сахар*), к ошибкам и просчетам, допущенным другими людьми, с которых за это строже спрашивают, чем с самих себя (*В чужом глазу соринку (сучок) видим, а в своем и бревна не замечаем*).

Паремии порицают пренебрежительное, легкое отношение к чужому добру, которым дорожат меньше, чем собственным: *Чужим всяк тороват; Чужую курицу как хошь дери, а свою за хохол держи! Режь, волк, чужую кобылу, да моей овцы не тронь! Свое добро в горсточку собирай, чужое добро сей, рассевай! Чужое вино — и пил бы, и лил бы, и искупаться попросил бы; Не пеняй на Макара: сори из своего кармана! Отсюда и совет не зариться на чужое добро, не завидовать, а заводить свое: Не разводи усок на чужой кусок; На чужую кашу надейся, а своя бы в печи была; В чужом хлеву овец не считают и др.*

Неприлично получать некие блага за чужой счет: *На чужой спине легко; Легко чужими руками жар загребать; Ладно со своей ложкой да по чужим обедам; пользоваться результатами чужого труда: Жнет, где не сеял, а собирает, где не расточал; Жнет — не сеет, ест — не веет; Вы, братцы, помолотите, а мы поедим; Не разводи усок на чужой кусок; На чужую кашу надейся, а своя бы в печи была и т.д.*

Интересен представленный в русских ПЕ мотив осуждаемого участия в чужих религиозных отправлениях; ожидать для себя пользы от чужой молитвы — это, вероятно, крайняя степень «нахлебничества»: *В чужое спасенье не вкупайся (о молебнах); Зашел в чужую клеть молебен петь; За чужим кануном своих родителей (покойников) поминает.*

Не следует вмешиваться и в дела и жизнь другого человека — тем более без приглашения: *Не мешайся в совет, пока кто не позовет.*

6. К проявлениям некорректного поведения относится отсутствие скромности, проявление спеси, чванства, высокомерия кого-либо по отношению к другим, кто может воспринимать это как унижение: *Не кичись, лучше в ножки поклонись; Выше носа плюнешь, себя заплюнешь; Не закидывай головы: спотыкнешься; С выскока полета вскружится голова; Не по курице хода, не по кошке спесь; Спесивому хвала лучше дара и др. При этом ПЕ нередко намекают на отсутствие оснований для чувства превосходства над другими: Не чванься, квас, не лучше нас; Не ломайся, овсяник, не быть калачом; Не хвались, горох, не лучше бобов; Все равны бобы, один я соболек; Гроша не стоит, а глядит рублем.*

7. Недостойным считается чрезмерное хвастовство, превознесение своих заслуг: *Овсяная каша хвалилась, будто с коровьим маслом родилась; Не хвали сам себя, есть много умнее тебя; Хорошо поешь, да где-то сядешь; Хвастать — не косить, спина не болит и т.д. Хвалиться допустимо реальными результатами: Задом хвались, а не передом (когда исполнишь); Три дня не евши, да в зубах ковыряет; Сам не хвались, как люди похвалят и др.*

8. Пословицы, в которых представлена модель осуждаемого лицемерия, составляют впечатляющий блок единиц. Как правило, это пословицы констатирующего характера — они лишь представляют несоответствие реальных поступков человека тому, что он говорит и демонстрирует своим поведением. Ср.: *Приветлив стлать, да жестко спать; В ногах ползает, а за пятку хватает; Кумушкины слезки на базаре дешевы и др. Здесь мы находим весьма выразительные аналогии с использованием зооморфных образов: Заговелась лиса: загоняй гусей; Постригся кот, посхимился кот, а все тот же кот.*

9. Порицается проявление чрезмерного любопытства: *Не суй свой нос в чужой вопрос; О чем не сказывают, о том не допытывайся! В ино время не надо знать, что люди говорят и др.*; распространение слухов, сплетен: *Говоря про чужих, услышишь и про своих; Доносчику первый кнут.*

10. Противоречив взгляд на внешний вид, выраженный в русских ПЕ: с одной стороны, не следует придавать значение одежде, например: *Не осуди в лаптях, сапоги в саях; По одежке встречают, по уму провожают*; а с другой — ПЕ учат следить за своей внешностью, не шокировать окружающих: *В рогожу одеться, от людей отречься; Одейся клушей, окутался кувалдой; Возьми борону да расчеши бороду* и т.д.

11. Многочисленны ПЕ, в которых отмечено отрицательное отношение к вину: *Пить — добро, а не пить лучше того; Лучшие пряничать (от пряник), чем бражничать; Лучшие знаться с дураком, чем с кабаком*, к тем проявлениям в поведении, которые выдают в человеке пьяного и считаются недопустимыми: *Кабак не беда, да выходя не вались (не напивайся); Со хмелиной спознаться — с честью расстаться; За кови, так и за нож; за чарку, так и за драку; Хмельной, что прямой: рот нараспашку, язык на плече* и др. В ПЕ *Вина напилась, вся бесу отдалась; Смелым Бог владеет, пьяным черт качает* и др. интересна связь *вино — бес/черт*, которая, как пишет Е.И. Селиверстова, показывает «восприятие вина как бесовского искушения, а человека, неумеренно пьющего вино, — как связанного с нечистым» [11. С. 39], способного на ошибочные и запретные поступки.

Правилом приличного питания является умеренность: *Чарку пить — здорову быть, повторить — ум развеселить, утруить — ум устроить, много пить — нестройну быть.*

12. Паремии дают много практических советов, которым можно следовать в жизни, например: «Долги нужно возвращать своевременно» (*Долг платежом красен, [а займы отдачею]*); «На подарок также следует отвечать подарком» (*Подарки любят отдарки*) и т.д.

Отдельного рассмотрения заслуживает массив ПЕ, освещающих такой важный аспект коммуникации, как речь, язык, ситуацию приема гостей — с правилами поведения для хозяина и гостя и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Даже приведенных нами единиц достаточно для вывода о том, что проявления корректного/некорректного поведения, отражаемого в русских ПЕ, весьма разнообразны. При этом в подавляющем большинстве пословиц предстает не образец ожидаемого поведения, а «антиобразец». Семантика подобных ПЕ может быть обобщена формулой «Не надо поступать следующим образом...» — важной составляющей является сема ‘запрет’.

Степень неприемлемости поведения, рисуемого рассмотренными ПЕ, как нам представляется, разная: в одних некорректное поведение/поступок создает неудобство, мешает другим людям, оскорбляет их достоинство и т.д. В других случаях представляемая в ПЕ модель поведения / черта характера как будто не мешает другим людям, не касается их непосредственно, хотя и вызывает неприятие вслед-

ствии своей чрезмерности, неуместности. При этом больше страдает достоинство и репутация того, кто такое поведение допускает. Так, если отсутствие такта может обидеть, поставить собеседника в неловкое положение (*Где больно, там не тронь; Не поминай плешивого перед лысым гостем* и др.), то осуждаемые в ПЕ пьянство, зависть и проч. не обязательно сказываются на других.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бусурина Е.В. (2004). Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира [Busurina E.V. Linguoculturema «дурак» (a fool) in the Russian worldview]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. С-Петербург.
- [2] Воркачев С.Г. (2007). Любовь как лингвокультурный концепт [Vorkachev S.G. Lova as a linguocultural concept]. Москва.
- [3] Даль В.И. (1984). Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х тт. [Dal V.I. Proverbs of the Russian people: Collection. V. 1, 2]. Москва.
- [4] Зиновьева Е.И. (2003). Понятие «концепт» в отечественном языкознании: основные подходы и направления исследования [Zinovyeva E.I. Notion of “concept” in Russian linguistics: main research principles and trends] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Вып. 2 (№ 10). СПб. С. 12—28.
- [5] Иванова Е.В. (2002). Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц) [Ivanova E.V. Proverbial worldviews (by examples of English and Russian Proverbs)]. СПб.: Филол. фак-т Санкт-Петерб. гос. ун-та.
- [6] Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. (2010). Большой словарь русских пословиц [Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. Large dictionary of Russian provverbs]. Москва: Издательство «Олма Медиа Групп».
- [7] Мокиенко В.М. (2006). В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений [In the depth of sayings: Tales of origins of winged words and figurative expressions]. С-Петербург.
- [8] Савенкова Л.Б. (2002). Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты [Savenkova L.B. Russian paremiology: semantic and linguocultural aspects]. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та.
- [9] Савойская Н.П. (2005). Лингвокультурологические особенности концепта «Вежливость» (на материале казахского, русского и английского языков) [Savoyskaya N.P. Linguocultural specifics of the concept “Politeness” (by examples of Kazakh, Russian and English)]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень.
- [10] Селиверстова Е.И. (2015). Глаза как орган зрения и речи — сквозь призму русской фразеологии [Seliverstova E.I. Eyes as an organ of sight and speech — through the prism of Russian phraseology] // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: V Бодуэновские чтения: тр. и матер.: в 2 т. Казань. Т. 1. С. 310—313.
- [11] Селиверстова Е.И. (2010). Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект) [Seliverstova E.I. Russian proverb in the paremiological space: stability and variability (linguistic aspect)]: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. С-Петербург.
- [12] Телия В.Н. (1996). Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты [Telia V.N. Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Москва: Языки русской культуры.
- [13] Токарев Г.В. (2013). Человек: стереотипы русской лингвокультуры: Монография [Tokarev V.N. Man: Stereotypes of Russian linguoculture: Monograph]. Тула: С-Принт.

REFLECTION OF CORRECT AND INCORRECT BEHAVIOUR IN THE RUSSIAN PAREMIOLOGICAL WORLD VIEW

Lying Yuan

St. Petersburg State University
Universitetskaya Emb., 7/9, St. Petersburg, 199034
yeliannayuan@yandex.com

We share the point of view stated and proved by the writer and philosopher Nikolay Kryshchuk: “In any society there are unwritten laws. (...). The oral, traditional arrangement on the main ideas is their cornerstone. It is known, what is good and what is bad, what is a crime or a feat, what is love and how a decent person behaves. Thus people know, how to react to the some phenomena and acts”. We’ll try to answer a question, what kind of behavior or acts, according to paremias, are considered to be standard and what are beyond good breeding, decencies, the rules accepted and, therefore, are noted as unacceptable by the Russian language consciousness.

Key words: a proverb, a world view, a behavioural portrait, correctness and an incorrectness in people’s behavior and acts.

ВЫРАЖЕНИЕ ДОБРА И ЗЛА В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ

Т.Г. Орлова, Е.Ф. Никулина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10, г. Москва, Россия, 117198
rudn1964fev@yandex.ru

Статья посвящена структурно-семантическому анализу английских и русских пословиц, отражающих отношение англичан и русских к добру и злу. Новизна исследования заключается в том, что впервые рассматриваются пословицы данной семантической группы в аспекте сравнительного структурно-семантического анализа. Исследование данных пословиц очень актуально с точки зрения выражения в них моральных и этических ценностей, присущих обоим народам. Анализ фразеологического значения, структурно-семантических компонентов и экспрессивно-оценочных коннотаций позволил выявить их сходство, основанное на универсальности человеческого мышления, что находит свое подтверждение и на языковом уровне. Различия пословиц обусловлены культурно-национальным своеобразием менталитета английского и русского народа, что также находит подтверждение на языковом уровне.

Ключевые слова: пословица, структурно-семантический анализ, менталитет, концепт «добро и зло», универсальность человеческого мышления, синтаксическая структура, лексические компоненты, экспрессивно-оценочные коннотации.

Концепты пословичного поля «добро — зло» являются философскими категориями человеческого сознания. Эти универсальные понятия, которые заключают в себе представление о добродетели и пороке, присущи представителям любого народа. Понятие о добре и зле, наряду с другими философскими понятиями, находит свое отражение в языке пословиц английского и русского народов, что свидетельствует о различии и особенностях их менталитета.

Словарь по этике раскрывает сущность понятия **добра и зла**: «Добро — одно из наиболее общих понятий морального сознания и одна из важнейших категорий *этики*. Вместе со своей противоположностью — *злом* Д. является наиболее обобщенной формой разграничения и противопоставления нравственного и безнравственного, имеющего положительное и отрицательное моральное значение, того, что противоречит им. В понятии Д. люди выражают свои наиболее общие интересы и устремления, пожелания и надежды на будущее...» [4. С. 76—77]. И далее в словаре дается определение зла как «...понятия морального сознания, которое служит наиболее обобщенным выражением представления о безнравственном, противоречащим требованиям морали, заслуживающим осуждения...» [4. С. 95].

Нужно отметить, что пословицы, связанные с концептом «добро и зло», можно разделить на две большие группы. Это пословицы, связанные, с одной стороны, с обобщенным философским представлением, а с другой стороны, с более конкретным содержанием этих понятий. А именно — хорошие и дурные качества че-

ловека. Хорошие качества: доброта, честность, совесть, справедливость; дурные качества: злость, зависть, корысть, дурная репутация и т.д.

Прежде чем приступить к структурно-семантическому сопоставительному анализу, необходимо рассмотреть происхождение и социальную базу некоторых английских и русских пословиц, что обуславливает их структурно-семантическое, эмотивное и образное сходство. Например, нельзя не отметить, что на формирование пословичного фонда как английского, так и русского языка оказали влияние заимствования из других языков, и прежде всего из латинского и греческого, которые могли войти как в английский, так и в русский языки, часто через посредство других языков.

Приведем английскую пословицу *Of two evils choose the least* и ее русский эквивалент *Из двух зол выбирай наименьшее*. Обе они восходят к латинскому изречению *duobus malis minimum eligendum*. Общий источник происхождения приводит к созданию полных эквивалентов, даже при том, что английский и русский языки не близкородственные. В приведенных пословицах мы наблюдаем сходство синтаксической структуры (побудительные предложения), одинаковый порядок слов, отсутствие эмоционально-окрашенной лексики.

Еще одним общим источником происхождения является текст Библии, которая распространяла общие моральные ценности на всех христиан. Приведем английскую пословицу: *Hell is paved with good intentions* и ее вариант *The road (way) to hell is paved with good intentions*, соответствующий русскому эквиваленту: *Благими намерениями дорога в ад вымощена*. При сходстве синтаксической структуры обеих пословиц (страдательная синтаксическая конструкция) эти пословицы отличаются лишь порядком слов, так как в английском языке порядок слов строго фиксированный, а в русском — довольно свободный. Приведенные пословицы относятся к универсальной языковой ментальности, что свидетельствует о том, что «менталитет народа, как и его культура, представляет собой чрезвычайно неоднородное явление: наряду с национально-специфическими чертами, он включает межнациональные и универсальные, общечеловеческие черты» [3. С. 123]. Но для нас больший интерес представляют пословицы английского и русского языка, уникальные по своей внутренней форме и значению, которые через собственное осмысление добра и зла своеобразно отражают менталитет двух народов.

Нельзя не отметить, что по своему происхождению английские и русские пословицы связаны с различными социальными группами, в английских пословицах прослеживается мировосприятие человека, который занимает определенное положение в обществе и дорожит своей репутацией. А русские пословицы рождаются в народной среде, отражают ум, смекалку и национально-специфические черты жизни людей разных сословий. В связи с этим английские пословицы часто нейтральны по социальным характеристикам, носят более абстрактный характер, содержат более абстрактную лексику, хотя им нередко присущи и элементы образности, оценочности и экспрессии. Русские пословицы отражают в большей мере фольклорное творчество и восходят к народно-разговорной речи, что на языковом уровне проявляется в использовании просторечия, эмоционально-окрашенной лексики, экспрессивно-образных средств, ритмической организации пословиц, зву-

ковых повторов, рифмованности строк. Зачастую они представляют собой поэтические миниатюры, выражающие глубокий философский смысл.

Среди пословиц, связанных с осмыслением добра и зла, можно выделить несколько групп по их значению. В первую группу можно отнести английские и русские пословицы, выражающие значение «доброта в людях ценится выше всего»: *Kind hearts are more than coronets* (Добрые сердца значат больше, чем короны), и ее соответствует группа русских пословиц: *Добро не умрет, а зло пропадет, Сей добро, не кайся, Доброе дело два века живет, Кто добро творит, того Бог благословит, Злому смерть, а доброму воскресение*. Большинство из них содержит противопоставление, основанное на использовании экспрессивно-значимых лексических компонентов.

В эту же группу можно отнести пословицы, выражающие значение «хорошая репутация — важнее всего». Сравним: *A good name is better than riches* (Доброе имя важнее богатства), *A good name is sooner lost than won* (Хорошую репутацию легче утратить, чем приобрести), *A good name is sooner keeps its luster in the dark* (Хорошее имя сохраняют свой блеск и в грязи), ср. русский аналог *Золото и в грязи блестит*, а также *He that has an ill name is half hanged* (Тот, у кого дурное имя, наполовину казнен). Как видим, в английских пословицах много говорится о доброй репутации, причем добрая репутация отождествляется с добрыми делами, с понятиями о добре. В этих пословицах ярко отражается национально-культурное своеобразие мышления английского народа.

В русских пословицах отсутствует упоминание о репутации, зато в них звучит, с одной стороны, надежда на промысел Божий, на Божье покровительство, а с другой — на проявление собственной активности и воли. Эту мысль подтверждает русская пословица *На бога надейся, а сам не плошай*. Однако и в английском языке мы тоже встретили пословицу со сходным значением: *God helps those who help themselves* (Бог помогает тем, кто помогает себе сам).

В другую группу входят пословицы, которые реализуют значение «добрые дела не нуждаются в награде»: *Virtue is its own reward* (Добродетель сама по себе награда) и *A good deed is never lost* (Хороший поступок никогда не забывается) и их русский аналог: *За добро не жди добро*. Однако в русских пословицах содержится и другое значение «за добрым поступком следует благодарность»: *За доброе дело жди похвалы смело, Доброе дело без награды не остается, Делай добро и тебе будет добро, Добро добром поминают*. Такое большое количество пословиц с этим значением свидетельствует о том, что в менталитете русского человека добрый поступок обязательно вознаграждается. В то же время в русском языке имеется пословица с тем же значением, но с продолжением «за зло отвечают злом»: *По добру — добро, по худу — худо*. Уникальна по своему значению английская пословица *A forced kindness deserves no thanks* (Вынужденная доброта не заслуживает благодарности), которая не имеет русского аналога.

Рассмотрим пословицы, выражающие значение «нельзя отвечать злом на зло»: *Two blacks do not make a white* (Черное на черное не дает белого (цвета)), *Two wrongs do not make a right* (Два плохих поступка не дают одного хорошего поступка). Следует отметить, что первая английская пословица более образна за счет приемов метафоризации (black — зло, white — добро), а также за счет приема

противопоставления. Аналогична по своей синтаксической структуре и вторая английская поговорка, выразительность которой создается за счет лексической антонимии. Соответствующие русские поговорки *Злом зла не поправишь, Злом зло не воздавай* лаконичны, носят ярко выраженный назидательный характер. Их выразительность создается за счет использования обобщенно-личного предложения, а также побудительного предложения.

Рассмотрим группу поговорок, выражающих значение 'добро никогда не может вырасти из зла': *Good can never grow out of evil* (Добро никогда не может вырасти из зла), *Harm watch, harm catch* (Наблюдая плохое, получишь плохое), и их русские соответствия: *Из зла добро не рождается, За худым пойдешь, худое найдешь, За недобрым пойдешь, на беду набредешь, Из лжи правды не вырастишь, Где сусло хорошо, там пиво дурно не бывает.*

С другой стороны, как в английском, так и в русском языке есть поговорки, выражающие противоположное отношение к одному и тому же явлению, что свойственно противоречивости человеческого мышления. Например, ряд английских поговорок выражает противоположное значение «зло может приводить к добру»: *No great loss without some small gain* (Нет больших потерь без маленьких приобретений), *No joy without alloy* (Нет радости без огорчения), *Nothing so bad, as not to be good for some thing* (ничто не бывает настолько плохим, чтобы в нем не было чего-нибудь хорошего). Всем этим английским поговоркам соответствует одна русская поговорка *Нет худа без добра*. Это также свидетельствует о своеобразии менталитета двух народов.

К этой же группе примыкают английские и русские поговорки, выражающие значение «плохая компания плохо влияет на человека», например: *Who keeps company with a wolf, will learn to howl* (Кто поддерживает компанию с волком, научится выть), *A man is known by the company he keeps* (Человека знают по компании, которую он водит), *He that lives with cripples learn to limp* (Тот, кто живет с калеками, научится хромать), *Evil communications corrupt manners* (Худые сообщества развращают нравы) и их русские соответствия: *С кем соль-хлеб водишь, на того и походишь, С кем поведешься, от того и наберешься.*

На примере этих поговорок можно наблюдать некоторую общность менталитета английского и русского народа, а именно: вредно негативное влияние плохого, плохой компании на человека. Одна из английских поговорок *Who keeps company with a wolf, will learn to howl* является частичным эквивалентом русской поговорки *С волками быть (жить), по-волчьи выть*. Они имеют сходную внутреннюю форму, сходную лексику, сходное образное значение, отличаются только синтаксической структурой и звуковым оформлением.

Русская поговорка более лаконична, в ее состав входит более экспрессивное бессоюзное условное предложение, включающее два рифмующихся инфинитивных предложения. Другие русские поговорки носят фольклорный характер, отличаются рифмованностью глагольных форм, использованием сходных синтаксических структур.

Вызывает интерес английская поговорка *He that lives with cripples learn to limp*, в которой обобщенное образное значение создается за счет включения народной, разговорной, необычной лексики (волк, выть).

Далее мы хотим отметить пословицы, которые имеют более конкретное значение и связаны с поступками, поведением людей и имеют значение «дурная слава (репутация) становится известна сразу же»: *Good fame sleeps, bad fame creeps* (добрая слава спит, а плохая ползет), *Ill fame has wings* (дурная слава имеет крылья), *Ill fame has long legs* (дурная слава имеет длинные ноги). Всем им соответствует одна русская пословица *Добрая слава лежит, а худая бежит*. Можно отметить, что и английские и русские пословицы строятся на приеме олицетворения, то есть перенесения человеческих черт на неодушевленные предметы и явления, что восходит к мифологическому и сказочному мышлению. Большее количество английских пословиц с этим значением свидетельствует о том, что англичане в большей мере придают значение дурной славе, плохой репутации. В этом проявляется национально-культурное своеобразие менталитета англичанина.

Рассмотрим группу пословиц, также имеющих более конкретное значение «доброе начало приводит к доброму завершению»: *A good beginning makes a good ending* и его русские аналоги: *Доброе начало венчается добрым концом, Доброе начало полдела откачало*. Мы видим, как английские, так и русские пословицы с этим значением имеют прозрачную внутреннюю форму и одинаковое синтаксическое построение.

К ним же можно отнести ряд пословиц, которые выражают отношение между людьми, основанные на добре. Они даются в форме напутствия, пожелания, совета и имеют значение «поступай так, как хочешь, чтобы поступали с тобой», в связи с этим большинство из них употребляется в форме побудительных предложений: *Do as you would be done by* и ее русские аналоги: *Когда хочешь себе добра, то никому не делай зла, Не делай другому, чего себе не хочешь*.

Таким образом, структурно-семантический сопоставительный анализ пословиц английского и русского языка, связанных с осмыслением таких философских категорий мышления и этики, как **добро и зло**, которые лежат в основе моральных принципов и ценностей, показал значительное сходство национального мышления обоих народов. Сходство английских и русских пословиц данной семантической группы преобладает над их различием. Сходство их значений обусловлено, с одной стороны, общими источниками происхождения, обращением к тексту Библии, переводом латинских и греческих изречений, возможно, через языки-посредники, а с другой стороны, общностью негативного отношения к злу и признания добра как высшей моральной ценности.

Вместе с тем необходимо отметить сходство английских и русских пословиц также на языковом уровне. Например, их назидательный характер приводит к преимущественному употреблению глаголов, побудительных конструкций. Следует отметить, что противопоставление добра и зла реализуется в использовании сопоставительных и противопоставительных построений. Есть сходство в избирательности лексики: она носит более абстрактный характер, более нейтральна и даже в русском языке почти не употребляются реалии крестьянского быта, реже используются архаизмы и просторечие.

Экспрессивно-оценочная коннотация и образность как в английских, так и в русских пословицах создается за счет контраста, параллелизма синтаксических конструкций, нередко за счет включения необычных лексических компонентов.

Различие же английских и русских пословиц обусловлено их социальным происхождением. Так, английские пословицы передают мировосприятие человека, который дорожит своей репутацией, положением в обществе, для которого характерен более деловой, прагматический подход к жизни. Русские же пословицы носят назидательный, поучительный характер, они вышли из народной среды и в большей мере опираются на разговорную лексику, на фольклорное творчество, носят более образный и экспрессивный характер, отличаются краткостью и выразительностью.

Таким образом, анализ сходства и различия данного пословичного поля концепта «добро и зло» позволил показать особенности менталитета английского и русского народов.

Материалы и выводы статьи могут быть использованы в практике учебной и переводческой деятельности, а также в практике межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Даль В.И.* (1994). Толковый словарь живого великорусского языка [*Dahl V.I. Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language*]. Москва.
- [2] *Жуков В.П.* (1990). Словарь русских пословиц и поговорок [*Zhukov V.P. Dictionary of Russian proverbs and sayings*]. Москва.
- [3] *Иванова Е.В.* (2006). Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие [*Ivanova E.V. Peace in Russian and English proverbs: Textbook*]. СПб.: изд. СПбГУ.
- [4] Словарь по этике / под ред. И.С. Кона (1981) [*Dictionary on Ethics / Ed. I.S. Kon*]. Москва: изд-во Политическая литература.
- [5] Словарь употребительных пословиц / Сост. М.В. Буковская и др. [*Dictionary of widely used proverbs*] / Lexicographers M.V. Bukovskaya et al.] (1990) М.: Русский язык.
- [6] *Smith W.G.* (1970). The Oxford dictionary of English proverbs. UK: Oxford.

ON GOOD AND EVIL EXPRESSION IN ENGLISH AND RUSSIAN PROVERBS AS A REFLECTION OF ENGLISH AND RUSSIAN MENTALITY

T.G. Orlova, E.F. Nikulina

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/1, Moscow, Russia, 117198
rudn1964fev@yandex.ru

The article is devoted to the structural and semantic analysis of English and Russian proverbs reflecting the attitude of Englishmen and Russians towards good and evil. Scientific novelty of the research consist in the fact that the proverbs of above mentioned group in the aspect of comparative structural and semantic analysis are considered for the first time. The research of the proverbs is very actual from the viewpoint of revealing the moral and ethical system of values which characterize both nations. The analysis of the phraseological meaning, their structural and semantic components, expressive and emotive connotations revealed the similarities of their meaning and structure based on the universality of the human mind which is confirmed at the language level. The differences of the proverbs are connected with national types of mentality of the English and Russian nations which is confirmed at the language level as well.

Key words: proverb, structural and semantic analysis, mentality, concept “good and evil”, universality of the human mind, expressive and emotive connotation.

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПЕРЕВОДА

УДК [811.111:811.161.1]'255:81'367

ПЕРЕВОД: СТРУКТУРИРОВАНИЕ ТЕКСТА

А.Л. Семёнов

Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, Москва, Россия, 119034
arksem@gmail.com

В.И. Ершов

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД РФ
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454
ershovik@mail.ru

Предложение является лишь частным случаем высказывания и не всегда может быть единицей перевода. Наиболее близкое к единице перевода высказывание может иметь варианты перевода, возникающие из понимания информационного содержания высказывания. Логико-семантический анализ компонентов высказывания и его перевода характерен явно выраженной асимметрией.

Ключевые слова: высказывание, смысловая ситуация, семантика действия, тема, рема.

Единица перевода до сих пор не является достаточно оформленным понятием. Среди переводоведов существуют определенные соглашения относительно единицы перевода.

Зачастую единицей перевода считают предложение. В практическом смысле это достаточно удобно и чаще всего вполне оправдано. Точка, оформляющая завершение предложения, обычно ассоциируется с паузой или смысловым фрагментом письменного текста, что психологически стимулирует начало перевода в ситуации устной двуязычной коммуникации. Но на простой, казалось бы, вопрос: что именно переводит переводчик — предложение или высказывание, дать точный ответ невозможно. Самой сутью перевода с одного языка на другой, объективностью существования множественности переводов доказывается то, что одному предложению может соответствовать несколько различающихся по форме выска-

зываются. Естественным следствием ситуации является наш интерес к анализу высказывания как условной единице перевода.

С позиций переводоведения предложение — понятие теоретическое и исключительно лингвистическое. Высказывание скорее, чем предложение, может содержать экстралингвистические элементы. Важным моментом является еще и то, что высказывание — это продукт речемыслительной деятельности коммуникативной направленности.

Чрезвычайно важной основой для переводоведческого теоретического размышления для нас стало описание переводческой ситуации, предложенное И.А. Мельчуком: «Переводчик прочитывает достаточный фрагмент текста на входном языке и понимает его — при этом он работает как входной язык. В результате он получает смысл, который он должен передать. Этот смысл он выражает на выходном языке — тут он работает как выходной язык. Сам исходный материал при этом никак не затрагивается, и обратное преобразование остается невозможным» [1. С. 12]. И далее И.А. Мельчук особо обращает внимание на то, что информационное содержание какой-либо фразы (или последовательности фраз) и ее языковой смысл — это совсем не одно и то же [1. С. 12].

С целью максимально сблизить предложение и высказывание при рассмотрении соотношений смысла и текста в ситуации перевода мы выбрали простейшую фразу *Я знаю (не знаю), что он хороший студент* и выполнили наиболее распространенные варианты перевода этой фразы в тех коммуникативных условиях, в которых может оказаться переводчик.

Русско-английский вариант (утвердительная форма, настоящее время):

Я знаю что он хороший студент. — I know he is a good student.

Смысловая ситуация относится к настоящему времени. Для этой ситуации не имеет значения никакое предшествующее знание, и фраза имеет констатирующий абсолютно нейтральный смысл. Никакие дополнительные варианты невозможны, и предложение полностью совпадает с высказыванием. Никакой переводческой проблемы для передачи смысла не возникает. Но возможен и другой вариант:

*I know him to be a good student. — (1) Я знаю, что он хороший студент.
(2) Я знаю его как хорошего студента.*

Простейший лингвистический анализ показывает принципиальное отличие этого предложения на английском языке от первого. И эта разность синтаксических конструкций для выражения смысла порождает различие смысла высказывания и проблему перевода этого высказывания. Здесь мы сталкиваемся с первым сигналом, привлекающим внимание к тому, что план выражения определяет план содержания. Это явление уже достаточно глубоко исследовано в переводоведении и аргументированно представлено в работе О.А. Сулеймановой [3. С. 272]. И в нашем исследовании оба перевода имеют различные тема-рематические от-

ношения. Информационное содержание первого перевода сводится в конструкции *Я знаю*, а информационное содержание второго перевода — в *хороший студент*.

Отрицательное высказывание в настоящем времени не добавляет переводчику никаких проблем. И все наши наблюдения попросту сохраняются.

Русско-английский вариант (отрицательная форма, настоящее время):

Я не знаю, что он хороший студент. — I do not know that he is a good student.

Но логическую структуру перевода на русский язык вряд ли можно признать соответствующей нормам стилистически правильного выражения. Пресуппозиция переводчика явно указывает на истинность смысла предложения, в то время как языковое выражение истинности в данном случае не вполне соответствует языковой норме. Истинность первой части предложения явная. Истинность второй части не имеет ни логического, ни семантического основания. Несколько в ином контексте Р. Якобсон отмечает, что значение языкового знака — это его перевод в другой знак, прежде всего в такой, в котором его значение выявлено более полно [5. С. 233]. Вывод Р. Якобсона в нашей ситуации обретает инструментальную силу, и наиболее точным становится перевод:

Мне не известно, что он хороший студент.

В таком переводе сохраняются соотношения истинности смыслов двух частей высказывания. Безусловно соблюдая формулу Р. Якобсона, обратный перевод имеет уже упомянутый нами вид:

I do not know him to be a good student.

При этом необходимо обратить внимание на то, что мы отказываемся от русскоязычного варианта *Я не знаю его как хорошего студента* по двум причинам: во-первых, стилистика этого выражения противоречит нормам русского языка; во-вторых, синтаксическая конструкция не соответствует логико-семантической сущности высказывания. И эта достаточно простая ситуация наводит на мысль о том, что разделение многими лингвистами (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева и др.) предикатов на фактивные и нефактивные весьма эффективно в ситуации перевода. Пока остается не доказанным лингвистическим явлением, но статистически верным достаточно высокое расхождение семантических полей фактивных и нефактивных русских глаголов и их эквивалентов в других языках. *Я не знаю* и *Мне неизвестно* — это и есть не что иное, как асимметрия фактического смысла, вызванная асимметрией в передаче семантики действия.

Перевод высказывания в прошедшем времени создает дополнительные проблемы, связанные с аналитическими свойствами русского языка, позволяющими совмещать различные временные конструкции в одном высказывании. Е.В. Падучева уделила серьезное внимание семантике времени и вида русского глагола, при этом в нашем исследовании особый смысл приобретает выделенный Е.В. Па-

дучевой аспект точки отсчета, который может не совпадать с моментом речи [2. С. 9—12], сравните:

I knew he was a good student. — Я знал, что он хороший студент.

I did not know (that) he was a good student. — Я не знал, что он хороший студент.

Логика английского высказывания построена на том, что оба действия происходили в одно время и для них существует единая точка отсчета в прошлом, то есть *он был хорошим студентом* и *я знал это*. В переводе на русский язык точкой отсчета является *Я знал*, и именно эта точка отсчета указывает на то, что *он был хорошим студентом* именно в момент, совпадающий с точкой отсчета, обусловленной первой частью высказывания. Если бы мы следовали синтаксической конструкции английского высказывания и представили описываемую ситуацию как *Я знал, что он был хорошим студентом*, произошло бы изменение смысла всего высказывания, связанное с раздвоением временных ситуаций смысловых компонентов высказывания. Действие компонента *он был хорошим студентом* предшествует действию компонента *Я знал*. Если бы потребовался перевод высказывания *Я знал, что он был хорошим студентом*, вероятнее всего была бы использована перфектная конструкция, поскольку по смыслу получается второе действие является уже свершенным к точке отсчета *Я знал*.

Второй вариант интерпретации того же смысла высказывания на английском языке дает возможность переводчику полностью сохранить смысл высказывания без ущерба стилистики формы выражения при утверждении:

I knew him to be a good student. — Я знал его как хорошего студента.

Но синтаксическая конструкция выражения отрицания заставляет переводчика прибегнуть к синтаксической трансформации:

I did not know him to be a good student. — Я не знал, что он хороший студент.

И в этой ситуации снова сохраняется определяющее влияние в понимании точки отсчета для гармонизации семантики действия.

Особая ситуация создается выражением и согласованием действий в будущем времени. Здесь снова приходится учесть упомянутое выше семантико-стилистическое разнообразие глаголов и различие среди них фактивных и нефактивных. Так, семантическая конструкция со сложным дополнением, характерная для английского языка, невозможна в будущем времени с глаголом *know* 'знать'. В таких случаях используется конструкция с предлогами *if* или *that*, которая придает высказыванию элемент семантики условности. При этом также следует учесть особенности английского языкового менталитета. Прошлое было испытано временем и запомнилось в самых лучших реализациях. Для его выражения есть несколько синтаксических форм. Настоящее — это наша, а, следовательно, «уважаемая» ситуация. А вот будущее не всегда гарантировано, весьма условно, а действия могут произойти или не состояться. Возможно, по этой причине в английском языке существует такая форма, как «будущее в прошедшем». Наш пример принимает такие формы выражения:

I know he will be a good student. — Я знаю, что он будет хорошим студентом.

I do not know that (if) he will be a good student. — Я не знаю, будет ли он хорошим студентом.

Но в переводах мы также не видим утверждения. Высказывание *Я знаю, что он будет хорошим студентом* является суждением, истинность которого не определена явно, поскольку в высказывании не выражены аргументы *Я знаю, что он должен бы быть хорошим студентом* или *Я предполагаю, что он будет хорошим студентом*. И если в нашем первом толковании ситуации есть точка отсчета *Я знаю*, то во втором толковании достаточно трудно определить ее однозначно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, все рассмотренные ситуации и соотношения оригинала и перевода приводят к выводу о том, что даже в элементарных ситуациях переводчик должен оперативно решить достаточно сложные семантические задачи, которые имеют смысловозначительное значение. Эти задачи могут быть лексическими, как мы это заметили на различиях в использовании фактивных и нефактивных глаголов, или синтаксическими, как мы это обнаружили при различных синтаксических формах выражения единого содержания. В оперативных условиях перевода высказывания далеко не всегда есть условия для логико-семантического анализа. Если вернуться к нашим примерам переводов простейших высказываний, то на фоне анализа их информационного содержания можно заметить универсальные варианты переводов, которые достаточно полно передают смысл.

В наших более ранних работах [4. С. 24] мы сравнивали точностью перевода с точность извлечения корня квадратного из 2. Это возможно лишь с необходимой, но не абсолютной точностью. Стилистическое нивелирование глагольных форм сглаживает актуальность понятия точки отсчета и универсализирует форму выражения смысла. Такие формы выражения, как *I know him to be a good student* и *Я знаю его как хорошего студента*, в любых ситуациях буду предпочтительнее двух- и многокомпонентных синтаксических конструкций. Проведенный здесь анализ английского и русского языкового материала показывает, что в условиях перевода необходим двойной логико-семантический анализ и его результаты неизбежно зависят от особенностей языка.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Мельчук И.А. (2012). Язык: от смысла к тексту [Melchuk I.A. Language: from sense to text]. Москва: Языки славянской культуры.
- [2] Падучева Е.В. (2011). Семантические исследования [Paducheva E.V. Semantic Studies]. Москва: Языки славянской культуры.
- [3] Сулейманова О.А. (2016). Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий [Suleymanova O.A. Linguistic theories in interpreting translation strategies]. Москва: ЛЕНАНД.
- [4] Семёнов А.Л. (2013). Теория перевода [Semenov A.L. Theory of Translation]. Москва: Издательский центр «Академия».
- [5] Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation // In: On Translation. Cambridge, Mass., 1955.

ON TRANSLATION: TEXT STRUCTURING

A.L. Semenov

Moscow State Linguistic University
Ostozhenka str., 38, Moscow, Russia, 119034
arksem@gmail.com

V.I. Ershov

Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO-University), Ministry of Foreign Affairs RF
Vernadskogo ave., 76, Moscow, Russia, 119454
ershovik@mail.ru

A sentence is just a particular case of the utterance and may not always be a translation unit. The utterance closest to the translation unit may have translation versions arising from the understanding of the speech information content. Logical-and-semantic analysis of the utterance components and its translation is characterized by the distinct asymmetry.

Key words: utterance, semantic situation, semantics of the action, theme, rheme.

**СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА
СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ФИЛЬМОНИМОВ
НА РУССКИЙ И ИСПАНСКИЙ ЯЗЫКИ
(на примере фильмов 2008—2014 гг.)**

О.И. Александрова, У.А. Николаева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2А, Москва, Россия, 117198
alexandrova_oi@pfur.ru; ulina.pochta@gmail.com

В статье рассматриваются стратегии перевода названий американских кинофильмов на русский и испанский языки с учетом их структурно-семантических и функционально-прагматических особенностей. Независимо от того, какая стратегия используется при переводе с одного языка на другой (прямой дословный перевод, перевод с трансформацией или полная замена), название должно соответствовать сюжету, идейно-философскому содержанию и жанровой принадлежности фильма, при этом оставаясь привлекательным для потенциального зрителя. При несоблюдении хотя бы одного из условий перевод названия может быть неудачным, неадекватным.

Ключевые слова: фильмоним, адекватный перевод, прямой перевод, вольный перевод, трансформация, замена.

ВВЕДЕНИЕ

В связи с интенсивной американизацией массовой культуры, высокой популярностью и распространением американского кинематографа во многих странах мира возникает необходимость качественного перевода текстов американских художественных фильмов на разные языки. Одной из важнейших составляющих любого кинопродукта является его название, определяемое современными лингвистами как фильмоним [1].

Название должно отражать содержание и художественный замысел фильма, оно должно быть понятным, емким, интригующим и привлекательным для потенциального зрителя, поэтому при его переводе важно не только не допустить коммуникативного сбоя, но и учесть задачи создателей кинофильма, в том числе коммерческие. Цель настоящего исследования — выявление стратегий перевода названий американских кинофильмов и их перевода на русский и испанский языки с учетом структурно-семантических и функционально-прагматических особенностей, а также определение степени адекватности перевода фильмонимов и возможностей повышения качества их перевода.

Перевод названий можно оценивать как адекватный или неадекватный, руководствуясь различными критериями: семантическим, стилистическим, эстетическим, лингвокультурологическим и т.д. При определении качества перевода важно учитывать и мнение представителей целевой аудитории. Так, при анализе степени адекватности перевода названий американских кинофильмов на русский язык был проведен опрос, в котором участвовало 150 респондентов в возрасте от 17 до 32 лет,

владеющих английским языком и посмотревших художественные фильмы, названные в опроснике.

Опрос показал, что из предложенных в анкете переводов на русский язык 75 названий кинофильмов 22,6% фильмонимов оцениваются кинолюбителями как неудовлетворительные и не соответствующие идейно-эстетическому содержанию фильма, как и оригинального названия. Неприятие перевода возникает, в основном, в случае неоправданной замены названия, либо неполноценного с художественной точки зрения перевода, либо просто с неудачной трансформацией названия. Такой результат указывает на сохранение проблемы адекватности перевода и возникновения коммуникативного барьера в межкультурном общении.

Материалом настоящего исследования послужили 225 англоязычных, русскоязычных и испаноязычных названий кинофильмов, выпущенных в 2008—2014 гг. Они были проанализированы с точки зрения степени соответствия содержанию оригинального названия, а также степени лингвоэтнической адаптации.

Исследование показало, что при переводе фильмонимов на русский и испанский языки используются различные стратегии, включая прямой, дословный перевод; перевод с трансформацией, сопровождающейся заменой, добавлением или опущением ключевых слов; перевод с лексико-семантической, грамматической или комплексной лексико-грамматической заменой; перевод с экспликацией либо компенсацией; вольный перевод.

ПРЯМОЙ ПЕРЕВОД

Прямой перевод считается наиболее точным и адекватным и регулярно используется в случае, если фильмоним состоит из имени собственного или включает его в свой состав.

Таблица 1

Перевод фильмонимов, содержащих личные имена, на русский и испанский языки

Английский оригинал	Русский перевод	Испанский перевод
Hitchcock	Хичкок	Hitchcock
Jack Reacher	Джек Ричер	Jack Reacher
Kon-tiki	Кон-тики	Kon-tiki
Lincoln	Линкольн	Lincoln
Marley	Боб Марли	Marley
Noah	Ной	Noé
Captain Phillips	Капитан Филлипс	Capitán Phillips
Life of Pi	Жизнь Пи	La vida de Pi
The great Gatsby	Великий Гэтсби	El gran Gatsby
Django Unchained	Джанго освобожденный	Django desencadenado

Дословно также могут переводиться названия, состоящие из простого словосочетания или слова с прямым или универсальным метафорическим значением. Различия оригинального и переводного фильмонимов касаются морфологических и/или синтаксических особенностей языковых систем, но значительной лексико-грамматической и семантической трансформации при таком переводе не проис-

ходит. В некоторых случаях переводное название точнее оригинального благодаря грамматическим возможностям языка. Например, при переводе названий «The Book Thief», «The Host» и в русском, и в испанском языке благодаря словообразовательным средствам и артиклю имя существительное приобретает значение женского рода. Из русского и испанского названия потенциальному зрителю понятно, что центром сюжетной линии является героиня, а не герой, тогда как в оригинальном названии сохраняется неопределенность. При переводе названия «Prisoners» на русский язык обозначение лица женского пола/рода сохраняется и во множественном числе: названия «Пленники» и «Пленницы» вызывают разные ассоциации, следовательно, оригинальное и переводное названия отличаются по прагматингвистическим функциям.

Таблица 2

**Дословный перевод названий американских кинофильмов
на русский и на испанский языки**

Английский оригинал	Русский перевод	Испанский перевод
Beautiful creatures	Прекрасные создания	Hermosas criaturas
Cloud atlas	Облачный атлас	El atlas de las nubes
Prisoners	Пленницы	Prisioneros
Side effects	Побочный эффект	Efectos secundarios
The book thief	Воровка книг	La ladrona de libros
The Hobbit: There and Back Again	Хоббит: Туда и обратно	EL Hobbit: Partida y regreso
The host	Гостя	La huésped
The wolf of Wall Street	Волк с Уолл-стрит	El lobo de Wall Street

Отметим, что прямому переводу чаще подвергаются фильмонимы, содержащие прецедентный феномен, в том числе названия книг, по которым снят фильм и которые переведены на русский и испанский языки до выхода их экранизаций.

Как показывает анализ языкового материала, возможности прямого перевода на русский и испанские языки не одинаковы: прямой перевод используется чаще при работе с английским и испанским языками, тогда как при переводе на русский язык использованию данной стратегии препятствует наличие большего количества грамматических различий.

НЕАДЕКВАТНЫЙ ДОСЛОВНЫЙ ПЕРЕВОД

Очевидно, что прямой перевод неуместен при переводе фразеологических выражений, характеризующихся идиоматичностью значения, то есть смысловой неразложимостью на значения слов-компонентов и невыводимостью значения всей единицы из значений ее частей. Примером может послужить название «Kill Your Darlings», обладающее метафорическим фразеологически связанным значением и дословно переведенное на русский язык «Убей своих любимых». Выражение *kill your darlings* впервые используется английским писателем Сэром Артуром Квиллером-Кучем (1863—1944) в сборнике лекций для Кембриджского университета «On the Art of Writing» (1916) («О писательском искусстве»): «If you here require a practical rule of me, I will present you with this: ‘Whenever you feel an impulse to

perpetrate a piece of exceptionally fine writing, obey it — whole-heartedly — and delete it before sending your manuscript to press. Murder your darlings» [Quiller-Couch, 1916]¹. В дальнейшем эта фраза была процитирована американским писателем Вильямом Фолкнером в измененном виде, который и стал общепринятым: «In writing, you must kill your darlings».

По сути, выражение *kill you darlings* стало своего рода метафорическим кредо для начинающих писателей, которым свойственно использовать при творчестве большое количество своих авторских, «фирменных» приемов. А. Квиллер-Куч же хотел сказать, что такое излишнее самовыражение может раздражать читателя и произведение будет обречено на провал.

Рассматриваемая формула не имеет эквивалентов в русском языке, ее значение может быть передано только путем экспликации. Таким образом, дословный перевод сразу же исключается как способ получения полноценного аналога оригинального текста.

Каким образом английский фильм-омоним соотносится с содержанием самой картины? В фильме повествуется о студенческой жизни молодых поэтов-битников, которые отличались неприятием традиционных культурных ценностей своей нации, а их писательскими принципами были субъективизм и анархическое настроение. Герои фильма вступают в идеологический конфликт со своим консервативным преподавателем литературы, который однажды говорит им: «Kill your darlings», тем самым в лаконичной форме характеризую особенность целого поколения писателей, которые творили «по-своему».

Помимо метафорического значения оригинального фильм-омонима название может иметь и буквальное прочтение, коррелирующее с сюжетом фильма. Один из студентов действительно убивает своего любимого. Дословный перевод на русский язык «Убей своих любимых» ориентирован только на сюжетную линию, что подчеркивается грамматическими средствами: в названии используется одушевленное субстантивированное имя существительное (на это указывает форма винительного падежа). В русском переводе названия утрачивается тонкая игра, философская составляющая идейно-содержательной стороны названия. Таким образом, и прямой дословный перевод может быть неудачным, особенно в случае недостаточной лингвокультурологической компетентности переводчика.

ПЕРЕВОД С ТРАНСФОРМАЦИЕЙ И ЗАМЕНОЙ

При наличии в составе названия непереводаемых культуроспецифических элементов более приемлемой является стратегия перевода с трансформацией или полной заменой. Как показало исследование, трансформация фильм-омонимов при переводе на русский и испанский языки часто происходит по общему лексико-грамматическому принципу. Тем не менее, ряд примеров перевода с трансформа-

¹ Если вам нужен практический совет от меня, я дам его вам: «Всякий раз, когда вы чувствуете желание написать что-то исключительно утонченное, повинуйтесь ему — беззаветно — и удалите написанное перед отправкой рукописи в печать. Убивайте своих любимых» (перевод наш. — О.А., У.Н.).

цией и заменой указывает на то, что испанские переводчики стремятся к полноценной передаче в родном языке всего содержательного плана фильмонима, а русские переводчики чаще ориентируются на прагматические функции и руководствуются рекламными целями.

Таблица 3

Замена оригинального названия американского фильма в русском языке при частичном сохранении содержания в испанском названии

Английский оригинал (дословный перевод)	Русский перевод	Испанский перевод
About time (Про время)	Бойфренд из будущего	Una cuestiyn de tiempo (Дело времени)
Lawless (Незаконный)	Самый пьяный округ в мире	Sin ley (Без закона)
Silver lining playbook	Мой парень — псих	El lado bueno de las cosas (Хорошая сторона вещей)

В первом примере перевода названия «About Time» на русский язык наблюдается полная замена фильмонима с использованием стилистически и эмоционально-экспрессивно окрашенных единиц (*бойфренд*, *пьяный*, *псих*), в то время как перевод испанских названий максимально приближен к оригиналу. Попытаемся определить причины использования стратегии перевода названия «About Time» с полной заменой на русский язык и установить степень адекватности перевода.

Прежде всего обратим внимание на содержание картины.

В фильме описывается жизнь мужчины, который умеет перемещаться в свое прошлое и исправлять свои и чужие ошибки. Несмотря на свои безграничные возможности и на достижение желаемого, герой приходит к выводу, что жить стоит лишь ради мгновений, которые мы переживаем здесь и сейчас, что время — это всего лишь иллюзия, и мы одинаково любим своих близких в идеальной исправленной жизни и в обычной скоротечной. Данный фильм — это философское размышление о времени и его сущности.

Оригинальное название «About Time» отражает идейный замысел, в отличие от переводного русского «Бойфренд из будущего», которое не соответствует ни содержанию фильма, ни его жанровой принадлежности. Использование англицизма *бойфренд*, характерное для речи молодых людей, было бы более уместно в названии комедии, а не фильма-размышления. В испанском переводе используемое устойчивое выражение «Cuestión de tiempo» (букв.: ‘дело времени’), означающее ‘необходимость подождать какое-то время, пока что-либо произойдет, закончится и приведет к какому-либо результату’, содержит ключевое слово, но не вполне соответствует оригинальному замыслу, хотя и открывает возможности интерпретации содержания названия и фильма.

Фильмоним «Самый пьяный округ в мире» является примером нарушения жанрового соответствия фильма и названия. Сочетание гиперболы *самый (...)* в *мире* и стилистически сниженной лексемы *пьяный* создает у потенциального зрителя ожидание комедийного жанра, тогда как жанр фильма-денотата — криминальный боевик. В испанском языке при переводе применена стратегия грамматической адаптации: прилагательное «Lawless» заменяется на конструкцию PrepN: «Sin ley»

(‘без закона’), что не нарушает ни содержательного, ни жанрового соответствия оригиналу.

В примере «Silver Linings Playbook» название фильма представляет собой игру слов, построенную на фразеологизме. Английская поговорка *Every cloud has a silver lining* (букв.: *У каждой тучи есть светлая подкладка*) в словаре английских поговорок и фразеологизмов толкуется так: *You can derive some benefit from every bad thing that happens to you* [3] (букв.: ‘Вы можете получить некоторую выгоду от каждой плохой вещи, которая происходит с Вами’), то есть у каждой плохой ситуации — «тучи» — есть светлая сторона — «подкладка». На основе этой поговорки в английском языке сформировался фразеологизм *silver lining*, имеющий следующее толкование: ‘a hopeful or comforting prospect in the midst of difficulty’ [3] (по-русски букв.: ‘обнадеживающая или утешительная перспектива в какой-либо трудности’), то есть фразеологизм можно перевести как ‘светлая сторона’ чего-либо.

Слово *playbook* имеет два значения: 1) ‘a book containing the scripts of dramatic plays’ (букв.: ‘книга, содержащая сценарии драматических пьес’); 2) *sports*: ‘a notebook containing descriptions and diagrams of the plays of a team, especially a football team’ (*спорт*. ‘записная книжка, содержащая описания и схемы игры команд, в основном, футбольных команд’) [4].

В этом фильмониме используется второе, специальное, значение слова. Английское название «Silver Linings Playbook» очень тонко и точно передает содержание фильма. По сюжету фильма мужчина по выходе из психиатрической лечебницы, в которой он пребывал по судебному предписанию за жестокое избиение любовника жены, пытается вернуться в повседневную жизнь после стольких несправедливостей. Его отец также потерпел жестокий удар судьбы — его уволили с работы, и теперь единственный источник его доходов — это футбольные ставки. Несмотря на все беды, главный герой и его отец вместе пытаются во всем находить хорошие стороны, быть оптимистами, хотя это часто получается с трудом. Таким образом, слово *playbook*, коррелируя с сюжетной линией, в которой отец рассчитывает игры футбольных команд, чтобы правильно сделать ставку, в то же время символизирует схему и расчет самой главной игры — жизни. Фильмоним же указывает на оптимистичную сторону: даже в самых тяжелых обстоятельствах человек может увидеть ‘светлую сторону’.

Переводное испаноязычное название «El lado bueno de las cosas» (букв.: ‘Хорошая сторона вещей’) в целом передает оптимистическую идею оригинального названия, однако не обладает достаточно глубоким символическим значением. Оригинальный фильмоним очень сложно поддается переводу, так как состоит из адъективированного фразеологизма и существительного, которому трудно найти эквивалент, его можно перевести только описательно. Морфологическая система аналитического английского языка практически не ограничивает возможности транспозиции частей речи, таким образом фразеологическое выражение легко стало конверсным прилагательным. В синтетическом испанском языке практически невозможно передать языковую игру оригинального названия. Российским

переводчикам также показалось невозможным передать идейное содержание оригинального названия в лаконичной форме. Поэтому они прибегли к стратегии полной замены названия: «Мой парень — псих»; оно содержит жаргонное слово, обладающее ярко выраженной стилистической окраской. Кроме того, название привлекает потенциального зрителя тем, что передает достаточно распространенную жизненную ситуацию, при учете того, что слово *псих* применяется не только в отношении душевнобольных людей.

Как показывает анализ примеров перевода с полной заменой названия, риски коммуникативной неудачи высоки. Тем не менее, полная замена допустима и даже предпочтительна при переводе названий фильмов «легких» жанров, не затрагивающих философских тем: комедий, некоторых боевиков, мультипликационных фильмов. При переводе фильмов таких жанров более важным критерием становится прагматическая функция названия, его привлекательность с точки зрения рекламы. Рассмотрим два примера удачных перевода с полной заменой в русском и испанском языках.

Таблица 4

Адекватная замена оригинального фильмонима в русском и испанском переводах

Английский оригинал (дословный перевод)	Русский перевод	Испанский перевод
Here comes the boom (А вот и удача)	Толстяк на ринге	Peso pesado (Тяжелый вес)
Looper (Петлитель)	Петля времени	Asesino del Futuro (Убийца будущего)

Первый пример перевода английского названия «Here comes the boom»: слово *boom* имеет следующее определение: ‘a sudden happening that brings good fortune (as a sudden opportunity to make money)’ [5] (русск.: ‘внезапное событие, которое приносит большую удачу (как внезапная возможность выиграть деньги)’). Конструктивно обусловленное выражение *here comes...* на русский язык обычно переводят как ‘А вот и...’; сравните: «Here comes Mr. Jordan» (1941) — «А вот и мистер Джордан»; «Here comes Garfield» (1982) — «А вот и Гарфильд», «Here comes the bride» (2010) — «А вот и невеста»). Следовательно, дословно этот фильмоним можно перевести как «А вот и удача». В российском прокате фильм выходит под названием «Толстяк на ринге», полностью соответствующем жанровой принадлежности фильма — молодежной комедии. В фильмониме отражена забавная ситуация, на которую интересно посмотреть.

Испанское переводное название «Peso pesado» (букв.: ‘тяжелый вес’) построено на языковой игре: с одной стороны, *peso pesado* — это специальный термин, обозначающий ‘una categoría competitiva del boxeo y otros deportes de combate, que agrupa a competidores de peso considerable’ [6]; русск.: ‘соревновательная категория в боксе и других боевых видах спорта, объединяющая тяжеловесных спортсменов’, с другой стороны, *peso pesado* — это разговорное молодежное выражение, характеризующее преуспевшего в чем-либо человека. Герой фильма — человек с лишним весом, которого заставили участвовать в боксерском поединке, но он добивается успеха в области спорта. Название отражает сюжетную линию и идей-

ный замысел автора, а его каламбурный характер привлекает внимание потенциального зрителя. Таким образом, испанское название соответствует как идейно-содержательному, так и функционально-прагматическому критерию адекватности перевода.

Другим примером удачного перевода с полной заменой названия является фильмоним «Looper». В английском языке первое значение слова *loop* — ‘the round shape by a line, string, etc, that curves around to cross itself’ [7] (русск.: ‘круглой формы линия, нить и т.п., которая завивается по кругу, пересекаясь с самой собой’) и переводится на русский язык словом ‘петля’. Слово *loop*, как и его русский аналог, богато метафоричными значениями, мотивированными по сходству формы с первоначальным денотатом.

В произведениях научно-фантастической литературы и кино на тему путешествий во времени слово *loop* приобрело устойчивую сочетаемость *time loop* или *temporal loop* и переводится на русский язык как ‘временная петля’ или ‘петля времени’ (‘a time loop or temporal loop is a common plot device in science fiction where a certain length of time repeats over and over’ [8] (русск.: ‘петля времени или временная петля’ — это ‘распространенный сюжетный ход в научно-фантастических произведениях, в котором определенный отрезок времени повторяется снова и снова’). Следовательно, в сочетании с суффиксом со значением «деятель» под окказиональным новообразованием *looper* можно понимать того, кто совершает «временные петли», или того, что попадает в них. В рассматриваемом фильме слово *looper* обозначает особую профессию, поэтому при переводе текста фильма на русский язык оригинальный неологизм был заимствован в чистом виде и транслитерирован. Заимствование *лупер* не сохранилось в русском названии в силу непрозрачности значения и, вероятно, неблагозвучности. На русский язык фильмоним переведен с заменой на словосочетание «Петля времени», в котором частично сохраняется семантика оригинального названия, но значение расширяется.

В испанском языке название переведено как «Asasino del Futuro» (букв.: «Убийца из будущего»), что обусловлено стремлением переводчиков сохранить в названии соответствие сюжету, подчеркнуть принадлежность к жанру фантастического боевика. Как и в английском языке, фильмоним называет главного героя, но конкретизирует его деятельность: в фильме *лупер* — это человек, возвращающийся в прошлое, чтобы совершить сначала убийство, а потом самоубийство, тем самым оказываясь во временной петле. Испаноязычное название, на наш взгляд, более привлекательно для потенциального зрителя, чем оригинальное и русское переводное, так как в нем содержится интрига.

Перевод названия с полной заменой бывает не всегда удачным. В некоторых случаях в переводном фильмониме утрачивается художественно-эстетическая составляющая, как например, в переводе американского «Mirror mirror» по классическому сюжету сказки братьев Гримм про Белоснежку и семь гномов. В оригинальном названии использован фрагмент прецедентного высказывания: *Mirror, mirror, on the wall, / Who in this land is fairest of all?*

Фраза «mirror, mirror» приобрела яркую эмоциональную окраску и часто используется в названиях других литературных произведений, песен, фильмов. На-

пример, такое же название носит рассказ Хиллари Бэлл, написанный по одноименному телевизионному шоу, несколько сериалов; название «Mirror mirror» носят песни и альбомы музыкальных групп и исполнителей «Blind Guardian», Дайаны Росс, «Diamond Rio», «M2M», «4minute», Def Leppard, «Pinkerton's Assorted Colours», «The Plan», «Dollar», «Karma», «Violent Femmes», «LL Cool J» и др. Произведения, которые носят это название, объединены общей темой: темой самопознания человека, его отношения к самому себе, к своему «отражению», ведь зеркало — это общепризнанный символ отражения действительности, реальности, которую человеку не всегда легко принять.

В русском языке аналогом фразы является строка из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А.С. Пушкина: «Свет мой, зеркальце, скажи (...)», которая могла бы послужить названием для фильма. В российском прокате фильм вышел под названием «Белоснежка: Месть гномов», включающем парцеллированную конструкцию, которая, с одной стороны, указывает на продолжение сюжетной линии известной сказки, а с другой, благодаря включению эмотивно-окрашенного слова *месть*, подчеркивает остросюжетный характер фильма, ср.: «Звездные войны: Месть ситхов»; «Трансформеры: Месть падших» и др. Такое название является иронической пародией на боевики-блокбастеры, построенной на контрасте слова с негативной окраской с именем известного персонажа детских сказок — Белоснежки, который ассоциируется у зрителя только с добротой и невинностью.

На испанский язык этот фильм переведен с использованием прецедентного имени «Blancanieves» («Белоснежка») и сохранением оригинального названия «Mirror, mirror», указанного в скобках. Такой перевод с полной заменой нейтрален, но утрачивает образность и соотнесенность с новой линией сюжета фильма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, при переводе названий фильмов с английского языка на русский и испанский используются разнообразные стратегии: от транслитерации, прямого перевода, грамматической и лексико-грамматической трансформации до полной замены названия. При переводе фильмонима важно сохранить его соотнесенность с сюжетной линией и композиционными особенностями фильма, его идейно-философским содержанием и жанровой принадлежностью. В случае нарушения соответствия указанным критериям переведенное название нельзя считать адекватным. Кроме того, название фильма выполняет аттрактивную функцию, должно быть привлекательным для потенциального зрителя и должно быть ориентировано на целевую аудиторию. Качество перевода названия становится лучше, если переводчик хорошо знаком с лингвокультурными особенностями переводимого текста. При невозможности осуществления удачного прямого (дословного) перевода с сохранением структурно-семантических особенностей названия основой перевода часто становится жанровая принадлежность фильма, определяющая выбор соответствующих стилистических и лексических средств языка.

Большую часть переводов названий американских кинофильмов на русский и испанский языки, включенных в исследуемый материал, можно считать адек-

ватными, так как они соответствуют содержанию, идейному замыслу, жанровой принадлежности фильма. При переводе на русский язык несоответствующими требованиям оказались 22% фильмонима, при переводе на испанский — 15%.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Подымова Ю.Н. (2006) Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах [*Podymova Yu.N. Film names in their structural-and-semantic and functional-and-pragmatic aspects*]: дисс.... канд. филол. наук: Адыгейский гос. университет, Майкоп.
- [2] Little Oxford English Dictionary (2006). UK: Oxford University Press.
- [3] McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs (2002). US: The McGraw-Hill Companies, Inc.
- [4] The American Heritage Dictionary of the English Language (2000; 2009). US: Houghton Mifflin Company.
- [5] Collins Thesaurus of the English Language (2002). 2nd ed.. UK: HarperCollins Publishers.
- [6] https://es.wikipedia.org/wiki/Peso_pesado.
- [7] Collins English Dictionary (2009). 10th ed. UK: William Collins Sons & Co. Ltd.; Harper Collins Publishers.
- [8] https://en.wikipedia.org/wiki/Time_loop.
- [9] Macmillan English dictionary: for advanced learners. (2002). International student ed. Oxford: Macmillan.

TRASLATION STRATEGIES OF MODERN ENGLISH FILMONYMS INTO RUSSIAN AND SPANISH (the example of films released in 2008—2014)

O.I. Aleksandrova, U.A. Nikolayeva

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaia str., 10-2 A, Moscow, Russia, 117198
alexandrova_oi@pfur.ru; ulina.pochta@gmail.com

The article discusses strategies of translating titles of American films into Russian and Spanish considering their semantic and pragmatic aspects. Though different translation strategies might be applied (direct or literally translation, transformation or replacement, etc.), titles translated should comply with the story, idea, philosophy and style of a film so that they be attractive for the target audience. Disregarding one of those conditions may cause infelicity or translation failures. The article studies some examples of successful and unsuccessful translation into Russian and Spanish.

Key words: filmonym, equivalence, direct or literally translation, free translation, transformation, replacement.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОРОНИМОВ ЧИЛИ

Е.С. Бобылева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2А, Москва, Россия, 117198
elena.mslu@gmail.com

Актуальность статьи связана с недостаточной изученностью оронимов республики Чили. Исследование оронимов проводится на стыке наук: истории, географии, лингвистики. Названия элементов горного рельефа несут ценную лингвистическую, географическую, этнографическую, историческую информацию. Статья посвящена структурно-семантическому анализу оронимов Чили. Автор дает классификацию, разбирает семантические особенности оронимов. В исследовании выделены несколько семантических групп: цвет горных пород; высота; размер; характеристика орообъекта; форма; оронимы, названные в честь святых; оронимы, образованные от антропонимов; оронимы, данные в честь какого-либо события; оронимы, отражающие флору и фауну региона; оронимы, указывающие на слагающие породы, почвы, минералы; оронимы, отражающие местоположение орообъекта. Названия многих оронимов имеет индейское происхождение. Отдельная группа орообъектов эксплицируют отсутствие названия, что им и является.

Ключевые слова: топонимия, оронимия, классификация, семантика.

Чили — уникальная страна по разнообразию и красоте природы. Одна легенда гласит: «Когда-то бог создавал чудеса на планете. Закончив, он обнаружил, что у него остались небольшие разрозненные кусочки от каждого из чудес. Были здесь стремительные реки, огромные ледники, долины и взмывающиеся в небеса горы, покрытые снежными шапками вулканы, искрящиеся озера, красивые леса и пустыни, ледяные фьорды и песчаные пляжи. Он не захотел напрасно выбрасывать их и поместил в самую отдаленную часть мира, и именно так родилась удивительная страна — Чили» [4. С. 151].

Чили простирается между Тихим океаном и горными хребтами Анд на юго-западном побережье Южной Америки. Почти 80% чилийской территории занимают горы. Условно страну делят на 3 зоны — это низкие горы на западе побережья, Анды на востоке и зона плато, которая расположена между хребтами и включает в себя центральную долину.

Система латиноамериканских топонимов сформировалась под влиянием объективных факторов географической среды, социокультурного развития латиноамериканских народов, контактов между языками и культурами [3. С. 13]. Как и все остальные топонимы, оронимы (от греч. *oros* — гора) мало изучены, поэтому они оказываются сложными для перевода и установления этимологии. Сбор и исследование оронимов (собственных имен любого элемента рельефа земной поверхности, в том числе горы, холма, хребта, ущелья, провала, низины [1. С. 175]) дают новые возможности для изучения истории страны, анализа отдельных лингвистических и экстралингвистических явлений в языке. В данной работе предпринимается попытка структурно-семантической интерпретации оронимов Чили и разработка их классификации.

Названия вершин можно условно разделить на несколько основных групп, в каждой из которых присутствует общий объединяющий признак.

Это может быть цвет горных пород, слагающих вершину. Например, вершина *Cerro morado* («morado» исп. фиолетовый, темно-лиловый), *Volcán Azul* («azul» исп. голубой), гора *Cerro Amarillo* («amarillo» исп. желтый), вулкан *Volcán Colorado* и вершина *Cerro La Colorada* («colorado» исп. алый) [7. С. 429], *Nevado de Sollipulli* (на языке мапундунгун «красноватая гора»), *Volcán Calbuco* (на языке мапуче «голубые воды»), вершина *Cerro Pintor* («pintor» исп. живописец, художник) — из-за богатой палитры южного склона горы. По своей структуре можно встретить простые, состоящие из одного компонента, и составные оронимы. Примером простого оронима может быть вершина *Cerro Bello* (исп. «красивый»). Составные могут быть образованы по модели название предмета + прилагательное: *Cerro Pico Negro* («pico» исп. клюв, «negro» исп. черный), *Cerro punta negra* (исп. «черный пик»), *Cerro Gorra Blanca* (исп. «белая шапка»), *Cerro Cuerno Blanco* (исп. «белый рог»).

Ряд оронимов состоит из прилагательных, описывающих объект [1. С. 58]. Например, вулкан *Volcán Mocho*, что в переводе с испанского означает «приплюснутый»; вершина *Cerro puntiagudo* и одноименный вулкан *Volcán Puntiagudo*, что в переводе с испанского означает «остроконечный»; вершина *Cerro Macizo* (исп. «массивный», «основательный»); *Cerro Peladeros* (исп. «шелушащийся») назван в летнее время когда почти нет растительности; гора *Cerro Tronador* (исп. «громящий») — если встать и прислушаться, то периодически слышен довольно громкий звук, напоминающий раскаты грома. Это громят камнепады в высокогорье.

Языковой материал позволяет выделить ряд оронимов, где прилагательное идентифицирует один ороним из пары по размеру, высоте и т.п. Например, вершина *Cerro Mesón* и двухкомпонентный ороним *Cerro Mesón Alto* («alto» исп. высокий). Противопоставление по размеру: *Volcán Descabezado Grande* (исп. «большой обезглавленный вулкан») и *Volcán Descabezado Chico* (исп. «маленький обезглавленный вулкан»). Вершину *Cerro Altar Falso* (исп. «ложный, неправильный») часто путают с *Cerro Altar*, расположенной рядом.

В отдельную группу можно выделить оронимы, отражающие форму объекта. Например, *Cerro Cortaderas* (исп. «зубило») — из-за крутых обрывистых склонов, гора *Cerro Marmolejo* — сравнение с небольшой мраморной колонной, одноименный ледник получил прозвище “*Muy muy lejos*” (исп. «очень-очень далеко»). Другим примером может быть вершина *Cerro Diente del Diablo* — (исп. «зуб дьявола») из-за остроконечной формы; *Cerro Muela del Diablo* (исп. «коренной зуб дьявола»); *El Cerro Moai* по форме вершина напоминает каменную монолитную статую на о. Пасхи; *Cerro Torre Norte del Paine* — сравнение с башней (исп. башня, «raïne» — индейское название синевы, отзвучие яркого небесного цвета многочисленных местных озер); *Cerro La Campana* сравнение с колоколом; гора *Cerro Trono* похожа на трон; вершина *Cerro Bastión* сравнивается с бастионом; *Cerro Castillo* сравнение с замком; *Volcán Palomo* ледники по форме напоминают крылья голубя; вершина *Cerro Corona* имеет форму короны, венца; *Cerro Dedos* — несколько рядом расположенных возвышенностей напоминают пальцы; гора *Cerro*

Pirámide сравнивается с пирамидой; вершина *Cerro Aleta de Tiburón* похожа на плавник акулы.

Отдельный класс представляют оронимы, названные в честь святых: *Volcán San Pedro*, *Volcán San José*, *Monte San Lorenzo*, *Cerro San Francisco*, *Volcán San Pablo*, *Cerro San Gabriel*, *Cerro Santa Elena*, *Cerro San Pablo*, *Cerro San Simón*, *Cerro San Sebastián*.

Также выделяется совокупность оронимов, образованных от антропонимов.

Например, альпинист Carlos Sepúlveda назвал вершину *Cerro Sandra* в честь своей дочери. *Monte Fitz Roy* — в честь капитана Роберта Фиц Роя — командира экспедиции корабля «Бигль». *Cerro Dr. Hernán Cruz* — в честь известного медика, альпиниста. *Cerro Freile* — в честь чилийского альпиниста Руперто Фрейле. *Cerro Punta Rodríguez* названа в честь альпиниста Педро Родригеса. *Monte Tarn* — в честь английского хирурга Джона Тарна, который первым взобрался на вершину в 1827 г. *Cerro Klatt* — в честь картографа Walter Klatt, который одним из первых опубликовал карту чилийских Анд. *Cerro Marisemberg* — один из первых альпинистов, взобравшихся на вершину, назвал ее в честь своей девушки Mary Roseberg. *Cerro Punta Yamakawa* — в честь японского художника Yuichiro Yamakawa. *Cerro Bismark* — впервые на этот пик вошли чилийские немцы, и на правах первопроходцев именовали его в честь своего высокопоставленного земляка, который оказывал весомую материальную помощь немецким переселенцам в Южной Америке [9. С. 35].

К отдельной группе можно также отнести оронимы, данные в честь какого-либо события. Например, *Cerro Sesquicentenario* — в честь 150-летия со дня основания независимой республики Чили [3. С. 13]. Также *Cerro Punta Universitaria* — в честь Чилийского университета.

Выделяется целый ряд оронимов, отражающих флору региона. Например, *Nevado Juncal* (исп. «место, где растет тростник»); вершина *Cerro El Roble* — (исп. «дубовые леса»); *Cerro Torre de Flores* (исп. «цветочная башня») — из-за большого количества цветов [6. С. 17], которые здесь можно найти весной; гора *Cerro Chacaya* (на языке мапундунгун «куст из семейства Крушиновых») [9. С. 13].

Еще один класс оронимов отражает фауну. *Volcán Puyehue* — на языке мапуче «место, где распространены галаксии (род лучеперых рыб)»; *Volcán Tolhuaca* — на языке мапуче «голова коровы»; *Cerro Ciervo* напоминает силуэт оленя; вершина *Cerro Caracoles* названа по месту обитания улиток; *Cerro Vicuñas* — в этой местности распространены викуньи (вид ламы), *Cerro Alto de las Vizcachas* — здесь распространены горные вискачи (род грызунов); *Cerro Orolonco* на языке мапуче «голова ястреба».

Выделяются оронимы, указывающее на слагающие породы, почвы, минералы, встречающиеся на орообъектах. Например, высочайший вулкан на Земле *Nevado Ojos del Salado* (в переводе с испанского «соленые глаза» или «соленые источники») [12. С. 29]. На песчаных склонах вулкана были обнаружены такие полезные ископаемые, как йод, медь, поваренная соль, селитра. Предполагается, что название вулкана потому и получило такое название. *Cerro Las Lajas* — здесь раньше добывали камень-плитняк («laja»). *Cerro Rahue* на языке мапундунгун — место, богатое голубой глиной. *Cerro El Yeso* — из-за запасов гипса.

Нередко оронимы отражают местоположение орообъекта. Например, *Cerro Unión* (исп. «соединение, слияние») — отсюда открывается вид на прекрасный пейзаж Анд. *Cerro Mirador del Morado* — с вершины El Mirador del Morado можно хорошо разглядеть пик el Morrado. По аналогичной модели образован ороним *Cerro Mirador del Manantiales*, а с горы *Cerro Mirador del Extravío* открывается потрясающий вид на долину el Extravío. Вершина *Cerro Amarillo de Río Blanco* расположена в долине реки. *Cerro del Medio* (исп. «по середине») окружена другими вершинами как следует из названия.

Названия горных вершин относятся к числу древнейших, поэтому многие оронимы имеют индейское происхождение [1. С. 49]. Например, *Cerro Manquehue* на языке мапундунгун «место, где обитают кондоры». *Volcán Guallatiri* — на языке аймара «место, где обитают андские гуси». *Volcán Parinacota* — на языке аймара «место, где обитают фламинго». *Volcán Pomerape* на языке аймара — «вершина пумы». *Volcán Choshuenco* на языке мапундунгун — «желтые воды». *Volcán Lanín* на языке мапуче означает «мертвая гора» — по легенде на вершине обитали злые духи, которые забирали жизнь у всех, кто отваживался ее покорить. *Volcán Antuco* на языке мапуче — «солнечная вода»; *Volcán Tupungato* на одном из древнеиндейских языков означает «наблюдатель за звездами». *Volcán Lhullaillaco* на языке аймара означает «горячая вода»; *Volcán Villarrica* на языке мапундунгун — «жилище предков»; *Cerro Sillajhuay* на языке аймара — «кресло дьявола» [4. С. 256]; *Volcán Licancabur* на языке атакаменьо означает «верхняя деревня»; *Volcán Lonquimay* на языке мапундунгун означает «большое ущелье»; *Cerro Kiñewen* на языке мапундунгун означает «группа, объединенная одной целью». Также есть оронимы, где один из элементов пришел из индейских языков, а другой из испанского. Например, *Volcán Batea Mahuida* («batea» с исп. переводится как «корыто», «mahuida» на языке мапундунгун означает «гора») [11. С. 43].

Некоторые оронимы на протяжении своей истории претерпевали изменения. Например, *Volcán Casablanca* раньше носил имя *Antillanca* (с языка мапундунгун переводится как «камешки, содержащие медь») [6. С. 60]. Первоначальное название вулкана *Osorno* — Перипиллан. Согласно мифологии индейцев мапуче, древний и могущественный дух, которого звали Перипиллан, был злым божеством. Его изгнали и бросили на землю, и в этом месте образовался вулкан. Современное название Осорно вулкан получил испанцев — он был хорошо виден из одноименного города. И теперь дух Перипиллана является узником вулкана Осорно, одного из символов Чили [10. С. 62].

Целый ряд орообъектов эксплицитно остается без названия. Например, *Cerro Punta Sin Nombre* (исп. «гора пик без названия»), *Pico 1920* (1920 соответствует высоте вершины), *Nevado Sin Nombre* (исп. «вершина без названия»). Но эти формулировки и являются названием орообъектов.

Таким образом, проведенный структурно-семантический анализ оронимов позволил выявить, как чилийцы воспринимают и оценивают окружающую действительность. Нужно отметить, что проследить этимологию многих оронимов почти невозможно или встречается несколько их трактовок, противоречащих друг другу. Это может быть связано с незнанием картографами языка или диалекта, искажением первоначального названия, невнимательности.

В исследовании выделены несколько семантических групп: цвет горных пород; высота; размер; характеристика орообъекта; форма; оронимы, названные в честь святых; оронимы, образованные от антропонимов; оронимы, данные в честь какого-либо события; оронимы, отражающие флору и фауну региона; оронимы, указывающие на слагающие породы, почвы, минералы; оронимы, отражающие местоположение орообъекта. Как видно из анализа, оронимы отражают материальную и духовную культуру населения Чили, содержат важную информацию о социальной, практической деятельности чилийцев на разных этапах истории населения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Суперанская А.В.* (1985). Что такое топонимика? [What is toponymy?]. Москва. С. 3—52.
- [2] *Armengol Valenzuela P.* (1918). Glosario etimológico de Nombres de Hombre, Animales, Plantas, Ríos y Lugares, y de Vocablos incorporados en el Lenguaje Vulgar, aborígenes de Chile, y de algún otro país americano. Vol. I y II. Santiago: Imprenta Universitaria.
- [3] *Chesnokova O.S.* (2011). Toponimia latinoamericana: un enfoque semiótico. Forma y Función vol. 24, n. o 2 julio-diciembre del 2011. Bogotá, Colombia, issn 0120—338x. P. 11—24.
- [4] *Dean Amory* (2013). Las principales leyendas, mitos, historias y cuentos de Chile. Bélgica.
- [5] *Echevarría Evelio* (1953). *Temporada de Andinismo en Chile*. Revista Andina N°79, Club Andino de Chile.
- [6] *Fernandez Fraile Maximino* (1972). Nombres indígenas de montañas chilenas, Club Nays.
- [7] *González Ferrán Oscar* (1995). *Volcanes de Chile*. Instituto Geográfico Militar. P. 429—432.
- [8] *Lliboutry L.* (1956). Nieves y glaciares de Chile. Ediciones Universidad de Chile.
- [9] *Neate Jill* (1994). Mountaineering in the Andes / Royal Geographical Society. P. 27—35.
- [10] *San Román Gastón* (1989). *Historia del Montañismo en Chile*. Autoedición.
- [11] *Temporada de Andinismo en Chile* (1951). Revista Andina N°75, Club Andino de Chile.
- [12] *Vigouroux Iván* (1988). Guía Informativa de Montañas. Zona Central y Sur de la Cordillera de Los Andes. Federación de Andinismo de Chile.

STRUCTURAL-AND-SEMANTIC ANALYSIS OF ORONYMS OF CHILE

E.S. Boblyyova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2A, Moscow, Russia, 117198
elena.mslu@gmail.com

Timeliness of the article refers to the lack of scientific studies of oronyms of Chile. The investigation of oronyms is conducted at the intersection of disciplines: history, geography, linguistics. The names of mountains provide useful linguistic, geographical, ethnic, historic information. The article provides structural-semantic analysis of oronyms of Chile. The author gives the classification of oronyms, their semantic peculiarities. They can be divided into several semantic groups: the colour of rocks; height; size; characteristics; form; oronyms named after saints; oronyms derived from *anthroponyms*; commemorative oronyms; oronyms that represent flora and fauna of the area; oronyms that indicate rocks, soils, minerals; the locations of oronyms. A whole range of oronyms has Indian backgrounds. Some mountains reveal the absence of hill names.

Key words: toponymy, oronymy, classification, semantics.

СОЦИАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (на материале романа Д. Митчелла «Луг черного лебедя»)

Т.А. Фоменко

Московский государственный социально-гуманитарный университет
ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Московская область, 140411
tatfomenko@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы перевода подросткового сленга, который является социальным маркером, с одной стороны, и стилистически маркированными единицами, с другой стороны. При анализе литературно-художественного произведения мы наблюдаем постоянное языковое варьирование, но если речь идет о переводе, то возникает проблема, насколько узнаваемым должно остаться литературно-художественное произведение при его переводе на другой язык, насколько может измениться инвариант-первоисточник (оригинал текста) и инвариант-конструкт (перевод, созданный специалистом-филологом), насколько возможно проявление индивидуальности переводчика, проблема воссоздания в переводе коммуникативного эффекта оригинала. Речевоздействующий эффект сниженной и сленговой лексики либо усиливается, либо нейтрализуется, это обусловлено особенностями интерпретации лица, создающего переводной текст.

Ключевые слова: языковая личность, речевое поведение, сленг, социальный маркер, эквивалент, аналог.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы взаимодействия языка и общества уже давно находятся в центре внимания языкознания. Еще в 1929 г. Е.Д. Поливанов писал: «Для того, чтобы языкознание было адекватно своему объекту изучения, оно должно быть наукой социологической» [6. С. 178]. Социолингвистические исследования проходят по двум направлениям: изучается влияние социальной структуры общества на язык и язык как фактор влияния на общество. Социальная вариативность языковых средств проявляется в двух основных формах: стратификационной и ситуативной. Стратификационная вариативность связана с социальной структурой общества, ситуативная вариативность определяется варьированием языковых средств в зависимости от типа ситуации.

ПРИЧИНЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ»

Демократизация современного общества приводит к изменениям в речевом поведении людей, что проявляется в явном отклонении от речевой нормы и речевого этикета. Каждый этап демократизации языка характеризует специфическое количественно-качественное соотношение языковых источников. Многие лингвисты отмечают, что на рубеже XX—XXI вв. происходит иерархическое перераспределение языковых источников демократизации, ими становятся жаргонизмы, сленгизмы, арготизмы, одним словом сниженная лексика.

Интерес исследователей к разным видам сниженной лексики существовал всегда, что вполне объяснимо, так как сниженная лексика привлекает метафоричностью, выразительностью и «нетрадиционностью» номинации. «Сниженной лексикой» большинство исследователей (В.В. Сдобников, О.А. Лаптева, В.Д. Девкин) называют лексику, не входящую в состав литературной, кодифицированной, обладающую особой стилистической окраской и экспрессивностью, употребляющуюся преимущественно в разговорной речи.

Использование ненормативной лексики человеком обусловлено теми или иными причинами. К ним могут относиться эмоциональное состояние (злость, зависть, неприятие), социальный статус, желание выделиться (например, общение подростков), а для некоторых людей бранные слова являются неотъемлемой частью лексикона. Так, говоря о функциях ненормативной лексики в речи, можно сослаться на работу В.И. Жельвиса «Поле брани. Сквернословие как социальная проблема», в которой он рассматривает инвективную лексику и выделяет 27 функций ее использования. Среди них такие: средство понижения социального статуса адресата; средство установления контакта между равными людьми; средство дружеского подтрунивания или подбадривания; «дуэльное» средство; выражение отношения двух к третьему как «козлу отпущения»; нарративная группа — привлечение внимания; патологическое сквернословие; как средство вербальной агрессии и т.д. [4. С. 110].

Действие романа Д. Митчелла «Луг Черного Лебедя» [9] происходит в небольшом сельском городке Black Swan Green (Луг Черного Лебедя) графства Вустершир, где живет Джейсон. Подросток описывает жизнь своих сверстников, проживающих в муниципальных домах, построенных в 30-х или 50-х гг. специально для бедной части населения, их взаимоотношения, отличающиеся жестокостью, цинизмом, и язык, на котором они общаются вне школы либо когда их не слышат взрослые.

Общеизвестно, что языковые средства, использованные языковой личностью, определяются как ее принадлежностью к определенной социальной группе, так и ситуацией, в которой проходит коммуникация. При анализе художественного произведения наблюдается постоянное языковое варьирование, но когда речь идет о переводе, то возникает проблема: насколько узнаваемым должно остаться художественное произведение при его переводе на другой язык, на сколько возможно проявление индивидуальности переводчика. Мы разделяем точку зрения В.В. Сдобникова и О.В. Петровой на то, что можно и нужно говорить не об адекватности языковой формы перевода форме оригинала, а о ее адекватности содержанию [7. С. 378].

Язык художественной литературы экспрессивен и эмоционален, индивидуализирован. Произведение английского писателя Д. Митчелла «Луг Черного Лебедя» изобилует сниженной, часто табуированной лексикой, отражает современный языковой портрет подростков, в котором быстро находят отражения и фиксируются многочисленные изменения языковой действительности, все те процессы, которые оказываются характерными для современного речеупотребления.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ

Для перевода сниженной лексики особую проблему представляет перевод, при котором учитываются все особенности единиц сниженной лексики оригинала: их денотативная и коннотативная семантика, функции в тексте, структурные особенности; и подбираются эквивалентные и адекватные единицы языка перевода. В отношении перевода единиц сниженной лексики и сленга выполнение переводческих задач представляется особенно сложным, так как вопрос о том, что именно составляет специфику сленга, до сих пор остается дискуссионным. Мы разделяем точку зрения В.А. Хомякова по поводу сленга: это «особый периферийный лексический пласт, лежащий как вне пределов литературной разговорной речи, так и вне границ диалектов общенационального английского языка, включающий в себя, с одной стороны, слой специфической лексики и фразеологии профессиональных говоров, социальных жаргонов и аргос преступного мира, и, с другой, слой широко распространенной и общепонятной эмоционально-экспрессивной лексики и фразеологии нелитературной речи, имеющий ярко выраженный эмоционально-экспрессивный оценочный характер, представляющий часто протест-насмешку против социальных, этических, эстетических, языковых и других условностей и авторитетов» [8. С. 102].

Как показывает анализ текста Д. Митчелла «Луг Черного Лебедя», при переводе единиц сленга на русский язык обязательно выполняется только одна задача — нахождение эквивалента денотативного значения единицы сленга. Эквивалентная по своему значению единице английской сниженной лексики единица русского языка может характеризоваться и тождественной социальной оценкой, но при этом отличаться по способу образования. Одной из центральных проблем современной лингвистической теории перевода является проблема воссоздания в переводе коммуникативного эффекта оригинала. В рамках этой проблемы значительный интерес представляет вопрос о переводе стилистически маркированных единиц. Признавая за сниженной лексикой право на существование в качестве социального маркера, следует определить, как влияет ее сохранение на достижение адекватности перевода в целом, поскольку стремлением переводчика является максимальное сохранение стилистических особенностей оригинала в переводе.

В связи с тем, что в настоящее время нет художественного перевода романа Д. Митчелла «Луг Черного Лебедя», предлагаются перевод автора статьи, далее рассматриваются трансформации с объяснениями причин использования того или иного переводческого приема.

Обратимся к примеру с использованием контекстуальной замены, которая определяется переводоведами как «замена словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним» [5. С. 410]:

...they'd gouge me to death behind the tennis courts with blunt woodwork tools and spray the Sex Pistols logo on my gravestone [9. С. 4].

...они бы за теннисным кортом забили бы меня до смерти молотками из школьной мастерской, а потом нарисовали бы граффити «Секс-Пистолз» на моем могильном камне¹.

¹ Здесь и далее перевод наш. — Т.Ф.

Слово *gouge* имеет множество значений, таких как: ‘выдавить, выдавливать, выдалбливание, выдалбливать, выдолбить, выдолбленное отверстие, делать выемку, долото, запрашивать чересчур высокую цену’. Из этих словарных вариантов идеально к контексту не подходит ни один, но проведя семный анализ, мы можем ввести контекстуальное значение слова ‘забить’ – *to gouge smb to death* ‘забить до смерти’.

При переводе романа мы использовали и такой прием, как подбор аналога, с учетом того, что в настоящее время *fuck* и все производные от него утратили яркую эмоционально-экспрессивную окраску. Анализ современных словарей сленга показывает, что настоящее время такое стилистически нейтральное слово, как *sugar*, стало употребляться в сленге с тем пейоративным значением, которое ранее включалось в *fucking*.

‘Fuck off.’ Wilcox struck a match and his face hovered there for one flickery second [9. С. 123].

«Иди ты...». Уилкоккс зажег спичку, и его лицо осветилось на секунду.

В некоторых случаях при переводе использовался прием подбора функционального аналога. В следующем примере глагол *yell* ‘пронзительно кричать’ мы нейтрализовали, употребив *кричали друг на друга*. Но качество действия перенесено на определение *визгливая*, при этом мы считаем, что денотативное и коннотативное значение глагола *yell*, который сам по себе не является сленговым, перенесено на определение инвективного слова *Bitch*. Учитывая словообразовательные особенности русского языка, в данном случае использован уменьшительный суффикс *-чик*, все-таки ругались девочки, а также принимая во внимание возраст предполагаемого читателя, видится логичным не передавать площадную брань, сравните:

...That said, just before we broke up for Christmas, Dawn Madden and Andrea Bozard started yelling ‘Bitch!’ and ‘Slag!’ in the bus queues after school [9. С. 93].

...говорят, перед тем как мы разъехались на Рождество, Дафна Мадден и Андрэ Бозард стали кричать друг на друга «Сучка визгливая!» и «Тварь!» прямо в очереди к школьному автобусу...

Аналогичный прием подбора функционального аналога использован в следующем примере, поскольку точного перевода словосочетания *Knickerless Bra* не было найдено нами ни в одном словаре современного английского сленга:

Below us are kids with piss-take nicknames like Moran Moron or Nicholas Briar who’s Knickerless Bra [9. С. 4].

А в самом низу — мальчишки с насмешливыми прозвищами вроде Моран «Болван», или Николас Брит — «Задрот».

В следующих примерах можно говорить о модуляции или смысловом развитии — замене слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Вульгарное сленговое *turd* ‘дерьмо, г.... но’, предлагается заменить на *недик*, анализируя предыдущие эпи-

зоды речи подростков, пришли к выводу, что в этом возрасте именно подозрение в этом пороке воспринимается как самое уничтожающее ругательство:

Better order an ambulance, Turd Burglar [9. С. 4].

Советую тебе сразу вызвать скорую, Педик-Придурок.

But if I ever admitted that out loud I'd get BUMHOLE PLUMBER scrawled on my locker [9. С. 4].

Но если я когда-нибудь скажу это вслух, на моем шкафчике нацарапают надпись «ГОМОСЕК».

Прием экспликации при переводе сниженных лексических единиц, т.е. описательный перевод, при котором лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на ПЯ, использован в следующем предложении, например:

His real name's Dean Moran but our PE teacher Mr Carver started calling him 'Moron' in our first week and it's stuck [9. С. 6].

Его настоящее имя Дин Моран, но учитель физкультуры мистер Карвер в первую неделю нашей учебы назвал его «Морон» (на английском *moron* значит 'болван'), и кличка прилипла.

Казусный момент с оговоркой учителя заключается в том, что, изменяя одну букву фамилии, получается английское слово, относящееся к разговорной лексике: *moron* — 'болван', поэтому в перевод включается пояснение, прагматическая адаптация, позволяющая понять комичность ситуации для учащихся и глубину трагизма для Дина, который получил прозвище на всю жизнь.

При переводе текстов с большим количеством инвектив эвфемистический перевод позволяет избежать использование слов с пометой *груб.*, заменяя на нейтральную лексику, либо эмоционально-экспрессивную лексику, утратившую пейоративное значение:

"Last one to the lake's a spaz!" yelled Moron, haring off before I was ready [9. С. 5].

Кто последний, тот дурак! — крикнул Морон и бросился бежать, пока я сообразил, что к чему.

Английское существительное *spaz*, *груб.* переводится как 'урод', 'дебил'. В русской разговорной речи подростков существует достаточно экспрессивное и часто употребляемое выражение: «Кто последний, тот дурак!»; оно позволяет сохранить коммуникативную целостность и эмоциональную специфику оригинала.

Кроме этого, в работе использовался прием дисфемистического перевода:

If I called Gilbert Swinyard, just 'Swinyard' he'd kick my face in [9. С. 12].

Если я назову Гилберта Свинярда просто «Свинярд», он даст мне в морду.

Нейтральное выражение *kick my face in* 'ударить по лицу' становится более экспрессивным и эмоциональным, соответствующим подростковой лексике, если заменить его на грубое 'дать в морду'.

В отдельных случаях уместным для сохранения социальной маркированности и экспрессии оригинала становится переводческий прием замены части речи:

I crossed the village green thinking the worst of this turd of a day was over [9. С. 19].

Я шел по зеленому полю, чувствуя облегчение от того, что самый дерьмовый день в моей жизни наконец-то подошел к концу.

Существительное *turd* в выражении *turd of a day* в переводе становится прилагательным 'дерьмовый день'.

В некоторых случаях, принимая во внимание возраст реципиента, учитывая коммуникативную направленность текста, культурологические особенности двух языков, использовались несколько трансформаций в одном предложении: опущение, смысловое развитие, внутренняя компрессия, например:

"What d'you reckon?" I says, "You're gonna fuckin' regret that, Piss Flaps." [9. С. 21].

«Ты че — охренел? Ну все, хана тебе».

Опущение такой конструкции, как *You're gonna fuckin' regret that*, объясняется тем, что следующее словосочетание *Piss Flaps* относится к табуированной лексике¹.

В русском языке есть ругательное слово, связанное с женским половым органом, но с учетом культурологических особенностей и возрастной категории говорящих в переводе мы используем выражение с более смягченной агрессивностью, применяем смысловое развитие: *Хана тебе*. *Хана* на сленге подростков означает 'я устрою тебе что-либо плохое, нанесу вред', т.е. однозначно предвещает что-то плохое, какое-то возмездие, месть. Такой же смысл заключен и в опущенной нами части *You're gonna fuckin' regret that*. Тем самым сжатие (внутренняя компрессия) данного предложения позволила заключить в одном выражении смысл двух словосочетаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно, что переводческие приемы направлены на достижение максимального уровня эквивалентности и адекватности с учетом стилистики текста, функций сниженной лексики. Языковая и культурная картины мира народа и автора заложены в каждом тексте, они создают культурную атмосферу или единый лингвокультурный фон. В зависимости от совпадения или несовпадения языковой и культурной картины мира автора, переводчика и читателя этот фон может либо раскрываться, либо оставаться нераскрытым. В случае его правильного осмысления и интерпретации посредником между писателем и читателем, т.е. переводчиком, достигается адекватное истолкование заложенной в тексте информации. В случае же больших расхождений в лингво-культурных картинах мира автора, переводчика и читателя или неосведомленности читателя об особенностях восприятия и язы-

¹ *Piss flaps* — это женский половой орган, вагина.

См.: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=slag>.

кового выражения автором окружающей его реальности читатель не способен извлечь всю ту информацию, которая содержится в тексте. В таких случаях мы говорим о коммуникативной неудаче. В текстах художественной литературы, где сниженная лексика используется для создания портрета героя, ее необходимо сохранить при переводе как показатель социальной вариативности. Переводя с одного языка на другой, мы используем как свои языковые знания и способности, так и самые разнообразные экстралингвистические знания, причем этапы понимания и синтеза текста принципиально отличаются. Речевоздействующий эффект сниженной и сленговой лексики либо усиливается, либо нейтрализуется, это обусловлено особенностями интерпретации лица, создающего переводной текст. При переводе инвективной лексики переводчик выступает в роли цензора, отбирая из синонимичного ряда предполагаемых вариантов не только единицы, адекватные или аналогичные сленгу, но и возраст реципиента, и стилистическую функцию этой лексики в каждом конкретном эпизоде.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бархударов Л.С. (1975). Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода [Barkhudarov L.S. Language and translation: general and specific theory of translation]. Москва: МГПИИЯ.
- [2] Гальперин И.Р. (2008). Очерки по стилистике английского языка [Galperin I.R. Essays on English language stylistics]. Изд-во литературы на иностранных языках. Москва.
- [3] Девкин В.Д. (2004). Специфика словаря разговорной лексики [Devkin V.D. Specifics of the dictionary of colloquialisms] // Немецко-русский словарь разговорной лексики. Москва: Русский язык.
- [4] Жельвис В.И. (1990), «Поле брани» [Zhelvis V.I. "Battlefield"]. Москва: Ладомир.
- [5] Комиссаров В.Н. (2004). Современное переводоведение. Учебное пособие [Komissarov V.N. Modern science of translation. Textbook]. Москва: ЭТС.
- [6] Поливанов Е.Д. (1968). Круг очередных проблем современной лингвистики [Polivanov E.D. A block of current issues in modern linguistics] // Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. Москва. С. 178—186.
- [7] Сдобников В.В. (2007). Теория перевода: Учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков [Sdobnikov V.V. Theory of translation: Textbook]. Москва: АСТ: Восток—Запад.
- [8] Хомяков В.А. (1977). Структурно-семантические и социально стилистические особенности английского экспрессивного просторечия [Khomyakov V.A. Structural-and-semantic and stylistic peculiarities of English expressive vernacular]. Вологда.
- [9] Mitchell D. (2006). Black Swan Green. Sceptre. URL: <http://www.teenslang.ru> (15.03.2015).

**THE TRANSLATION OF SOCIALLY VARIABLE LEXIS
(on the basis of the novel 'Black swan green'
by D. Mitchell)**

T.A. Fomenko

Moscow State University of Humanities and Social Studies
Zelyonaya str., 30, Kolomna, the Moscow Region, 140410
tatfomenko@yandex.ru

The paper covers the problems of translation, which we face as soon as we meet slang words used by teenagers in the fiction. On the one hand, slang words are socially marked, i.e. they are vulgar, rude, obscene — social markers, on the other hand, they are stylistic units. In the process of text analysis we observe the constant language variability. While translating a piece of fiction we should either neutralize, omit this lexical unit or find a word equal in its pragmatic and connotative meaning, we should judge to what degree we can change the original text (the source invariant) creating a construct invariant done by a professional translator. The issue is if the translators can interfere with the original text, changing it due to their own outlook, background, upbringing, that doesn't allow them to use impolite, rude lexis, but in such a case we can lose the communicative effect of the novel. We declare that the communicative effect is either strengthened or neutralized. It depends on the personality of the translator. Thus, the translated text is a new one, the usage of words depends on the social status of the translator.

Key words: language personality, language behavior, slang, social marker, equivalent, analogue.

АФРИКАНИСТИКА: ЯЗЫК СУАХИЛИ

УДК 811.432.8/.9'342.9

ИНТОНАЦИЯ ПРЕДИКАЦИИ И НОМИНАЦИИ В ЯЗЫКЕ СУАХИЛИ

С.С. Хромов

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Стрелянный пер., 36, Москва, Россия, 117997
chelovek653@mail.ru

Статья продолжает серию публикаций, посвященных описанию интонации предикации и номинации в различных языках мира. Впервые системно и целенаправленно описывается интонация предикации и номинации в одном из типичных агглютинативных языков — суахили — на основе проведения экспериментально-фонетического анализа в лаборатории экспериментальной фонетики в РУДН и в Институте стран Азии и Африки при МГУ. В результате делается вывод о том, что в суахили ведущий мелодический параметр — направление движения частоты основного тона — используется в качестве дифференциального признака при противопоставлении интонации предикации и номинации: предикативная синтагма характеризуется восходяще-нисходящим, а номинативная — ровным нисходящим движением частоты основного тона. Длительность и интенсивность играют подчиненную по отношению к мелодике роль в дифференциации предикации и номинации.

Ключевые слова: интонация, предикативная синтагма, номинативная синтагма, язык суахили, агглютинативные языки.

ВВЕДЕНИЕ

Интонация предикации и номинации представляет собой одну из базовых интонационных оппозиций в различных языках мира.

Вслед Ю.С. Степановым под предикацией мы понимаем «утверждение вневременной связи признаков», «установление связи знаков в процессе их производства и говорения» [6. С. 353, 349], «абстракцию связей между предметами, а также между признаками и действиями» [7. С. 131].

Акт предикации тесно связан с категорией актуального членения [4. С. 37]. Профессор О.А. Крылова, пожалуй, впервые выдвинула стройную концепцию потенциальности предикативного значения, которым обладает предикативная основа на конструктивном уровне: оно может реализоваться/нейтрализоваться в высказы-

вании, реализующем определенную коммуникативную стратегию, а значит, имеет определенное актуальное членение, отражающее эту коммуникативную стратегию.

Таким образом, актуальное членение неразрывно связано с актом предикации: «...в момент речи происходит соотнесение не подлежащего и сказуемого, не компонентов структурной основы (это лишь частный случай акта предикации, при котором подлежащее совпадает с темой, а сказуемое — с ремой), а активное соотнесение темы с ремой, за которым и стоит то, что В.В. Виноградов называл отнесением содержания предложения к действительности» [4. С. 40]).

Предикация как одна из базисных функций языка имеет прямое отношение к интонации. Именно предикация выражается в речи, прежде всего благодаря синтаксическим и интонационным средствам: «Фразовая мелодия, ударение, темп речи и паузация — каждые по-своему реагируют в самых разнообразных комбинациях на задачи оформления высказывания и дифференциации различных смысловых оттенков. Это существенным образом отличает интонацию от системы сегментной фонологии» [3. С. 24].

Как известно, о дифференциации интонацией предикации и перечисления писал еще Н.С. Трубецкой в «Основах фонологии» (ср. его примеры: **люди, звери, птицы // люди — звери**) [8. С. 249].

В коллективной монографии о коммуникативной грамматике русского языка особо подчеркивается функциональное назначение интонации, раскрывается ее роль в дифференциации различных типов синтаксических связей в русском языке: «Интонация — одно из языковых средств, служащих оформлению двух различных видов синтаксических конструкций: словосочетания, выражающего потребность говорящего в распространенной номинации, и предложения, выражающего сообщение. Тогда тот или иной тип интонационного оформления используется говорящим в зависимости от коммуникативной значимости произносимой им конструкции» [1. С. 377]. Одновременно конкретно показывается зависимость коммуникативной значимости многих конструкций в русском языке от интонационного членения, в частности, приводятся примеры Д.Н. Шмелева: **Дом у дороги. // Дом — у дороги**. Однако нам известно значительно более раннее исследование М.И. Каплуна, посвященное дифференциации предикативной и атрибутивной связи в современном русском языке; им приводятся примеры: **Красные // герои. Красные герои. /// Грозный // царь. Грозный царь**. [2]. В кандидатской диссертации М.И. Каплун, с нашей точки зрения, приходит к важным методологическим выводам о роли интонации в выражении предикации в русском языке, а именно: 1) только при совпадении грамматического и актуального предикативного наблюдается четкая интонационная выраженность предикации; 2) ведущую роль в дифференциации предикации и номинации играют тональные и временные характеристики; роль интенсивности неясна, т. к. в экспериментальном материале не было ни одной реализации, в которой элементы противопоставления были бы равны по тону и времени звучания; 3) фонологически значащие тональные признаки, дифференцирующие предикацию и номинацию, локализуются на ударном слоге первого элемента; 4) интонация второго элемента синтагм не несет информацию о типе связи (предикативной или определительной); 5) возможна инто-

национная нейтрализация грамматической предикации, не подкрепленной актуальным и синтагматическим членением [2. С. 2—4, 7, 11].

Проблема дифференциации предикативных и атрибутивных связей с помощью интонационных средств была впервые рассмотрена на примере тонального (китайского) языка в монографии М.К. Румянцева «Тон и интонация в китайском языке» [5]. Сама постановка проблемы представляется методологически важной, т.к. позволяет экстраполировать полученные выводы и на другие тональные языки.

Интонация в языке суахили описана достаточно подробно [см. реферативный обзор: Хромов, 2000]. Следует констатировать становление и развитие интонологии в языке суахили, имеющей свой самостоятельный предмет и объект научного описания и развивающейся на стыке различных фонетических традиций — американской, европейской и российской. Однако интонация предикации и номинации в языке суахили еще не подвергалась системному анализу.

ИНТОНАЦИЯ НОМИНАЦИИ И ПРЕДИКАЦИИ В ЯЗЫКЕ СУАХИЛИ

С целью выявления дифференциальных признаков, различающих интонацию предикации и номинации в языке суахили, нами был проведен экспериментально-фонетический анализ по методике, разработанной в Лаборатории экспериментальной фонетики РУДН. Эксперимент состоял из двух этапов: 1) аудиторский анализ; 2) экспериментально-фонетический анализ.

I. АУДИТОРСКИЙ АНАЛИЗ

Для аудиторского анализа подбирались два типа синтагм — предикативных и номинативных: все синтагмы с одинаковым порядком слов, в которых универсальным дифференсором выступает интонация:

Watoto wadogo. — Watoto ni wadogo (Маленькие дети. — Дети — маленькие).

Wavulana warefu. — Wavulana ni warefu (Высокие юноши. — Юноши — высокие).

Wasichana wazuri. — Wasichana ni wazuri (Красивые девушки. — Девушки — красивые).

Watu wazuri. — Watu ni wazuri (Хорошие люди. — Люди — хорошие).

Watu watajiri. — Watu ni watajiri (Богатые люди. — Люди — богатые).

Mlima Kilimanjaro. — Mlima ni Kilimanjaro (Гора Килиманджаро. — (Эта) гора — Килиманджаро).

Mji Moshi. — Mji ni Moshi (Город Моши. — (Этот) город — Моши).

Mto Ruvu. — Mto ni Ruvu (Река Руву. — (Эта) река — Руву).

Ndege Kasuku. — Ndege ni Kasuku (Птица Касуку. — (Эта) птица — Касуку).

Mnyama pori simba. — Mnyama pori ni simba (Дикий зверь лев. — Дикий зверь — лев).

Ziwa Tanganyika. — Ziwa ni Tanganyika (Озеро Танганьика. — Озеро — Танганьика).

Kisiwa Kiunguja. — Kisiwa ni Kiunguja (Остров Занзибар. — Остров — Занзибар).

Mji mkuu Dar-es-Salaam. — Mji mkuu ni Dar-es-Salaam (Столица Дар-эс-Салаам. — Столица — Дар-эс-Салаам).

Mji Dodoma. — Mji ni Dodoma (Город Додома. — Город — Додома).

Nchi Tanzania. — Nchi ni Tanzania (Страна Танзания. — Страна — Танзания).

Каждый тип синтагм включался в минимальную контекстную ситуацию, мотивирующую реализацию того или иного речевого стимула.

Аудиторский анализ последовательно проводился в два этапа. Для участия в аудиторском анализе приглашались граждане Республики Танзания — носители языка суахили (диалект киунгуджа), для которых этот язык является родным. На первом этапе аудиторам предлагался для прослушивания список экспериментальных фраз с заданиями: а) определить естественность их звучания; б) определить принадлежность нормативному литературному произношению.

На втором этапе синтагмы (номинативную и предикативную) предлагалось прослушать в бинарной оппозиции. Аудиторы должны были:

- 1) определить, назвать и описать тип коммуникативного задания;
- 2) сказать, есть ли различия в интонационном оформлении прослушанных синтагм;
- 3) если такие различия есть, то предлагалось нарисовать кривую движения основного тона, ответить на следующие вопросы:
 - а) на сколько компонентов членится прослушанная синтагма, где проходит граница членения;
 - б) есть ли пауза между первым и вторым компонентами синтагмы, оправдана ли она в данной ситуации;
 - в) какая синтагма читается с большей энергией, экспрессией;
 - г) какой компонент в синтагме произносится с большей энергией, экспрессией;
 - д) какая синтагма звучит дольше;
 - е) какой элемент синтагмы произносится с большей длительностью.

Все прослушанные фразы были отмечены аудиторами как соответствующие норме современного языка суахили, в основном верно был указан тип коммуникативного задания. Аудиторы подчеркнули, что номинативные синтагмы, состоящие из двух элементов, произносятся слитно, как бы «в одно слово», а предикативные делятся на два компонента, между которыми может быть факультативная пауза между первым компонентом и связочным элементом. Направление движения тона в предикативной синтагме представлено как ровное с нисхождением на ударном слоге второго компонента. В предикативной синтагме аудиторы-фонетисты отмечают два значимых перелома движения частоты основного тона (далее — ЧОТ): на ударном слоге первого компонента (резкий подъем ЧОТ с последующим резким падением на заударных слогах) и плавное, спокойное падение ЧОТ на ударном слоге второго компонента.

Аудиторы указывают, что предикативная синтагма читается с большей энергией, экспрессией по сравнению с номинативной, которая энергетически произносится спокойно, плавно, размеренно. Аудиторы также могут слышать перепад энергии между первым и вторым компонентами в предикативной синтагме. По сравнению с номинативной синтагмой предикативная синтагма реализуется с большей длительностью.

II. АКУСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТОНАЦИИ НОМИНАТИВНОЙ И ПРЕДИКАТИВНОЙ СИНТАГМ В ЯЗЫКЕ СУАХИЛИ

Далее противопоставление бинарных интонационных оппозиций иллюстрируется на следующем примере: акустические характеристики интонации номинативной и предикативной синтагм: **Ndege Kasuku** (Птица Касуку) — **Ndege ni Kasuku** (Птица — Касуку).

1. **Направление движения ЧОТ** как в данной, так и во всех проанализированных номинативных синтагмах можно охарактеризовать как **ровное** (варианты: ровное с небольшими «всплесками» (подъемом) ЧОТ на ударном слоге первого компонента; плавно-нисходящее на ударном слоге первого компонента) с последующим плавным нисхождением на ударном слоге второго компонента. В предикативной — как **двухвершинное**: первая вершина — максимальная, представляющая резкий подъем ЧОТ на ударном слоге первого компонента с продолжающимся крутым падением ЧОТ на ударно-заударном слогах первого компонента, далее — ровное движение ЧОТ, на ударном слоге второго компонента — положительный интервал стыка ЧОТ предударного с ударным слогом с последующим плавным нисходящим движением ЧОТ (правда, вторую мелодическую вершину можно называть вершиной довольно условно, это скорее перепад ЧОТ с более высокого на более низкий уровень). Таким образом, направление движения ЧОТ в номинативной синтагме является **одноакцентным** (с одним релевантным мелодическим акцентом), а в предикативной — **двухакцентным** (с двумя релевантными мелодическими акцентами).

2. **Интервалы подъема/падения ЧОТ.** Первый компонент в предикативной синтагме в отличие от номинативной характеризуется интервалом подъема ЧОТ, равным (+) 8—9 пт (в номинативной синтагме интервал подъема ЧОТ либо нулевой, либо равен 1 пт). Интервал падения ЧОТ в первом компоненте предикативной синтагмы более резкий, крутой, значительно превышающий интервал падения ЧОТ в номинативной синтагме: (–) 13 пт : (–) 5 пт. Интервал падения ЧОТ во втором компоненте более ярко проявляется в предикативной синтагме: (–) 7—8 пт : (–) 5 пт.

Таким образом, интервалы подъема/падения ЧОТ в первом и втором компонентах сопоставляемых синтагм являются релевантными признаками их дифференциации (более ярко данные признаки выделяются в предикативной синтагме по сравнению с номинативной).

3. **Скорость подъема/падения ЧОТ.** В первом компоненте предикативной синтагмы скорость падения ЧОТ на ударно-заударном слогах больше, чем в номинативной: (–) 0,51 гц/мсек : (–) 0,41 гц/мсек. Во втором компоненте номинативной синтагмы скорость падения ЧОТ на ударно-заударном слогах большая по сравнению с предикативной синтагмой: (–) 0,36 гц/мсек: (–) 0,16 гц/мсек.

Итак, скорость падения ЧОТ как в первом, так и во втором компонентах является релевантным признаком при дифференциации предикативной и номинативной синтагм.

4. **Уровень ЧОТ** на различных участках акцентно-мелодической структуры фразы. Средненное значение частотного уровня предикативной синтагмы выше, чем в номинативной. Более высокий уровень ЧОТ в предикативной синтагме (по сравнению с номинативной) также отмечается на двух участках: на ударно-заударном слогах первого компонента (2,20 : 1,32) и на ударном слоге второго компонента (1,39 : 1,32). Предикативная синтагма в отличие от номинативной характеризуется резкими перепадами частотного уровня на ударно-заударном слогах первого компонента в отличие от ударно-заударного слогов второго компонента.

5. **Диапазон ЧОТ** предикативной синтагмы значительно превышает диапазон ЧОТ номинативной синтагмы: 16 пт : 6 пт. Таким образом, диапазон ЧОТ является дифференциальным признаком, противопоставляющим предикативную синтагму номинативной.

6. **Интенсивность.** Средняя интенсивность слога в предикативной синтагме выше, чем в номинативной: 69,9 дБ : 68,1 дБ. Максимальной интенсивностью характеризуется первый ударный слог как в предикативной, так и в номинативной синтагме, однако интенсивность первого ударного слога в предикативной синтагме значительно выше, чем в номинативной: 81,1 дБ : 72,5 дБ. Средняя интенсивность первого компонента в предикативной синтагме также превышает соответствующие показатели в номинативной: 76,6 дБ : 71,9 дБ. Средние показатели интенсивности второго компонента как в предикативной, так и в номинативной синтагмах примерно одинаковые: 65,5 дБ : 66,5 дБ. Отношение максимальной интенсивности первого компонента к минимальной вершине интенсивности второго компонента в предикативной синтагме выше, чем в номинативной (1,37 : 1,2), что создает особый контраст интенсивности между первым и вторым компонентами в предикативной синтагме.

Таким образом, предикативная синтагма противопоставляется номинативной по следующим характеристикам интенсивности:

- а) величина максимальной интенсивности;
- б) величина средней интенсивности первого компонента синтагмы;
- в) большая противопоставленность максимальных характеристик первого компонента и минимальных характеристик второго компонента в предикативной синтагме по сравнению с номинативной.

7. **Длительность.** Общая длительность предикативной синтагмы превышает длительность номинативной (даже если вычесть длительность паузы). Средняя длительность слога в предикативной синтагме превышает длительность слога в номинативной: 92 мсек : 72 мсек. Длительность ударного слога первого компонента значительно превышает соответствующие характеристики в номинативной синтагме (140 мсек : 104 мсек). Длительность ударного слога во втором компоненте примерно одинаковая (70 мсек). Как длительность первого компонента, так и длительность второго компонента в предикативной синтагме больше, чем в номинативной (330 мсек : 190 мсек; 150 мсек : 120 мсек). Соотношение длительности первого компонента к длительности второго компонента в предикативной синтагме выше, чем в номинативной (2,2 : 1,58). Таким образом, в предикативной

синтагме более ярко проявляются различия в длительности первого и второго компонентов. Между первым и вторым компонентами предикативной синтагмы может отмечаться факультативная пауза (она наблюдается в полном варианте произношения, отсутствует в разговорном варианте произнесения).

Итак, предикативная синтагма (ее полный вариант) противопоставляется номинативной по следующим характеристикам длительности:

- а) по общей длительности;
- б) по средней длительности слога;
- в) по длительности ударного слога первого компонента;
- г) по общей длительности первого компонента;
- д) по соотношению длительности первого и второго компонентов.

III. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРИМЕНТА

Итак, в интонационном противопоставлении предикативных и номинативных синтагм в языке суахили интерпретировались частотные, временные и амплитудные характеристики.

Анализ частотных характеристик показал, что:

1) первый компонент предикативной синтагмы в отличие от номинативной характеризуется резким восходяще-нисходящим движением основного тона на ударно-заударном слогах с последующим ровным движением на втором элементе, переходящим в плано-нисходящее движение основного тона на ударном слоге второго элемента;

2) дифференциация частотных характеристик, локализованных только на ударном слоге первого элемента, не является достаточно информативной для предикативной синтагмы (не несет обязательную синтаксическую интерпретацию): для получения однозначной информации необходим частотный контраст между первым и вторым элементами синтагмы;

3) для номинативной синтагмы информация о частотном компоненте первого элемента является достаточной для определения синтаксического типа связи;

4) направление движения ЧОТ в номинативной синтагме можно интерпретировать как одноакцентное (с одним релевантным мелодическим акцентом или вершиной), а в предикативной — как двухакцентное (с двумя релевантными интонационными акцентами или вершинами);

5) значительный интервал подъема ЧОТ на ударном слоге первого элемента характеризует предикативную синтагму в отличие от номинативной (от 7 до 10 полутонов);

6) значительные величины скорости подъема ЧОТ на ударном слоге первого элемента характеризует предикативную синтагму в отличие от номинативной;

7) значительные интервалы падения ЧОТ на ударно-заударном слогах первого элемента характеризуют предикативную синтагму в отличие от номинативной (от 9 до 13 полутонов);

8) контрастность интервалов и скорости падения ЧОТ на ударно-заударном слогах первого компонента и ударном слоге второго компонента отличает предикативную синтагму от номинативной;

9) более высокий средний уровень ЧОТ наблюдается в предикативной синтагме в отличие от номинативной;

10) более высокий уровень ЧОТ ударно-заударного слогов первого элемента характеризует предикативную синтагму в отличие от номинативной;

11) более широкий диапазон ЧОТ имеет место в предикативной синтагме (от 12 до 16 полутонов в предикативной по сравнению с номинативной: от 5 до 8 полутонов).

Анализ интенсивности позволил выявить следующие релевантные признаки, дифференцирующие предикативную и номинативную синтагмы:

1) величина максимальной интенсивности (большая в предикативной) имеет тенденцию локализоваться на ударном слоге первого компонента предикативной синтагмы;

2) величина средней интенсивности ударного слога первого элемента, а также величины средней интенсивности первого компонента (больше в предикативной);

3) большая противопоставленность величины максимальной интенсивности первого компонента и минимальной интенсивности второго компонента больше противопоставлены в предикативной синтагме, что создает особую структуру ритмической организации предикативной синтагмы в отличие от номинативной.

Анализ длительности позволил выявить следующие релевантные признаки, дифференцирующие предикативную и номинативную синтагмы:

1) общая длительность предикативной синтагмы превышает длительность номинативной (даже за вычетом паузы);

2) средняя длительность ударного слога первого элемента предикативной синтагмы выше, чем в номинативной;

3) средняя длительность первого элемента предикативной синтагмы, как правило, выше, чем в номинативной;

4) ритмическая организация предикативной синтагмы более энергичная, контрастная по сравнению с номинативной, что проявляется: а) в соотношении длительности первого и второго элемента синтагмы; б) в большей «сжимаемости» длительности слогов в середине синтагмы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате мы пришли к выводу о том, что в языке суахили ведущий мелодический параметр — направление движения частоты основного тона — используется в качестве дифференциального признака при противопоставлении интонации предикации и номинации: предикативная синтагма характеризуется восходяще-нисходящим, а номинативная — ровным-нисходящим движения частоты основного тона. Общий мелодический рисунок в номинативной синтагме является одноакцентным (с одним релевантным мелодическим акцентом), а в предикативной — двухакцентным (с двумя релевантными мелодическими акцентами). Длительность и интенсивность играют подчиненную роль по отношению к мелодике в дифференциации предикации и номинации. Полученные выводы позволяют предсказать «поведение» основных параметров интонации и в других агглютинативных языках.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Золотова Г.А., Онипенко Н.П., Сидорова М.Ю. (1998). Коммуникативная грамматика русского языка. [Zolotova G. A, Onipenko N.P., Sidorova M. Yu. Communicative grammar of the Russian language]. Москва: РАН.
- [2] Каплун М.И. (1972). Интонационная дифференциация предикативной и атрибутивной (определяющей) связи в современном русском языке [Kaplun M.I. Intonational differentiation of predicative and attributive cohesion in modern Russian]: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва: МГУ.
- [3] Карпов К.Б. (1982). О трудностях фонологического подхода к интонации [Karpov K.B. On the complexity of phonological approach to intonation] // Просодия текста. Тезисы докладов научно-методической конференции. Москва: МГПИИЯ.
- [4] Крылова О.А. (1992). Коммуникативный синтаксис русского языка [Krylova O.A. Russian communicative syntax]. Москва: РУДН.
- [5] Румянцев М.К. (1972). Тон и интонация в современном китайском языке [Rumyantsev M.K. Tone and intonation in modern Chinese]. Москва: МГУ.
- [6] Степанов Ю.С. (1973). Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) [Stepanov Yu.S. Semiotic structure of language (three functions and three formal language mechanisms)] // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXXII. Вып. 4.
- [7] Степанов Ю.С. (1975). Основы общего языкознания [Stepanov Yu.S. Principles of general linguistics]. Москва: Просвещение.
- [8] Трубецкой Н.С. (2000). Основы фонологии [Trubetskoy N.S. Principles of Phonology]. Москва: Аспект пресс.
- [9] Хромов С.С. (2000). Системное описание интонации в лингводидактических целях [Khromov S.S. Systemic description of intonation for lingua-didactic purposes]: Дисс. ... докт. филол. н. Москва: РУДН.

INTONATION OF PREDICATIVE AND NOMINATIVE SYNTAGMAS IN SWAHILI

S.S. Khromov

Plekhanov Russian University of Economics
Stremyanny lane, 36, Moscow, Russia, 117997
chelovek653@mail.ru

The author continues to explore the intonation of predicative and nominative syntagmas in various world languages. The paper submitted offers a systematic and purposeful approach to describe the predicative and nominative syntagmas in one of the typically agglutinative languages — Swahili — on the basis of experimental phonetic analysis carried out in the PFUR Laboratory and the Laboratory of the Institute of Asian and African studies of the Lomonosov MSU. The author proves that the leading melody parameter in Swahili is the direction of movement of the frequency which is used as a differential feature in opposing the intonation of predicative and nominative syntagmas. A predicative syntagma is characterized by the rise-and-fall and a nominative — by the even fall movement of the frequency. The duration and the intensity play a subordinate role in respect to the melody in the opposition studied.

Key words: intonation, predicative syntagma, nominative syntagma, Swahili, agglutinative languages.

НЕКОТОРЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В ЯЗЫКЕ СУАХИЛИ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Л.А. Семенкова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
lf.law9@gmail.com

Н.Г. Федорова

Институт стран Азии и Африки
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11, Москва, Россия, 101999
ehduard.ryabcev@yandex.ru

В статье рассматриваются тематические группы речевого этикета языка суахили, наиболее характерные для обиходно-бытового общения, приводятся слова и словосочетания, составляющие основу каждой группы, их грамматическое оформление. Также показана роль некоторых междометий в речевой коммуникации.

Ключевые слова: речевой этикет, тематические группы, обиходно-бытовое общение, грамматическое оформление, коммуникативная ситуация, элементы экспрессии.

Вопросы общения представителей разных национальностей, культур, религий являются весьма актуальными. Для установления контактов между жителями разных стран необходимы знания их традиций и обычаев, речевого этикета. По теме речевого этикета русского языка, английского, французского, испанского, арабского, других языков имеются многочисленные исследования. Теоретические концепции некоторых авторов цитируются в настоящей статье.

В лингвистике речевой этикет определяется как «регулирующие правила речевого поведения, система национально-специфичных, стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников» [1. С. 58]. Так, Н.Л. Соколова характеризует единицы речевого этикета как «ситуативно обусловленные, коммуникативно направленные, тематически сопряженные, взаимосвязанные и взаимозависимые в рамках диалогических единств устойчивые формулы общения» [2. С. 59].

Мы разделяем мнение тех исследователей [3], которые считают, что ведущим критерием этикетного речевого общения является вежливость. В плане языковой нормализации и культуры речи вежливость служит тем «обобщенным и общеобязательным правилом» [4. С. 30], которое делает речевое поведение собственно этикетным. Изучение речевого этикета позволяет раскрыть специфические особенности различных сфер общения — обиходно-бытового, профессионального, делового, научного.

В настоящей статье рассматриваются тематические группы речевого этикета языка суахили, наиболее характерные для обиходно-бытового общения, такие как «приветствие», «обращение», «благодарность», «просьба», «согласие и отказ», «сожаление», «извинение», «приглашение», «поздравление и пожелания». Показана роль некоторых междометий в речевой коммуникации.

Речевой этикет языка суахили основан на многовековых традициях гостеприимства, терпимости, понятиях чести и достоинства, уважении к старшим, вождям, правителям. Вместе с тем общество говорящих на суахили — многолико, оно включает в себя многочисленные племена, представителей народов, колонизовавших территорию Восточной Африки. На протяжении веков они тесно взаимодействовали, их культуры переплетались. Тем не менее, наряду с общими представлениями у каждого народа существуют свои собственные обороты, обращения, выражения, характеризующие различные жизненные ситуации. Некоторые нормы поведения и речевого этикета языка суахили нашли свое отражение в пословицах и поговорках, например: 1. *Mgeni hachukui nyumba*. ‘Гость дом не унесет’ — имеется в виду необходимость предоставлять гостю ночлег. 2. *Ahadi ni deni*. ‘Обещание — долг’, т.е. обещание необходимо выполнять. 3. *Tutakayo kutendewa na watu, nasi tuwatendee yayo hayo*. ‘Если мы хотим, чтобы люди к нам хорошо относились, мы сами должны к ним так же относиться’. 4. *Ukaidi si jambo jema, bali utii ni thawabu*. ‘Упрямство — порок, но послушание — божий дар’. 5. *Afadhali kungojea pale pale kuliko kuchelewa*. ‘Лучше подождать на месте (встречи), чем опоздать’.

Среди тематических групп речевого этикета самое первое и самое главное — это «приветствие». От приветствия может зависеть дальнейшее развитие общения. В суахили традиционное обращение к старшему по возрасту, чину, социальному положению — *Shikamoo* (сокращение от *shika miguu yako*), т.е. ‘Здравствуй!’ (букв. ‘припадаю к твоим ногам’)¹. Далее называются родство или должность человека, к которому обращаются, например, *Shikamoo, baba*. ‘Здравствуй, отец’; или *Shikamoo, Bwana Mwalimu*. ‘Здравствуй, господин учитель’ и т.д. Ответом на это приветствие является слово *Marahaba* (‘хорошо, прекрасно’).

Далее отвечающий обращается у приветствующему его человеку со словом *Hujambo?*, если к нескольким людям — *Namjambo?* (‘как дела, как вы себя чувствуете?’); ответ: *Sijambo!* (‘у меня все хорошо’) или *Hatujambo!* (‘у нас все хорошо, все в порядке’).

Формами приветствия являются также следующие словосочетания: *U hali gani?* ‘Как твое самочувствие?’; *M(u) hali gani?* ‘Как ваше самочувствие?’; ответ: *Nzuzi sana, asante*. ‘Очень хорошее, спасибо’.

В словосочетаниях *Habari za asubuhi?* ‘Доброе утро’ (букв. ‘новости утра’); *Habari za jioni?* ‘Добрый вечер’ (букв. ‘новости вечера’); или просто *Habari gani?* ‘Как дела?’ (букв. ‘какие новости’) звучит просьба поделиться новостями. Ответ,

¹ Ранее, во времена колониального рабства словом *shikamoo* раб приветствовал своего господина. Впоследствии это слово приобрело значение вежливого приветствия к старшему по возрасту, положению и т.д.

обычно, положителен: *Habari nzuzi*. 'Все хорошо'. (букв. 'прекрасные новости'). Далее человек может рассказать о том, как у него дела на самом деле.

Мусульмане, особенно люди старшего поколения, пользуются приветствием, пришедшим из арабского речевого этикета и зависящим от времени суток. Это — пожелания «доброго утра» *Sabalkheri* или «доброго вечера» *Masalkheri*.

Часто можно услышать слово *salam* 'привет' — приветствие родных, знакомых, коллег по работе, при посещении учреждений, магазинов и т.д. Это слово, в буквальном переводе 'мир вам', принято в арабском обществе и хранит память о тех временах, когда мусульмане подвергались гонениям со стороны язычников. Пожелание мира, спокойствия, благополучия — это признак того, что перед человеком его друг, и он пришел с миром.

После приветствий следуют ритуальные вопросы: *Na watoto (wazee, mkeo, tumeo) hawajambo?* 'Как дети (родители, муж, жена), здоровы, все у них хорошо?' Самые распространенные ответы: *Nzuzi sana, ahsante*. 'Очень хорошо, спасибо'; *Hawajambo, ahsante. Wao wazima*. 'Все у них хорошо, они здоровы'.

Перейдем к рассмотрению тематической группы «обращение». Формы обращения могут быть официальными и неофициальными. Неофициальные формы обращения, применительно к обиходно-разговорной речи — это наименование родства, например: *baba* 'отец', *babu* 'дедушка, предок'; это формы почтительного обращения к старшему по возрасту, званию или положению; *mama* 'мать', *bibi* 'бабушка' — формы уважительного отношения к женщине, супруге; *dada* 'сестра' — дружеское отношение к девушке, молодой женщине; *kaka* 'брат', *ndugu* 'брат, товарищ' — обращение к другу. Возможны слитные формы существительных с притяжательными местоимениями **-angu** 'мой, мой', **-etu** 'наш, наши': *mwanangu* (*mwana wangu*) 'сын, сын мой'; *dadangu* (*dada yangu*) 'сестра моя'; *tametu* (*mama yetu*) 'наша мама' и т.д.

Официальные условия коммуникации предписывают соответствующие формы обращения. Проиллюстрируем некоторые из них: *Ndugu! Jamani!* 'Товарищи!'; *Bwana Temu!* 'Господин Тему!'; *Bibi Magenge!* 'Госпожа Магенге!'; *Bwana mwenyekiti!* 'Господин председатель!'; *Marafiki!* 'Коллеги!'; *Wananchi!* 'Граждане!'. В некоторых обращениях соблюдены принципы особого почтения, уважения: *Wapenzi marafiki!* 'Дорогие друзья!'; *Waheshimiwa mabibi na mabwana!* 'Уважаемые дамы и господа!'; *Mheshimiwa Rais!* 'Уважаемый господин президент!' и т.д.

К формам обращения близки формы представления людей. Для них характерны следующие словосочетания: *Nataka kukujulisha kwa tume wangu*. 'Познакомьтесь с моим мужем'; *Napenda kukujulisha bwana N*. 'Позвольте представить вам господина Н'; *Naomba unijulisha kwa ndugu M*. 'Будьте добры, представьте меня товарищу М' и т.д.

В тематической группе «благодарность» широко используются речевые обороты, которые несут заряд вежливости, доброты, признательности. Они уместны и в неофициальной, и в официальной речи. Наряду с традиционным словом *Ahsante* (*asante*) 'спасибо' или *Ahsante sana* 'большое спасибо' (например, *ahsante kwa msaada, mwaliko, zawadi* 'спасибо за помощь, приглашение, подарок'), используются глагол *shukuru* 'благодарить', глагольные сочетания *-toa shukrani*, *-pa shu-*

krani ‘выразить благодарность’: 1) *Tunakushukuru kwa moyo wote kwa pongezi, ukarimu* ‘Сердечно благодарим вас за поздравление, гостеприимство’. 2) *Mpe shukrani zangu kwa niaba yangu* ‘Поблагодарите его/ее от моего имени’. Адресат обычно отвечает: *Hakuna haja ya kushukuru* ‘Не стоит благодарности’ или *Usijali* ‘Не за что’, *Si kitu* ‘Пустяки’.

Разнообразны по содержанию речевые клише, входящие в тематическую группу «просьба». Ключевым словом любой просьбы обычно является слово *tafadhali* ‘пожалуйста’. Существуют определенные глаголы, формирующие данную группу: *omba* ‘просить’; *taka* ‘хотеть’; *ruhusu* ‘разрешать’; *penda* ‘хотеть, желать, любить’; *weza* ‘мочь’; *wezekana* ‘быть возможным’, некоторые другие глаголы.

Для выражения просьбы в суахили употребляются следующие глагольные формы:

1) изъявительное наклонение: *Naomba kunisaidia* ‘Прошу мне помочь’; *Twa-taka tikiti kwenda Nairobi* ‘Дайте нам (букв. ‘мы хотим’) билеты до Найроби’.

2) повелительное наклонение: *Ngojea kidogo* ‘Подождите минутку’; *Sema tena* ‘Повторите’. Отрицательная форма: *Usifanye haraka* ‘Не торопитесь’.

3) желательное-побудительное наклонение: *Nipeleke kituo cha mabasi* ‘Отвезите меня до автобусной остановки’; *Tafadhali, niletee chakula* ‘Пожалуйста, принесите еду’. Отрицательная форма: *Wasitazame* ‘Пусть они не смотрят’.

4) сослагательное наклонение: *Ningependa matunda, tafadhali*. ‘Принесите мне фрукты, пожалуйста’ (букв. ‘Я бы хотел фрукты’). Отрицательная форма: *Tusingependa uondoke*. ‘Нам не хотелось бы, чтобы ты уехал’.

Просьба может выражаться в вопросе: *Niendeleo kusoma?* ‘Мне продолжать читать?’; *Hodi?* ‘Разрешите войти?’; *Naweza kutumia simu yako?* ‘Можно воспользоваться вашим телефоном?’; *Inawezekana kufanya haya?* ‘Можно это сделать?’.

Благодарность собеседнику за выполненную просьбу выражается словами *Ahsante* ‘Спасибо’; *Huo ndio wema wako* ‘Очень любезно с Вашей стороны’.

В тематическую группу «согласие и отказ» включены разнообразные слова и словосочетания, употребляемые в характерных для них коммуникативных ситуациях. В основном, это слова и сочетания слов с антонимическим значением — утвердительные и отрицательные ответы. Согласие выражается словами *ndiyo*, *naam* ‘да’, *haya* ‘хорошо’, *nzuzi* ‘ладно’, *sawa* ‘правильно’, сочетаниями *bila ya shaka* ‘несомненно’, *kwa furaha* ‘с удовольствием’, *nzuzi sana* ‘прекрасно’ и т.д. Если коммуникант согласен с собеседником, варианты его ответа могут быть следующими: *Nimekubali* ‘Я согласен’; *Sikatai* ‘Не возражаю’; *Timepokea mwaliko wako* ‘Мы принимаем ваше приглашение’; *Unasema kweli* ‘Вы правы’ и другие.

В случае отказа ответ может звучать категорично: *Siyo hapana* ‘Нет’; *Huku-sema sawa* ‘Вы не правы’; *Jnakatazwa* ‘Нельзя’; *Hakuna ruhusa* ‘Не разрешается’; *Abadan* ‘Ни в коем случае’. Отрицательный ответ может быть сформулирован и в более вежливой форме: *Nasikitika sana lakini sina budi kukataa* ‘Очень жаль, но я вынужден отказаться’; *Samahani siwezi kutimiza ombi lako* ‘К сожалению, я не могу выполнить вашу просьбу’.

В коммуникативном общении для выражения «сожаления» существуют традиционные фразы, обращенные к собеседнику, в которых говорящий высказывает

свое сочувствие, соболезнование в связи с постигшими того горем, болезнью, смертью близких людей, неприятностями, старается успокоить его.

Часто такой речи присущи элементы экспрессии, выразительности. Примеры: *Kwa bahati mbaya* 'К сожалению'; *Nimesikitika sana* 'Я очень сожалею'; *Pole sana!* 'Какая неприятность!'; *Nakuonea huruma mno* 'Я искренне сочувствую вам'; *Tunawapa (pokea) rambirambi zetu* 'Разрешите выразить наши соболезнования'; *Ni kudu-ra ya Mungu* «Ничего не поделаешь, такова воля бога».

В коммуникативной группе «извинение» узуальны словосочетания, в которых высказывается уважение к собеседнику, желание просить прощение за проступки, причинившие ему беспокойство, огорчение, что является признаком вежливости, воспитанности говорящего. Для данного вида общения характерны речевые формулы с использованием соответствующих глаголов, часто в желательном-побудительном наклонении: *Uniradhi, unisamehe* 'Извините'; *Niwie radhi, nimefanya haya bila ya kukusudia* 'Извините, я сделал это нечаянно'; *Samahani kwa kuku-sumbua* 'Извините, что помешал'. В ответ можно услышать фразы: *Si kitu* 'Ничего'; *Usiwe na wasiwasi* 'Не беспокойтесь'.

Эти же глаголы используются при обращении с просьбой: *Samahani, ofisi ya Posta iko wapi?* 'Извините, где находится почтовое отделение?'; *Niwie radhi napenda kujua saa ngapi sasa* 'Извините, я хотел бы узнать, который час?'

Выразительность высказываний характеризует тематическую группу «приглашение». Людей приглашают в гости, на какие-то массовые мероприятия, торжественные встречи и т.д. Слова-приглашения обычно содержат оттенки радушия и доброжелательности, уважения. В языке суахили имеется ряд близких, синонимичных выражений, используемых коммуникантами в ходе общения, например:

1) *Tafadhali, karibu, pita, kaa kiti* 'Пожалуйста, войдите, проходите, садитесь'; *Karibu kwangu (kwetu)* 'Приходите ко мне (к нам) в гости'; *Njoo pamoia na mtume (mke)* 'Приходите с мужем (женой)'. В данных конструкциях используется повелительное наклонение.

2) *Twende kwenye maonyesho* 'Пойдемте на выставку'; *Tucheze mchezo wa sataranji* 'Давайте сыграем партию в шахматы'. В этих предложениях глаголы употребляются в желательном-побудительном наклонении.

Традиционные глаголы в этой группе *-alika* 'приглашать', *-taka* 'хотеть, желать', *-omba* 'просить': *Nakualika kwa chakula cha mchana* 'Приглашаю вас на обед'; *Nataka kukualika katika masirahi* 'Разрешите пригласить вас в театр'; *Naomba tucheze dansi* 'Разрешите пригласить вас на танец'. Принимая приглашение, собеседник говорит: *Kwa furaha* 'С удовольствием'; *Ahsante sana kwa mwaliko* 'Большое спасибо за приглашение'. Отказ выражается фразами: *Nimesikitika sana, lakini siwezi kupokea mwaliko wako* 'Очень жаль, но я не могу принять ваше приглашение'; *Kwa bahati mbaya tumeshaalikwa* 'К сожалению, мы уже приглашены.

Разнообразна по содержанию и структуре лексика тематической группы «поздравление и пожелания». Существует многообразие вариантов слов с этим значением. Они формируются с помощью следующих глаголов и их словосочетаний: *pongeza, peleka pongezi* 'поздравлять', *pokea pongezi* 'принять поздравления', *takia, ombea* 'желать', часто употребляемых в повелительном и желательном-побудительном наклонении.

Традиционны поздравления с Новым годом, днем рождения, национальными и религиозными праздниками — они звучат выразительно, эмоционально. Приняты и официальные поздравления с тем или иным событием. Примеры: 1) *Tunakupongeza kwa sikukuu ya kuzaliwa, Mwaka Mpya, Siku ya Uhuru, Siku ya Wanawake* ‘Поздравляю вас с днем рождения, Новым годом, Днем независимости, женским днем’ и т.д. 2) *Nipelekee pongezi zangu...* ‘Поздравь от моего имени...’ 3) *Pokea mataakio yetu yaliyo tema* ‘Примите наши наилучшие пожелания. 4) *Tunawatakia (tunawaombea) mafanikio ya kazi, kheri katika maisha, afya njema, kila la kheri na fanaka*. ‘Мы вам желаем успехов в работе, счастья в жизни, крепкого здоровья, счастья и процветания’. 5) *Serekali ya Unguja yapongeza wale walioshiriki mradi wa kuwapatia maji wananchi wa Unguja na Pemba* ‘Правительство Занзибара поздравляет тех, кто работал над проектом обеспечения водой граждан Занзибара и Pemba’.

Нельзя не отметить, что особую структуру в суахили представляют собой междометия, которые обслуживают сферу речевого этикета. Они обладают особой экспрессивно-семантической функцией и могут выполнять роль обращения, ответа, призыва, просьбы, команды и т.д. Рассмотрим некоторые значения междометий: *Ebu* (hebu) ‘ну, ну-ка, позвольте’; *Ebu, nipe nikutazame* ‘Ну, дай-ка я посмотрю на тебя’; *Ee* ‘О! Ах!’; *Ee, Ahmed, jambo!* ‘О, Ахмед, здравствуй!’; *Eh* ‘не так ли? А?’; *Ulimwona, eh?* ‘Ты его видел, не так ли?’; *Ala* выражает удивление: ‘как? разве не?’; *Ala, husikii haya?* ‘Как, разве тебе не стыдно?’; *Ati, eti* ‘послушай-ка, скажи-ка, эй!’; *Ati, rafiki!* ‘Эй, приятель!’. *Kumbe* выражает изумление: *Kumbe, siyo!* ‘Но где там!’; *La, hasha* ‘Нет, ни в коем случае! Ни за что на свете!’; *Lo* выражает радость, удивление, испуг: *Lo! Wewe ni mwivu sana!* ‘Какой же ты лентяй!’. *Pole* выражает сочувствие, соболезнование: *Pole, mama* ‘Успокойся, мама’.

Детальное рассмотрение тематических групп речевого этикета языка суахили еще раз подчеркивает его национально-культурную специфику. Разнообразные экстралингвистические факторы — социальные, культурно-исторические, психологические — имели существенное влияние на развитие и функционирование речевого этикета, тематические группы которого обладают богатым набором слов и словосочетаний.

В рамках небольшой статьи мы смогли уделить внимание только некоторым наиболее характерным темам речевого этикета в сфере обиходно-бытового общения. Статья имеет практическое назначение. Она дает возможность учащимся углубить знания о речевом этикете языка суахили, ознакомиться с разнообразием его тем, объединенных общим значением, их содержанием и грамматическими формами.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Формановская Н.И.* (1987). Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты [*Formanovskaya N.I. Russian speech etiquette: linguistic and methodical aspects*]. Москва.
- [2] *Соколова Н.Л.* (1991). Английский речевой этикет [*Sokolova N.L. English speech etiquette*]. Москва.

- [3] *Соковнин В.М.* (1973). О природе человеческого общения [*Sokovnin V.M.* On the nature of human communication]. Фрунзе.
- [4] *Гольдин В.Е.* (1978). Этикет и речь [*Goldin V.E.* Etiquette and speech]. Саратов.
- [5] *Костомаров В.Г.* (1960). Культура речи и стиль [*Kostomarov V.G.* Speech culture and style]. Москва.

SOME LEXICAL GROUPS OF SPEECH ETIQUETTE IN SWAHILI LANGUAGE AND THEIR CHARACTERISTICS

L.A. Semenкова

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
lf.law9@gmail.com

N.G. Fyodorova

Institute of Asian and African Countries
Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov
Mokhovaya str., 11, Moscow, Russia, 101999
ehduard.ryabcev@yandex.ru

The article deals with Swahili language speech etiquette lexical groups which are the most typical for every day communication. The main focus is put on the basic words and word combinations of each group and their grammatical forms. Particular attention is also drawn to the meaning of some interjections for speech communication.

Key words: speech etiquette, lexical groups, every day communication, grammatical forms, communicative situation, expressive elements.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ И ФУНКЦИИ В НЕФЛЕКТИВНЫХ ЯЗЫКАХ

УДК 811.512.133'36:612.825.249

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ ГЛАГОЛОВ ПРИ АГРАММАТИЧЕСКОЙ АФАЗИИ (на примере узбекского языка)

И.А. Азимова

Национальный университет Узбекистана
ул. Университета, 4, Ташкент, Узбекистан, 100174
iazimova@gmail.com

В статье анализируется выражение глаголов в спонтанной речи лиц с аграмматической афазией. Это проблема впервые исследуется на материале узбекского языка. Исследование проведено на основании эксперимента, в котором участвовали две группы испытуемых: первая группа — взрослые с афазией, вторая группа — взрослые без речевой патологии. Анализ материалов эксперимента показывает, что в данном виде афазии в узбекском языке нет диссоциации глагола и существительного. Это объясняется сложным морфологическим строем глаголов в узбекском языке. Однако, дефицит, связанный с глаголом наблюдается в употреблении вспомогательных глаголов и функциональных форм глагола. В спонтанной речи лиц с афазией вспомогательные глаголы отсутствуют, а функциональные формы глагола значительно меньше, чем в спонтанной речи участников без речевой патологии. Нарушения данных форм глагола основываются на сложность когнитивного механизма их употребления.

Ключевые слова: афазия, глагол, вспомогательные глаголы, причастие, деепричастие, воспроизведение речи.

ВВЕДЕНИЕ

Термин «аграмматический» впервые был использован в 1887 г. Адольфом Куссмаулом (Adolf Kussmaul) и означал неумение воспроизводить грамматическую форму слов, также неумение воспроизводить синтаксически упорядоченное предложение. Позже этот термин был употреблен Харольдом Гудгласом, обозначая опускание вспомогательных слов, вспомогательных глаголов и морфемы спряжения и склонения [5]. Данный вид патологии речи А.Р. Лурия назвал «эфферентно-моторной афазией» [3. С. 77—87].

Речевые ошибки в аграмматической афазии имеют несистемный характер. Как показали исследования, людям с аграмматической афазией легче воспроизводить существительные, чем глаголы; в свою очередь неопределенная форма глагола — инфинитив часто заменяет формы финитного глагола и т.д. [8]. Поэтому при аграмматической афазии глаголы считаются наиболее уязвимым звеном вос-

произведения в речи. Одни исследователи считают, что это связано с основными когнитивными универсалиями, т.е. с тем, что существительные — это объекты, а глаголы — это действия [6]; другие же полагают, что в основе диссоциации существительного и глагола лежат их семантические особенности: существительные имеют опорные сенсорно-визуальные свойства, тогда как глаголы — функциональные свойства.

Такое различие в семантических особенностях существительного и глагола влияет на уровень представления их в сознании (*imageability*). Представить понятие, выраженное глаголом, труднее, чем представить понятие, выраженное именем [7], потому восприятие и понимание, а также воспроизведение существительных гораздо легче, чем глаголов.

Проанализируем передачу глаголов в условиях аграмматической афазии для узбекского языка. Узбекский язык, принадлежа к тюркским языкам, является агглютинативным языком суффиксальной структуры. В силу этого один узбекский глагол может иметь огромное количество форм [1]. Эти свойства узбекского языка делает его «привлекательным» для нейролингвистического исследования, тем более что большинство исследований по афазии было сделано на материале языков более простой морфологической структуры.

Был проведен эксперимент, в котором участвовали два человека с аграмматической афазией — женщина 53 лет и мужчина 69 лет — и десять человек без речевой патологии: 6 женщин, 4 мужчины, средний возраст которых — 50 лет. Для всех участников эксперимента узбекский язык родной. Чтобы стимулировать спонтанную речь, участникам задавали вопросы. Беседы записывались на диктофон, затем аудиозаписи переводились в текстовую форму. Мы сравнили речь лиц с аграмматической афазией с речью лиц без речевой патологии по следующим параметрам: количество глаголов, количество существительных, количество функциональных форм глагола, количество вспомогательных глаголов. Когда по данным параметрам показатель для лиц с афазией совпадает с показателем контрольной группы участников, у которых нет речевой патологии, это принималось за норму. Когда же показатели для лиц с афазией были ниже в два или более раз, чем показатели контрольной группы, это означает, что нейрокогнитивный механизм употребления глагольных форм в речи нарушен (табл. 1).

Таблица 1

Количественные показатели эксперимента по выбранным параметрам

Параметры	Участники с аграмматической афазией			Участники без речевой патологии	
	НК*	МО	Среднее число	Интервал показателей	Среднее число
Существительные	57	68	62,5	36—80	53,2
Глаголы	39	32	35,5	25—59	46,5
Функциональные формы глагола	2	7	4,5	10—25	16,7
Вспомогательные глаголы	0	0	0	1—13	6,7

* В целях сохранения анонимности участников в описании результатов эксперимента даются только их инициалы.

Анализ спонтанной речи лиц с аграмматической афазией показал, что в узбекском языке в отличие от флективных языков, таких как английский, немецкий, голландский, нет диссоциации глагола и существительного: обе части речи сохранены в пределах нормы. Такой же показатель существует и в других агглютинативных языках со сложной морфологической структурой. Суахило-английские билингвы, имеющие аграмматическую афазию, в спонтанной речи на языке суахили употребляли 57% правильных спрягаемых форм глаголов, а в английском этот показатель 35% [4]. Так, согласно М. Горал, в афазии сложная агглютинативная морфологическая структура воспроизводится регулярнее, чем более простая флективная морфологическая структура, потому что агглютинативные аффиксы однозначны и соединяются с корнем по строгим определенным правилам. Именно эти свойства агглютинативных языков со сложной морфологической структурой помогают им лучше сохраняться в случае афазии [4].

Известно, что в узбекском языке глаголы непосредственно соединяются со сложной комбинацией аффиксов. Самый простой вариант конструкции — это **глагол + аффикс со значением времени + аффикс со значением лица**: *бор-а-ман*: ‘я пойду/поеду’. Залог, отрицание и другие глагольные значения тоже выражаются путем аффиксации. Даже если одна форма из сотни будет употребляться в речи, это означает, что каждый узбекоговорящий употребляет до 100 форм одного глагола. По нашему мнению, регулярное использование сложных комбинаций аффиксов способствует укреплению нейropsychологической репрезентации языковых форм в сознании носителя языка. Отметим, что результаты эксперименты такого рода носят предварительный характер.

НАРУШЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Нарушение использования модальных глаголов при аграмматической афазии наблюдаются и на материале других языков [10; 11]. Например, М. Санчес, обобщая работы на материале английского и голландского языков, отмечает, что вспомогательные глаголы опускаются чаще, чем смысловые (акциональные) глаголы. Она объясняет это различием в семантических и фонологических особенностях смысловых и вспомогательных глаголов. Известно, что в узбекском языке и в тюркских языках в целом отсутствуют различия между вспомогательными и смысловыми глаголами [2. С. 77].

Чтобы использовать вспомогательный глагол, в узбекском языке необходимо выполнить следующие задачи: 1) извлечь смысловой глагол, обозначающий само действие; 2) извлечь вспомогательный глагол, который обозначает образ действия; 3) определить время и субъект действия, т.е. проспрягать глагол и выбрать одну из его форм. Вспомогательные глаголы в узбекском языке связаны также с семантическим явлением — переносом значения. Смысловой глагол, который начинает выполнять функцию вспомогательного глагола, не теряет свое лексическое значение полностью: его определенная семантика сохраняется в выражении образа действия, хотя бы в виде деепричастия. Например, в сочетании *куйлай бошлади*

(‘начал петь’): *бошламоқ* (‘начать’) обозначает начальную стадию действия, в комбинации *ўқиб чиқди* (‘прочитал’) *чиқмоқ* (‘выйти’) обозначает завершенность действия, в комбинации *ўқиб туради* (‘он читает время от времени’) *турмоқ* (‘стоять’) обозначает повторяемость действия [там же].

В конструкции с вспомогательным глаголом именно вспомогательный глагол должен меняться и в синтаксическом плане (спрягаться), и в семантическом плане (перенос значения). Это означает интегрирование двух разных языковых уровней — лексического и синтаксического. Исследования, проведенные на материале турецкого языка, показали, что именно такая интеграция является трудной задачей для лиц с аграмматической афазией [12]. Они хорошо понимали предложения с привычным порядком слов, но ошибались в определении содержания предложения в форме страдательного залога. Во другом случае чтобы правильно понять предложение, необходимо было сочетать информацию о порядке слов предложения и с информацией об аффиксе страдательного залога [12]. Значит, именно эта задача интеграции информации из различных языковых уровней оказывается трудной для лиц с аграмматической афазией.

Основываясь на результатах проведенных экспериментов, Т. Ярбай Думан и ее соавторы выдвигают гипотезу проблемы интегрирования — The Integration Problem Hypothesis. Эта гипотеза нашла свое подтверждение и в работе, посвященной воспроизведению времени и аспекта в афазии на материале русского языка. Лица с афазией, участвовавшие в эксперименте, продемонстрировали затруднения интегрирования глагольного вида, который является семантической категорией в русском языке, с категорией времени, которая в этом языке является синтаксической категорией [9]. Полагаем, что нарушение использования вспомогательных глаголов в узбекской аграмматической речи можно объяснить гипотезой проблемы интегрирования, так как использование вспомогательных глаголов требует интегрировать информацию двух разных лингвистических уровней — лексического и синтаксического.

НАРУШЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА

Анализ спонтанной речи лиц с аграмматической афазией показал, что имеются нарушения в использовании деепричастия и причастия, но имя действия используется в пределах нормы. Среднее число употребления деепричастия у лиц с аграмматической афазией — 2, а у участников эксперимента без речевой патологии — 8,6. Исходя из этих данных делаем заключение, что в узбекской аграмматической афазии механизмы использования деепричастия и причастия нарушаются. Известно, что деепричастие и причастие выражают признак: первое выражает признак действия, а второе — признак предмета.

С одной стороны, можно считать, что нарушения механизмов использования этих функциональных форм глагола связано с особенностями выражения признака. Но, с другой стороны, деепричастие выражает не только признак: оно также выражает последовательность действий. Сравнение спонтанной речи лиц без речевой

патологии выявило, что в их речи преобладает именно этот тип деепричастия. В их речи деепричастие использовалось 86 раз, и 59 из них выражают последовательность действия. Например: *Икки минг учинчи йилда кейин шу оёгим билан **оғриб**, оёгим ишламай **қолиб**, больницага тушдим* (букв.: В 2003 г. **боле**ла нога, нога не **двигалась**, и я попала в больницу).

В предложении использование деепричастия любого типа всегда требует еще одного финитного глагола. Даже если сравнение частоты использования глаголов в спонтанной речи двух групп участников не выявило разницы, результаты показали, что причиной 53% грамматических ошибок в речи лиц с афазией является пропуск глаголов в предложении. Поскольку употребление в речи деепричастия изначально подразумевает наличие минимум двух глагола в одном предложении, считаем, что нарушение механизма использования деепричастия в узбекской аграмматической афазии связано с нарушением использования глагола.

В употреблении причастия есть другая особенность. Анализ спонтанной речи лиц без речевой патологии показал, что 96% форм причастия являются субстантивными. Например: *МДСга **оборгандан** кейин МДС ҳеч нарса йўқ, деди-да, назначение берди* (букв.: После **того, как повезли** в МДС, МДС сказало, что ничего нет, и дал назначение); *Кейин озгина ўсиб **чиққандан** кейин икки-уч кундан кейин яна сув берилди қўллаиб* (букв.: После **того, как вырастает**, через 2—3 дня можно обильно орошать); *Шу уйларимизни битириб, **ўлганларга** атаб ис чиқарвариши* (букв.: Закончить ремонт дома, потом сделать поминки, посвященные **умершим**); *Қизим ман **қўрганларни** қўрмасин, дейман* (букв.: Я не хочу, чтобы моя дочь пережила **то, что пережила я**).

Употребление причастия требует активизировать языковые единицы, принадлежащие с семантической точки зрения глаголу, с функциональной точки зрения — прилагательному и с грамматической точки зрения — существительному, при этом выразить все это в одном слове. Полагаем, что эта задача в силу своей сложности практически невыполнима для лиц с аграмматической афазией.

В отличие от деепричастия и причастия имя действия не требует многоуровневого подхода в употреблении. С другой стороны, имя действия обладает грамматическими особенностями существительного, части речи, которая при аграмматической афазии хорошо сохраняются по сравнению с остальными частями речи. Мы полагаем, что нормальному употреблению имени действия в аграмматической речи способствует более простой механизм использования и грамматические особенности имени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ аграмматической спонтанной речи в узбекском языке показал, что использование форм глагола может соответствовать нормам языка и речи. Это отражается в употреблении правильных спрягаемых форм глаголов и их агглютинативной структурой в узбекском языке. Тем не менее, для лиц с аграмматической афазией отмечаются определенные трудности в употреблении вспомогательных глаголов и функциональных форм глагола, что объясняется сложностями когнитивного механизма их реализации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Пўлатова И., Пўлатов А., Мўминова Т. (2003). Дунёвий ўзбек тили. Тошкент.
- [2] Фуломов А. (1954). Фель. Тошкент.
- [3] Лурия А.П. (2009). Основные проблемы нейролингвистики. Москва.
- [4] Abuom T.O. & Bastiaanse R. (2012). Characteristics of Swahili–English bilingual agrammatic spontaneous speech and the consequences for understanding agrammatic aphasia // *Journal of Neurolinguistics*. P. 1—18. doi: 10.1016/j.jneuroling.2012.02.003.
- [5] Agrammatism (2015). Available at <https://en.wikipedia.org/wiki/Agrammatism> (accessed 20 September, 2015).
- [6] Bak T.H., O'Donovan D.G., Xuereb J.H., Boniface S. & Hodges J.R. (2001). Selective impairment of verb processing associated with pathological changes in Brodmann areas 44 and 45 in the motor neurone disease-dementia-aphasia syndrome // *Brain*, 124 (Pt 1). P. 103—120.
- [7] Bird H., Howard D., & Franklin S. (2000). Why is a verb like an inanimate object? Grammatical category and semantic category deficits // *Brain and Language*. 72. P. 246—309.
- [8] Caramazza A. & Hillis A. (1991). Lexical organization of nouns and verbs in the brain // *Nature*. 349. P. 788—790.
- [9] Dragoy O., Bastiaanse R. (2013) Aspects of time: Time reference and aspect production in Russian aphasic speakers // *Journal of Neurolinguistics*. 26. P. 113—128.
- [10] Friedmann N. & Grodzinsky Y. (1997). Tense and agreement in agrammatic production: Pruning the syntactic tree // *Brain and Language*. 56. P. 397—425.
- [11] Sanchez M. (1999). Extended projections in agrammatism // *LINGUISTICA Atlantica* 21. P. 169—184.
- [12] Yarbay Duman T., Altinok N., Özgirgin N. & Bastiaanse, R. (2011). Sentence comprehension in Turkish Broca's aphasia: an integration problem // *Aphasiology*. 25. P. 908—926.

USAGE OF VERB FORMS UNDER AGRAMMATIC APHASIA (the example of Uzbek language)

I.A. Azimova

Uzbekistan National University
University str., 4, Tashkent, Uzbekistan, 100174
iazimova@gmail.com

This article analyzes verb usage in Uzbek agrammatic spontaneous speech. The current problem is explored in the sample of Uzbek for the first time. The work is based on the experiment, in which two groups of participants were included: brain-damaged individuals who have aphasia, and non-brain-damaged individuals without aphasia. The analysis showed that there is no noun-verb dissociation in Uzbek agrammatic aphasia. But verb impairment is reflected in poor modal verb production and poor non-finite verb production. In the spontaneous speech of brain-damaged individuals, modal verbs are not used at all, and the number of non-finite verb forms is significantly lower than those of non-brain-damaged participants. The impairment explained by complexity of neurocognitive mechanism of their usage.

Key words: aphasia, verb, modal verbs, the participle, the gerund, speech production.

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И ФУНКЦИЯ СКАЗУЕМОГО В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.Д. Ким

Ташкентский государственный институт востоковедения
ул. Шахрисабз, 25, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000
kimnd69@gmail.com

В статье анализируются типы предложений и функция сказуемого в современном корейском языке, приводятся примеры, в которых особо выделяется роль сказуемого в качестве компонента предложения, несущего основную «нагрузку» в формировании предложения как коммуникативной единицы. Присутствие в корейском языке стилей речи (официально-вежливая, неофициально-вежливая, фамильярная стили) по выражению вежливого отношения и их реализация в речи показывает наличие иных грамматических форм сказуемого. Кроме того, сказуемое занимает место в конце предложения, что предопределяет его как основу для завершающих аффиксов. Завершающие аффиксы, в свою очередь, являются грамматическими показателями предложений, реализующих разные цели высказывания и стилей речи, а также участвуют при передаче эмоционально-экспрессивной семантики предложения.

Ключевые слова: предложение, повествовательное, вопросительное, восклицательное, побудительное, сказуемое, грамматико-семантическое, глагол, аффиксы.

В последнее время в Узбекистане активно ведутся научные исследования в области синтаксиса корейского языка. Особенно актуальным ставится вопрос изучения предложения как коммуникативной единицы в плане понимания (когниции).

Взаимодействие когнитивного и коммуникативного аспектов в изучении современного корейского языка вызывает большой интерес к типам предложения и его компонентам (членам). В настоящей статье нами рассматриваются типы предложений и функция сказуемого как основного компонента предложения.

Как принято, весть о каком-либо событии, явлении не всегда излагается в одной и той же грамматической форме, а существуют грамматические критерии и особенности повествовательных предложений [4. С. 358—359; 3. С. 343—347]. Повествовательное предложение в корейском языке (평서문) является одним из основных средств выражения мысли, сообщения, ответом на заданный вопрос и отличается от других предложений по цели высказывания не только своими интонационными свойствами, но и по грамматическому образованию, семантической природе. Такие предложения не всегда требуют прямого контакта участников речевого общения, хотя говорящий ориентируется на то, что его сообщение должно быть кем-то воспринято, т.к. в зависимости от этого присоединяются стилевые аффиксы. Отсюда и следует присутствие в корейском языке стилей речи, таких как официально-вежливый, неофициально-вежливый и др., а компонентом, несущим основную «нагрузку» для выражения грамматических особенностей стиля, является сказуемое.

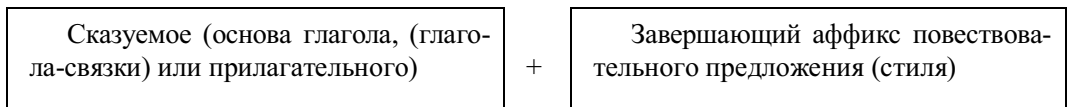
Сказуемое в повествовательном предложении, оформляясь аффиксами официально-вежливого стиля -ㅂ니다/-습니다 [-мнида/-сьмнида], обычно может быть любым по типу, например, простым глагольным:

눈이 옵니다. [Нун-и о-мнида]
«Идет снег»,

или составным именным:

그 것은 언어학원입니다. [Кы гбс-ын бнбхаквон-и-мнида]
«Это языковой центр подготовки».

Структура сказуемого в вышерассмотренных предложениях схематично выглядит следующим образом:

Структура же повествовательного предложения зависит от его содержания и характера. Например, если повествуется о движении, действии, то сказуемое — глагольное:

친구가 버스를 탔습니다. 그는 버스 안에 잠이 들었습니다.
[Чхингу-га пбсы-рыль тхасс-сьмнида. Кы-нын пбсы ан-е чами тырбсс-сьмнида]
«Друг поехал на автобусе. В автобусе он заснул».

Сказуемое в данном предложении 타다 [тхада] — «ехать на чем-то», 들다 [тыльда] — «требоваться, поднимать», 잠이 들다 [чам-и тыльда] — «задремать» (дословно: «в сон войти»). Выражение сказуемого, типа сочетания 잠이 들다 [чам-и тыльда] довольно распространено, так как каждое отдельное слово друг без друга не способно функционировать в предложении в качестве отдельных компонентов предложения, несмотря на присутствие ㅇ [и] — аффикса именительного падежа. Специфика такого рода сочетаний сказывается на структурных особенностях двусоставного корейского предложения. Если предположить, что 잠이 [чам-и] и 들다 [тыльда] являются самостоятельными компонентами предложения (не сочетанием, а отдельными словами, а это можно предположить по грамматической форме с аффиксом ㅇ [и]), то, по всей вероятности, их следует считать подлежащим и сказуемым, что, на наш взгляд, кажется абсурдным. Определяя грамматическую форму сказуемого, следует обязательно согласовать его со всеми особенностями функционирования и семантики слова, но уже внутри синтаксической единицы. При этом наша задача усложняется тем, что следует определить и минимальную единицу, т.е. вопрос о возможности или невозможности участия такого сочетания в предложении. В данном случае выпадение в сочетании 잠이 들다 [чам-и тыльда] невозможно.

С точки зрения семантики сказуемое в повествовательном предложении имеет форму не только с аффиксами -ㅂ니다/-습니다 [-мнида/-сьмнида], но и с другими аффиксами, обладающими эмоциональными оттенками, как, например, -고요

[гойо], -네요 [нейо], -데요 [дейо] и т.д. Они несут в себе то или иное смысловое значение, эмоциональную окрашенность, занимая место стилевых аффиксов. Так, в частности, аффикс -데요 [дейо], присоединяясь к основе сказуемого, выражает недоразумение, незнание обстановки, предположение, сомнение говорящего:

А: 왜 어제 전화를 안 받았습니까? [Вэ ѓдже чӓнхва-рыль ан падасс-сымникка]
«Почему (вы) вчера не отвечали на звонки?» (дословно: «Почему вчера не подошли к телефону?»)

Б: 어제 학교에 갔는데요. [ӓдже хаккйо-е катнындейо]
«Вчера, (вообще-то), (я) пошел в школу».

В диалоге передается недоразумение, непонимание собеседником (Б) сложившейся ситуации с помощью аффикса -는데요 [дейо] со значением «вообще-то». Или в предложении

그 아가씨가 예쁜네요 [кы агасси-га йеппынейо]
«(Ах), как та девушка красива!»

выражается восхищение говорящим красотой девушки при помощи аффикса -네요 [нейо]. Такое изобилие значений различается по разговорной ситуации, сложившейся в момент разговора, и интонационной окрашенности. Семантика этих предложений получила свою реализацию благодаря «присоединительной способности» сказуемого, т.е. сказуемое в этих предложениях наделено той основой, к которой присоединяются различные аффиксы повествования с различными эмоциональными оттенками.

В делении предложений, реализующих разные цели высказывания, в корейском языке выделяют и восклицательные предложения (감탄 서술문, 감탄 서술형, 감탄문) [1. С. 228—230; 4. С. 338—340; 2. С. 347—348], которые, на наш взгляд, скорее являются повествовательными предложениями. К ним относятся предложения, выражающие различные эмоции и/или эмоциональное состояние говорящего. Восклицательные предложения наделены лексико-грамматическими и интонационными особенностями, которые по существу не меняют грамматических правил образования форм сказуемого. К основе сказуемого в восклицательном предложении присоединяются аффиксы восклицания, удивления, восхищения -구나[-гуна] (сокр. -군[-гун], вежл.-군요[-гунйо]), -는구려 [-нынгурйо]/-은구료 [-ынгурйо]:

오늘도 비가 오는구나. [Онль-до пи-га онын-гуна]
«И сегодня идет дождь! (удивление)»

или

그 사람의 부인이 썩 미인이군요. [Кы сарам-ый пуин-и пхӓк миин-и-гунйо]
«Супруга того человека (ну, просто) красавица! (восхищение)».

Если сказуемое получает свое выражение глаголом действия, то к основе глагола присоединяется -는군요 [-нынгунйо], образуя одновременно форму настояще-

го времени, а именное сказуемое образуется при помощи глагольной связки *이다* [ида] и аффикса *-ㄴ ㄱ ㅁ ㅂ ㅅ ㅈ ㅊ ㅋ ㆁ ㅅ ㅈ ㅊ ㅋ ㆁ ㅅ ㅈ ㅊ ㅋ ㆁ* [-нгуной].

Функционирование сказуемого в вопросительных предложениях не имеет особых структурных изменений. Как отмечалось, предложение в качестве коммуникативной единицы языка характеризуется прежде всего тем, что содержит сообщение, высказываемое говорящим с определенной целью. Вопросительные предложения (*의문문*) несут в речи особую функцию — выяснения (стремление узнать о чем-либо, уточнить что-либо с помощью специальных средств языка — грамматических, лексических и интонационных) [3. С. 31; 2. С. 349—352; 4. С. 403—412]. Если повествовательные предложения не требуют прямого контакта участников речевого общения, то вопросительные в типичных случаях их употребления зачастую предполагают прямое назначение, которое состоит в том, чтобы вызвать определенную активность со стороны собеседника.

Наряду с лексическим, морфологическим, синтаксическим способами образования вопросительного предложения в корейском языке существует так называемый грамматико-семантический способ. Образование вопросительного предложения может быть осуществлено грамматико-семантическим способом и присоединением аффикса (*으*)*ㄴ ㅁ ㅂ ㅅ ㅈ ㅊ ㅋ ㆁ ㅅ ㅈ ㅊ ㅋ ㆁ* [-ы/ль ккайо], который привносит изменения в семантическую природу вопросительного предложения, т.е. выявляется не только значение вопроса, но значение разрешения совместного действия говорящего с собеседником, например,

오늘은 같이 갈까요? [Оныр-ын катчи ка-льккайо] (Из разговора).
«(Может быть), сегодня пойдём вместе?»

Наиболее типичный способ образования вопросительного предложения непосредственно связан с формой сказуемого, образующегося завершающими вопросительными аффиксами *-ㄴ ㅁ ㅂ ㅅ ㅈ ㅊ ㅋ ㆁ ㅅ ㅈ ㅊ ㅋ ㆁ* [-мникка]/-습니까? [-сымникка]:

그 여자가 당신을 좋아합니까?
[Кы йоджа-га тансин-ыль чоаха-мникка]
«Та женщина любит вас?»

Сказуемое в вопросительном предложении, как и в повествовательном, может быть любого типа по структуре и морфологическому выражению, но обязательно должно иметь форму с вопросительными аффиксами *-ㄴ ㅁ ㅂ ㅅ ㅈ ㅊ ㅋ ㆁ ㅅ ㅈ ㅊ ㅋ ㆁ* [-мникка]/-습니까? [-сымникка]. Важно отметить, что даже присутствие вопросительных местоимений в лексической конструкции вопросительного предложения не исключает преобразования сказуемого завершающим аффиксом вопроса.

Сфера употребления побудительных предложений (*명령문*) достаточно широка, так как грамматическое выражение эмоционального состояния человека имеет не меньше значений, чем выражение повествования [4. С. 412—419; 2. С. 352—359]. Организация побудительных предложений носит различные преобразования путем аффиксации, но основное семантическое содержание в таких предложениях сохраняется. Гораздо реже в побудительных предложениях выражается намерение самого говорящего совершить какое-либо действие.

В корейском языке можно допустить определение побудительных предложений как модальных, выражающих побуждение, желание, условие и т.д. Побудительные предложения выражают также различные оттенки волеизъявления — от категорического приказания до просьбы и сообщения. Побудительное предложение (официально-вежливого стиля) чаще всего образуется при помощи аффикса -십시오/-으십시오 [-сипсио/-ысипсио] в сказуемом. Такая заключительная форма, в которой говорящий побуждает слушающего к какому-либо действию или требует от него чего-либо, образуется в сказуемом предложения:

내일 아침에 다시 나와 주십시오 [5. С. 422—423] (составное глагольное сказуемое)

[Нэиль ачхим-е таси нава чу-сипсио]

«Завтра утром, пожалуйста, выйдите еще раз!»;

여기 들어 오지 마십시오. (составное глагольное сказуемое)

[Ёги тырё оджи ма-сипсио]

«Не заходите, пожалуйста, сюда!»

Побудительные предложения по своей структуре весьма разнообразны. Нередко примерами побудительных предложений могут являться предложения, в которых присутствуют вспомогательные глаголы 주다 [чуда] — «давать», 보다[пода] — «видеть, смотреть», например:

그 가방을 갖다 주십시오. (составное глагольное сказуемое)

[Кы кабань-ыль катта чу-сипсио]

«Принесите, пожалуйста, эту сумку».

집에서 읽어 보십시오. (составное глагольное сказуемое)

[Чибесё ильгё по-сипсио]

«Попробуйте почитать дома».

В приведенных предложениях сказуемые 갖다 주십시오 и 읽어 보십시오 являются составными глагольными, так как образованы от глаголов 갖다 [катта] — «брать» и 읽다 [и(ль)кта] — «читать» и вспомогательных глаголов 주다 и 보다 с завершающими аффиксами — 으십시오/-십시오 [-ысипсио/-сипсио]. Первоначальное значение глаголов 주다 [чуда] — «давать», 보다 [пода] — «видеть, смотреть» меняется в сочетании с другим глаголом, приобретая значения 주다 [чуда] — «делать для кого-то», 보다 [пода] — «пробовать что-либо сделать».

Особенность сказуемого в пригласительных (точнее назвать их как предложения, побуждающие к совместному действию) предложениях заключается в том, что оно исключительно глагольное — простое или составное, образованное при помощи завершающих аффиксов -ㅂ시다 [псида] / -읍시다 [-ыпсида], которые используются в значении побуждения к совместному действию:

방이 더우니 밖으로 나갑시다 [4. С. 431].

[Пань-и тёуни пакк-ыро нага-псида]

«В комнате жарко, давайте выйдем!»

Деление на типы предложения связано с грамматической способностью сказуемого путем аффиксации образовывать грамматическими средствами формы повествовательного, вопросительного, повелительного и побудительного предложений. Главная роль отводится сказуемому предложения, функция которого заключается в том, что оно выступает во всех проанализированных нами предложениях не только основным компонентом, но главным связующим «выразителем» в предложениях, реализующих разные цели высказывания. Кроме того, распределяя функции сказуемого, выявляется необходимость указать на особенности образования в рамках грамматической и семантической характеристики. В предложении ниже таблице 1 эти особенности отражены пунктами 3* и 4*.

Таблица 1

Основные функции в предложении типов сказуемого

Тип сказуемого	1*	2*	3*	4*
Простой	+	+	–	+
Составной	+	+	+	+
Производно-составной	+	+	+	+
Сложное составное	+	+	+	+

1* — грамматическая основа для присоединения аффиксов предложений, реализующих разные цели высказывания. 2* — грамматическая основа для присоединения аффиксов эмоционально-оценочных и эмоционально-окрашенных значений. 3* — образование с участием глагольных связей, зависимых существительных, аффиксов именительного, творительного падежей и др. 4* — способность реализации значения указания на вежливое отношение.

Отраженные в таблице данные и анализ природы сказуемого показывают, что практически все типы образуются с участием не только глаголов, но и других частей речи, аналитическими конструкциями (форм запрещения, значения длительного времени, предельного значения и т.д.). Присутствие же в корейском языке стилей речи по выражению вежливого отношения указывает на особенности грамматической структуры и морфологического выражения сказуемого. Отсюда следует, что сказуемое в корейском языке является грамматической основой для образования предложений, реализующих разные цели высказывания. Так, выражение повествовательного, вопросительного, побудительного, восклицательного предложений осуществляется завершающими аффиксами, в частности, официально-вежливого стиля –*니다*/-*습니다* [-мнида/-сымнида], –*니까*/-*습니까* [-мникка/-сымникка], –*시오*/-*읍시오* [-сипсио/-ысипсио], –*시다*/-*읍시다* [-псида/-ыпсида] и другими эмоционально-окрашенными аффиксами. Более того, сказуемое в корейском языке неизменно занимает место в конце предложения, что предопределяет его как основу для завершающих аффиксов. Последние, как упоминалось выше, являются грамматическими показателями типов предложений, реализующих разные цели высказывания и стилей речи. В предложениях, выражающих побуждение, эмоциональное состояние говорящего, различные чувства, побудительная интонация играет не такую важную роль, как завершающие аффиксы в сказуемом, имеющие дополнительные значения, эмоциональные оттенки, такие как *고요* [гойо], *-네요* [нейо], *-테요* [дейо], *-굳요* [-гунйо] либо их вариантов и т.д.

Таким образом, в научной литературе вопрос деления на типы предложений в корейском языке имеет неоднозначные выводы. Особенно актуальными являются вопросы классификации типов предложения на уровне их восприятия и использования. Кроме этого, сложность представляет и определение коммуникативной единицы, ее минимальный состав, при котором определяется информативная достаточность в коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ким Ф.* (2002). Грамматика современного корейского языка [The Grammar of modern Korean language]. Алматы: КазНУ.
- [2] *Нам Ги Сим* (2001). Теория нормативной грамматики корейского языка [The theory of normative grammar of the Korean language]. Сеул: Тхап. 남기심, 고영근. 표준국어문법론. 서울, 탑출판사.
- [3] *Пак Ёнг Сун* (1991). О значении вопросительного предложения в родном языке. Сеул: Хангукмунхвава [The significance of an interrogative sentence in his native language]. 박영순. 국어 의문문의 의미에 대하여 (국어의 이해와 인식. 김석득 교수 환갑기념).
- [4] *Се Джэнг Су* (1996). Грамматика родного языка [The grammar of the native language]. Сеул: Университет Ханянг. 서정수. 국어 문법. 서울, 한양대학교 출판원.
- [5] *Хван Сун Вон* (1994). Ливень [Shower]. Сеул: Бенянгса. 황순원. 소나기. 변양사, 서울.

SENTENCE TYPES AND PREDICATE FUNCTIONS IN THE KOREAN LANGUAGE

N.D. Kim

Tashkent State Institute of Oriental Studies
Shahrisabs str., 25, Tashkent, Uzbekistan, 100000
kimnd69@gmail.com

The types of sentences and functions of a predicate in contemporary Korean are analyzed in this article. There are also examples, in which the predicate is highlighted as the main part forming a sentence into a communicative unit. Other grammatical forms of a predicate are also possible. Besides, a predicate takes place at the end of a sentence, which defines it as a basis for ending affixes. Ending affixes, in their turn, are grammatical indicators, realizing different styles of language and taking part in transference the emotional meaning of a sentence.

Key words: sentence, narrative, interrogative, exclamatory, predicate, grammatical, semantic, verb, affixes.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ

УДК 811.111'373.45:81'374

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ ОТБОРА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СОЦИОЛОГИИ

Т.А. Майкова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/1, Москва, Россия, 117198
maykova_ta@pfur.ru

В статье описывается процедура отбора терминологической лексики для отраслевого социологического словаря и предпринимается попытка обоснования критериев отбора с учетом базовых признаков терминов, а также требований, предъявляемых к ним. Материалом для отбора послужили отраслевые словари, энциклопедии, монографии, научные статьи. В процессе отбора выявляется наличие у англоязычной терминологии социологии таких признаков терминологической неопределенности, как терминологическая синонимия и полисемия, вариативность написания, отсутствие у специалистов единого взгляда на предмет, что можно рассматривать как признаки «молодой» терминологии. Одновременно с этим наблюдаются и черты зрелой терминологии, такие как наличие терминологического ядра, состоящего в основном из однословных и двусловных терминов.

Ключевые слова: терминология социологии, критерии отбора, признак частотности, специфичность употребления, конвенциональность, мотивированность.

Общепризнано, что терминология любой области знания служит основным средством обработки, хранения, развития и трансляции концептуальных парадигм в науке. Более того, само по себе закрепление термина в подязыке науки, представляя достижения процесса познания в конкретной предметной области, является отправной точкой дальнейших исследований и задает их направление. В.М. Лейчик считает, что в философско-гносеологическом определении термина должны быть отмечены два его признака: то, что термины используются как средство закрепления результатов познания в специальных областях знаний и деятельности; и то, что термины, наряду с функцией фиксации, выполняют и функцию открытия нового знания [6. С. 70].

В качестве одного из способов фиксации и упорядочения понятийно-терминологического аппарата определенной предметной области может выступать разработка словарей и других лексикографических источников.

В основе разработки концептуальных основ проектирования отраслевых словарей или тезаурусов лежит понятие «язык для специальных целей» (Language for Special Purposes (LSP)).

Язык для специальных целей является функциональной разновидностью литературного языка, обслуживающей профессиональное общение, он неоднороден по своему составу, в нем можно выделить несколько языковых страт в зависимости от степени кодифицированности и информационной содержательности используемых единиц: терминология, устная профессиональная лексика, профессиональные жаргонизмы, номенклатура. При этом представители определенных профессий зачастую склонны считать терминами все слова, имеющие отношение к их профессиональной деятельности.

Подобный подход представляется не вполне обоснованным. Задача лексикографа, таким образом, состоит в том, чтобы установить, есть ли достаточные основания для того, чтобы отнести те или иные слова к терминам. В поисках приемлемого определения понятия «термин» некоторые исследователи обращаются к его функциям, выдвигая на первое место его способность выражать и формировать профессиональное понятие с точки зрения определенной профессии.

Сложность лексикографического описания подязыка социологии во многом обусловлена структурой научной дисциплины *per se*. Так, английский социолог Энтони Гидденс¹ считает, что не существует единой социологической теории как логически выстроенной последовательности дедуктивно взаимосвязанных законов или обобщений.

Принято различать теоретическую, эмпирическую и прикладную социологию, а также макросоциологический и микросоциологический подходы. Американский социолог Рэндалл Коллинз² описывает четыре классические идейные школы социологии: традицию конфликта К. Маркса и М. Вебера (Германия); структурный функционализм П. Дюркгейма (Франция), получивший развитие в трудах Р. Мертона и Т. Парсонса (США); микроинтеракционистскую традицию Ч. Пирса, Дж. Мида, Г. Блумера и Г. Гарфинкеля (США) и утилитарно-рациональную традицию выбора, представленную работами Дж. Хоманса, П. Блау и Дж. Коулмана (США). Кроме того, сами социологи считают социологию относительно молодой научной дисциплиной, которая все еще находится в процессе становления. Существует множество отраслей социологии, число которых продолжает расти.

С другой стороны, дополнительную сложность создает размытость границ социологической терминосистемы в целом. Она обусловлена, с одной стороны, сложностью структурного вычленения собственно социологического знания в ряду других областей социальных наук, и с другой стороны, высокой степенью погруженности социологического текстопроизводства в публичный дискурс³. Широкое

¹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. МОСКВА: Академический проект, 2003.

² Коллинз Р. Четыре социологических традиции. Москва: «Территория будущего», 2009.

³ См. напр. Батыгин Г.С. «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук. Социальные науки в постсоветской России / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свищерски. Москва: Академический проект, 2005

кое использование социологических терминов в публичной речи, в том числе и ненаучной, их совпадение по форме со словами обиходного языка (*family, group, capital, etc.*) ведут к возникновению иллюзии «понятности» термина, даже взятого вне рамок строго научного определения.

Таким образом, при моделировании англоязычной терминосистемы научного подязыка социологии необходимо принимать во внимание ее гетерогенный состав, а также тот факт, что она представляет собой совокупность частично перекрывающихся подсистем, актуализирующихся в рамках конкретных научных теорий, подходов и школ. При этом общая целостность структуры реализуется через системные отношения, связывающие как отдельные терминологические элементы, так и подсистемы.

С учетом вышеизложенного, с целью отбора материала для анализа и его дальнейшего представления в нашем терминологическом социологическом словаре, возникает необходимость обратиться к широкому кругу разнообразных источников: отраслевым словарям, энциклопедиям, монографиям, научным статьям и рефератам.

Стандарт «Библиографические ссылки и идентификаторы источников для терминологической работы» Международной организации по стандартизации (ИСО: ISO 12615:2004) в главе 4 «Формы публикаций» выделяет следующие источники терминов: коллекции терминологических данных, такие как словари и глоссарии; монографии; периодические издания; терминологические стандарты; акустическая информация (речь и аудиозаписи); электронные источники, такие как терминологические и другие базы данных. При этом словари и глоссарии рассматриваются как источники, представляющие особый интерес (табл. 1).

Таблица 1

Список анализируемых лексикографических источников

	Автор(ы)	Название	Издательство	Год изд.	Объем
a.	Abercrombie N., Hill S., Turner B.S	The Penguin Dictionary of Sociology	London: Penguin Books	2006	620 p
b.	Boudon R., Bourricaud F.	A Critical Dictionary of Sociology	London: Rouledge	1989	438 p
c.	Calhoun C.	Dictionary of the Social Science	Oxford University Press	2002	181 p
d.	Elwell F.W.	Glossary of the Social Sciences. Appendix // Sociocultural Systems: Principles of Structure and Change	AU Press	2013.	pp. 193—260
e.	Ritzer G., Ryanhe J. M	Concise Encyclopedia of Sociology	Blackwell Publishing Ltd.	2011	701 p
f.	Электронный ресурс	Sociology Dictionary	http://sociology.about.com/od/Dictionary/		
g.	Turner B.S.	The Cambridge Dictionary of Sociology	Cambridge University Press	2006	688 p

В рамках отбора терминов для терминологического социологического словаря мы провели сопоставительный анализ заголовочных единиц, представленных в отраслевых социологических словарях (табл. 1: a, b, f, g), словарях социальных

наук (табл. 1: с, d), и социологических энциклопедиях (табл. 1: е). Кроме того, отбор лексических единиц, имеющих признаки терминов, осуществлялся из научных публикаций и монографий.

Необходимо отметить, что проанализированные лексикографические источники существенным образом отличаются как объемом, так и списками заголовочных единиц, а также степенью подробности описания. Кроме того, наблюдается определенная разница концептуальных подходов их составителей и разные принципы отбора терминологической лексики. Так, например, Р. Будон и Ф. Бурико (табл. 1: b) не претендуют на полноту и нормативность, а ставят задачу критического анализа основных проблем социологии, устранения противоречий, вызванных неоднозначностью толкования некоторых терминов, а также раскрытия взаимосвязи между фундаментальными социологическими концептами.

Преследуя задачу отразить как социологическую традицию, так и новые исследования в области социологии, словарь Н. Аберкромби и др. (табл. 1: а) отражает основные подходы британской и, шире, европейской социологии, которая, с точки зрения проблематики, существенно отличается от социологии американской, хотя и находится в процессе сближения с последней, по крайней мере, на теоретическом и понятийном уровне. Н. Аберкромби и Дж. Ритцер (табл. 1: е) также подчеркивают факт и необходимость регулярного переиздания своих словарей, обусловленного задачей обновления лексического состава словаря вслед за развитием самой науки, появлением в ней новых областей исследования и динамикой самого объекта социологического описания.

Б. Тернер (табл. 1: g), не отвергая междисциплинарный подход, подчеркивает необходимость сохранения социологического «канона» и ставит цель отразить и европейскую, и американскую традицию в социологии. Словарь К. Колхауна (табл. 1: с) и глоссарий Ф. Элвела (табл. 1: d) не отграничивают социологию от других дисциплин гуманитарного дискурса. Электронный социологический словарь (табл. 1: f) отражает в основном подход американской социологической школы.

Необходимо отметить, что ни один из проанализированных словарей не является в строгом смысле слова терминологическим словарем, то есть глоссарием специализированного типа, представляющим список терминов по профилю социологии. Судить об этом позволяет, например, наличие среди заголовочных элементов таких нетерминологических единиц как личные имена исследователей, внесших существенный вклад в развитие социологии как науки (напр. *Charles Horton Cooley, George Caspar Homans*); многословных словосочетаний, не несущих функции номинации, то есть не называющих понятие, а представляющих его в определенном аспекте (*abortion as a social problem, four reasons for deindustrialization*), а также парных словосочетаний (*feminization and masculinization, addiction and dependency*). Следовательно, при составлении отраслевого терминологического словаря на базе социологических словарей возникает необходимость отбора терминологических единиц на базе определенных критериев.

Единого ответа на вопрос об универсальных критериях отбора терминов до сих пор не существует: так, например, О.А. Алимуратов и др. считают, что «уже установленные и описанные признаки терминов должны быть в определенной ме-

ре пересмотрены» и уточнены [1. С. 9—10]. В то же время в работах других ученых-терминологов, таких как В.М. Лейчик, Б.Ю. Городецкий, С.В. Гринев-Гриневич, Д.С. Лотте, выделены и обоснованы основополагающие (системность, точность, тенденция к формированию терминологических оппозиций) и желательные (мотивированность, моносемичность и т.д.) характеристики термина.

При отборе лексики мы исходили в первую очередь из принципа **номинативности** и **частотности** термина, его внедренности в профессиональную коммуникацию, оказывая предпочтение терминологическим единицам, не вызывающим разногласий у специалистов. С этой целью методом сплошной выборки мы провели анализ 4328 словарных статей в семи лексикографических источниках (рис. 1, а-г) на наличие совпадающих заголовочных единиц. При этом мы учитывали синонимию (напр. *age-sex pyramid* и *population pyramid*, *double consciousness* и *dual consciousness*, *achieved status* и *acquired status*) и вариативность написания (*deindustrialization* и *de-industrialization*, *labeling theory* и *labelling theory*, *nonparametric statistics* и *non-parametric statistics*), считая единицы, несущие данные признаки, совпадающими. Различение формы единственного и множественного числа мы сочли нерелевантным для данного исследования и не учитывали при подсчете, поскольку, как показал анализ словарных статей, при переходе от формы единственного к форме множественного числа (*cohort* и *cohorts*, *group* и *groups*, *zero-sum game* и *zero-sum games*) не происходит изменений в семантике термина. Нами был также зафиксирован, по крайней мере, один случай полисемии (*base/superstructure* (рус. *базис/надстройка*) и *mental/cultural superstructure* (рус. *суперструктура*)), в данном случае мы сочли термины различными.

Выявление и подсчет совпадающих заголовочных единиц в словарях и энциклопедиях в целом подтвердил отсутствие единых методологических подходов в социологии как научной дисциплине. Из общего количества 3044 лексических единиц (с учетом повторов) число элементов, встречающихся более чем в одном словаре, составляет всего лишь 710 терминологических элементов, или 23%. При этом число элементов с невысоким количеством вхождений (2—3 вхождения) составляет 17%, что почти в три раза выше, чем число элементов, имеющих от четырех до семи вхождений (6%) (рис. 1).

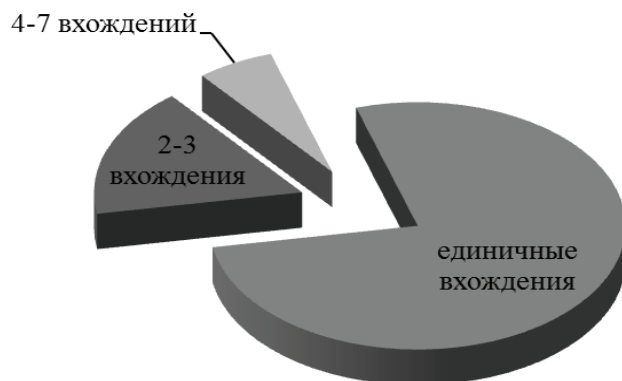

Рис. 1. Число вхождений заголовочных единиц в словарях

Во-вторых, при отборе лексики для отраслевого терминологического словаря мы опирались на критерий **специфичности употребления**. С. Гринев-Гриневиц указывает на специфичность употребления как на основной критерий терминологичности [3. С. 26]. Под специфичностью употребления понимается использование слова или словосочетания в значении, обретающем смысл только в пределах определенного вида деятельности или области научного знания. Признак специфичности употребления термина при работе со словарями позволяет исключить лексические единицы, имеющие отношение к смежным областям социальных наук, а также не обладающие специфическим значением, реализуемым исключительно в контексте профессионального социологического дискурса.

Через призму критерия специфичности употребления может рассматриваться и семантическая целостность неологизмов, то есть формирование у терминологического словосочетания нового значения, не выводимого из значений отдельных его компонентов [12. С. 26], поскольку это новое значение актуализируется только в рамках профессионального общения (*hidden curriculum, grounded theory, imagined community, out-group homogeneity* и др.).

В-третьих, при отборе учитывалась **конвенциональность** термина. А.В. Левов определяет конвенциональность термина как соглашение, по меньшей мере нескольких специалистов принять предложенную одним из них форму выражения нового термина и применять ее к определенному создателем термина содержанию (см. [7]). В широком смысле конвенциональность подразумевает и целенаправленный характер появления термина [3. С. 29], то есть сознательное терминотворчество. В свете вышеизложенного мы отбирали те лексические единицы, авторство которых может быть прослежено (напр. *affectivity (by Talcott Parsons), collective conscience (by Emile Durkheim), consumerist culture (by Zygmunt Bauman)* и т.д.).

Кроме того, мы принимали во внимание такое свойство термина как **способность образовывать терминологические оппозиции** (напр. *kinship — bilateral kinship, fictive kinship, ritual kinship* и т.д.).

Еще одним существенным признаком мы считаем **мотивированность термина**. Примерами терминов с ясно выраженной мотивировкой могут выступать термины, образованные при участии имен собственных (**эпонимы**), а также термины, образованные на основе **метафоры**. В.М. Лейчик считает что, большая часть эпонимов представляет собой термины [5. С. 136]. Е.М. Какзанова называет эпонимы пропозициональными сообщениями, несущими когнитивную информацию, достаточную для возникновения профессиональной коммуникации [4. С. 270]. Метафоры же в научном дискурсе обеспечивают образное восприятие сути научного открытия, а также помогают осмыслить абстрактные, не поддающиеся буквальному выражению в языке объекты (подробнее об этом см. [8]). Необходимо отметить, что и термины-эпонимы, и термины, образованные на метафорической основе, нашли отражение в проанализированных словарях (*acephalous society* (букв. *безголовое общество*), *Asch experiments* (*эксперимент Аша*), *disneyfication* (букв. *диснеефикация*), *iron cage* («железная клетка»), *invisible religion* (*невидимая религия*) и др.

При отборе учитывались также возможные способы достижения **краткости** термина. По мысли Е.И. Головановой [2. С. 11], когнитивная сложность научного знания требует для своего адекватного выражения в текстах использования менее громоздких слов, что находит отражение в стремлении к свертке смысла на всех уровнях: к сокращению словосочетаний, к аббревиации, универбации и т.п. Таким образом, мы выделяли заголовочные единицы, образованные по принципу аббревиации, сокращения, словосложения (*mediascape*, *minimax theorem* (ММ-theorem), *matrilocaliy*, *groupthink* и т.д.).

Еще одним способом получения однословного термина является аффиксация.

В.Ф. Новодранова указывает на словосложение и аффиксацию как на один из особенно продуктивных способов пополнения терминологической лексики [9. С. 214]. Вопрос о том, какие словообразовательные аффиксы являются наиболее продуктивными в рамках научного дискурса, рассматривался такими исследователями, как М. Aronoff, F. Rainer, Е.М. Какзанова. Для социальных наук, в частности, частотными являются префиксы *bio-* (*biodemography*), *co-* (*co-determination*), *dys-* (*dysfunction*), *post-* (*post-Fordism*), *non-* (*nonconformist deviance*), *neo-* (*neoliberalism* (неолиберализм) и суффиксы *-acy* (*legitimacy*), *-ity* (*affectivity*), *-ation* (*structuration*), *-ism* (*organicism*) и др.

С учетом прагмалингвистического требования **интернациональности термина** мы обращали внимание на заимствованные понятия, присутствующие среди заголовочных единиц в проанализированных источниках. Некоторые языковеды отмечают, что существует определенная тенденция рассматривать заимствованное слово как термин, поскольку оно выделяется на фоне словарного состава своего языка как что-то инородное, при этом представление этого слова в нескольких иностранных языках бывает важнее, чем наличие у него дефиниции [10. С. 11]. Представленные в проанализированных словарях иноязычные элементы заимствованы в основном из немецкого языка (*Gemeinschaft* (сообщество), *Gesellschaft* (общество), *Methodenstreit* (полемика о методологических принципах), *Naturwissenschaften* (естественные науки), *Verstehen*¹ («понимающая социология»), *Zeitgeist* (дух времени), *Zweckrational* (целерациональное действие), что обусловлено экстралингвистическими причинами, а именно историей социологии как науки. Наличествуют также единичные заимствования из французского (*bricolage* (бриколаж)) и испанского (*mestizo* (метис)) языков.

Еще одним источником отбора лексики для лексикографического моделирования выступили научные социологические тексты. При этом мы исходили из принципов когнитивно-дискурсивного подхода когнитивной лингвистики (когнитивного терминоведения). При таком подходе утверждается, что процесс когниции осуществляется в дискурсе при создании так называемых терминопорождающих текстов. В этом процессе получаемые тексты — это как бы промежуточные станции на пути познания (когниции), а термины — опорные точки, вышеназванные «имена сгустков смысла» [6. С. 67].

¹ Э. Гидденс считал, что большинство из тех, кто связан с социологией, не считает это понятие частью собственного лексикона. При этом оно входит в четыре (!) из семи проанализированных словарей.

Совершенно очевидно, что в процессе научного текстопроизводства задействуются как терминологические элементы, так и элементы национального языка. Проблема отбора соответственно, состоит в определении способов идентифицировать терминологические элементы в тексте. Необходимо отметить, что принципы, которые мы применяли при отборе терминологических элементов и из словарей, и из научных социологических текстов, во многом совпадали. При анализе текста мы сходным образом обращали внимание на лексемы с аффиксацией (*Interpretivism, concourse, doing gender*), аббревиатуры и сокращения (*Consensus-Based Assessment (CBA), TPI-theory, R-methodology, Q-sort*), лексемы, построенные на различной основе (*cobra effect, Crab Bucket Theory*), лексемы, включающие в себя имена собственные (*Abilene paradox*), иноязычные элементы (*Gemütlichkeit* («социальный комфорт» — перевод мой Т.М.)).

Мы учитывали также словосочетания, одним из компонентов которых являются общенаучные и межотраслевые термины (*method, methodology, assessment, technique, coefficient, sociology, theory*), а вторым — видовой признак (*Memoir Method, life-history methodology, oral memoir technique, humanistic coefficient, Humanistic Sociology, Cultural Consensus Theory*).

В разработку также брались словосочетания, заключенные в кавычки («*cultural data, 'I and the 'me'*). Согласно Словарю-справочнику лингвистических терминов¹, кавычки употребляются для выделения прямой речи, цитат, отсылок, названий литературных произведений, газет, журналов, предприятий, а также отдельных слов, если они включаются в текст не в своем обычном значении, используются в ироническом смысле либо предлагаются впервые. Речь может идти об авторских неологизмах, либо об отсылке к трудам других авторов, при том, что неологизм уже закрепился, но еще не полностью вошел в научный обиход.

Отобранные из научных социологических текстов единицы проверялись на наличие в имеющихся в нашем распоряжении словарях (рис. 1: a-f). В случае отсутствия отобранных единиц в словарях проводилась дальнейшая работа по установлению дефиниции, выявлению признака частотности, признака системности, и, если возможно, признака конвенциональности.

Проведенный анализ позволяет прийти к некоторым выводам. Во-первых, очевидным представляется отсутствие единого взгляда на предмет у самих представителей отрасли, так же как не существует и единого мнения по вопросу разграничения терминологии социологии от терминологий других социальных наук. На концепцию составления энциклопедических словарей и отбор единиц описания оказывает влияние личность составителя, его собственные научные взгляды, а также принадлежность к определенной научной школе. Во-вторых, наличие определенного пласта лексики, в отношении которой у специалистов не возникает разногласий, позволяет говорить о том, что внутри научного подъязыка социологии уже сложился определенный канон, в основном состоящий из одно- и реже двусловных терминов (*abstracted empiricism, acculturation, adaptation, accommoda-*

¹ Словарь-справочник лингвистических терминов / Под ред. Д.Э. Розенталя, М.А. Теленкова. Москва: Просвещение, 1976.

tion, class consciousness, cohort, collective behavior, cultural capital, deindustrialization, ethnocentrism, Fordism, habitus, ideal type), participant observation, reference group, stigma, Total Institution, unobtrusive measure и др.). Наличие подобного терминологического ядра в терминологии социологии можно рассматривать как один из признаков ее зрелости, так как по мысли В.М. Лейчика, чем больше компонентов в том или ином термине, тем он новее (см. [11. С. 199]).

Кроме того можно также отметить, что терминология социологии обладает и определенными чертами молодых развивающихся систем, такими как наличие так называемых гипотетических (необщепринятых) терминов, терминологической синонимии и полисемии и, шире, терминологической неопределенности, т.е. отсутствием у специалистов единого мнения по поводу определения некоторых понятий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алимуратов О.А., Раздубев А.В., Лату М.Н. (2011). Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий): монография. [Specific Traits and Functions of Professional Terminological Systems (as Exemplified in Nanotechnology Terminology)]: Пенза: СНЕГ.
- [2] Голованова Е.И. (2013). Профессиональная языковая личность в когнитивно-коммуникативном аспекте: монография [Professional Linguistic Personality in Cognitive and Communicative Aspect]. Челябинск: Издательский центр ЧелГУ.
- [3] Гринев-Гриневич С.В. (2008). Терминоведение: учебн. пособие для студентов высших учебных заведений [Terminology Studies. Manual for University Students]. Москва: «Академия».
- [4] Какзанова Е.М. (2015). Имя собственное в термине: Монография [Proper Names in Terminology]. М: «Галлея-принт».
- [5] Лейчик В.М. (2011). Обсуждение проблем эпонимии в современной науке [Eponymy Discussions in Modern Science] // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия / Материалы международной научно-практической интернет-конференции [Law and Language: Central Problems of Interaction] / Под ред. В.Ю. Меликян. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство. С. 134—143.
- [6] Лейчик В.М. (2009). Терминоведение: Предмет, методы, структура [Terminology Studies: Subject, Methods, Structure]. М.: Книжный дом «Либроком».
- [7] Лемов А.В. (2000). Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии) [Systems, Structure And Functions of Scientific Terminology (as Exemplified in Russian Linguistic Terminology)]. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та.
- [8] Майкова Т.А. (2015). Концептуальная метафора в терминологии социологии. [Conceptual Metaphor in Sociological Terminology]. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика» [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. «Theory of Language. Semiotics. Semantics» Series]. № 3. С. 65—73.
- [9] Новодранова В.Ф. (2008). Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии [Nominal Word-Formation in Lingua Latina and its Representation in Terminology]. М: Языки славянских культур.
- [10] Суперанская О.В., Подольская А.Н., Васильева Н.В. (2009). Общая терминология. Вопросы теории. Москва: Наука.
- [11] Хакиева З.У., Раздубев А.В. (2012). Основные индивидуальные (вариативные) характеристики англоязычных систем строительной и нанотехнологической терминологии // Тео-

ретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Т.Н. Синеокова. Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова. Вып. 7. С. 191—206.

- [12] *Эздекова Л.Б.* (2003). Семантико-синтаксические свойства и типы именных терминологических словосочетаний (На материале экономической терминологии) // Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск.

BASIC CRITERIA FOR TERMINOLOGY SELECTION IN COMPILING LEXICOGRAPHIC MODEL OF SOCIOLOGICAL TERMINOLOGY IN ENGLISH

T.A. Maikova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/1, Moscow, Russia, 117198
maikova_ta@pfur.ru

The article describes the process of terminology selection for sociological terminology dictionary and attempts to justify the selection criteria on the basis of fundamental terminology characteristics and requirements. The terms were selected from sociologic dictionaries, encyclopedias, monographs, scientific articles. The selection revealed particular signs of uncertainty within English sociological terminology such as cases of synonymy and polysemy, variability of spelling as well as the lack of common vision among the specialists. All these can be seen as tokens of immature terminology. At the same time, there are also traits inherent to older terminologies such as the existence of the so-called terminological core, consisting mostly of single-word and two-word terms.

Key words: terminology of sociology, selection criteria, frequency, specificity, conventionality, substantiation.

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ И НОВЫЕ СЛОВА-КОМПОЗИТЫ В СЛОВАРЕ СЛОЖНЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н.М. Меркурьева

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Стремянный пер., 36, Москва, Россия, 117997
kafrus@pochta.ru

В статье рассматривается лексикографическая презентация окказионализмов и неологизмов в специальных и общих словарях. В связи с тем, что окказионализмы, как правило, не фиксируются в словарях русского языка, проблема лексикографирования данных категорий слов особенно актуальна. В статье проанализирован набор отличительных черт окказиональных слов-композигов, рассмотрены критерии отграничения композигов-окказионализмов — от узуальной лексики до неологизмов, обосновывается необходимость включения окказиональной лексики в разрабатываемый словарь композигов-синонимов русского языка.

Ключевые слова: окказионализм, неологизм, индивидуально авторское новообразование, композит, сложные слова, словари, лексикография, композитная синонимия.

Одной из задач при составлении толкового словаря является поиск критериев отграничения окказиональных слов от новых слов литературного языка. Эта проблема становится особенно актуальной сегодня, когда количество новых слов, понятий и выражений растет с невероятной быстротой. Окказионализмы в большинстве своем не фиксируются в словарях русского языка, даже в словарях-справочниках «Новые слова и значения», в информационных лексикографических бюллетенях «Новое в русской лексике».

Отсутствие словаря окказионализмов частично восполняется изданием словарей новообразований (в основном поэтических) разных авторов, например, «Словарь неологизмов Велимира Хлебникова», «Словотворчество Маяковского» и др.

Некоторая часть лексических окказионализмов отражена в так наз. «словарях языкового расширения», где авторские образования приводятся без контекста употребления, не сопровождаются словообразовательными или семантическими комментариями, ср.: *алосиний, синеальый* ‘оттенки фиолетового’; *алозолотная* ‘заря’; *ангелонравный; багровоносый; багрянородный* ‘царственно рожденный’; *багряноносец; болеусыпный, болеутишный* и др.

Поэтическое творчество — самая благоприятная лексической средой, в которой зарождаются новообразования. Окказионализмы выполняют индивидуально-стилистическую роль в определенном контексте и обычно не становятся достоянием общенационального языка. Но такие слова, принадлежащие авторской речи, не без основания называются «вечными» неологизмами: *широкошумные дубровы* (А. Пушкин), *звучно-мерные шаги* (М. Лермонтов), *громокипящий кубок* (Ф. Тютчев), *удилозакусный* (И. Тургенев), *светлозмейный* (А. Блок), *стихокрад* (М. Горький), *свежеобруганный* (Л. Леонов), *звонкокопытый* (А. Фадеев), *злыхательств-*

во, чумазый, головопял (М.Е. Салтыков-Щедрин), стушеваться (Ф.М. Достоевский), отсебятина (К. Брюллов), самодур, самодурство (А.Н. Островский), хлыщ, приживалка (И. Панаев), бездарь (И. Северянин), неудачник (И.А. Гончаров), интеллигенция (П. Боборыкин), прозаседавшиеся (В. Маяковский), Мойдодыр, Айболит (К. Чуковский) и т.д.

Примечательный факт: основную массу неологизмов и индивидуально авторских новообразований составляют сложные слова. Поэтому при составлении специального словаря сложных слов-синонимов данную категорию слов невозможно обойти вниманием. На первом этапе исследования из всего списка новообразований следует выделить три группы композитов по степени окказиональности:

а) окказионализмы *первой* степени — это стандартные, потенциальные образования, созданные в полном соответствии с деривационными нормами современного русского литературного языка (*алоголубой, алосиний* и т.п.);

б) окказионализмы *второй* степени — частично нестандартные образования, отступления от деривационной нормы которых не порождают трудностей семантической интерпретации. Например, композиты типа *эхоголосоые* у С. Кирсанова («мхи диалектов эхоголосоых») образованы по продуктивной модели и по аналогии с *звонкоголосый, большеглазый, темноволосый*;

в) окказионализмы *третьей* степени — это сугубо окказиональные, полностью нестандартные образования, семантическая интерпретация которых достаточно трудна, а отступление от деривационной нормы существенно. Такие образования часто не имеют аналогов даже среди окказионализмов и в словарь не включаются, например, *тюрьмым-тюрьма* А. Вознесенского («в душе — тюрьмым-тюрьма»).

Анализ окказионализмов разных типов является по преимуществу семантическим и проводится посредством семного и контекстуального методов, также привлекается анализ словарных дефиниций, словообразовательный и функционально-грамматический анализ.

Остановимся на информации, необходимой и достаточной для отграничения собственно окказионализмов от неологизмов, на критериях отбора новой лексики в лексикографическом источнике, а также определим отношения между терминами **узуальные слова, окказиональные слова, новые слова, неологизмы**.

Слова, входящие в состав современного русского литературного языка, традиционно называют **узуальными** (общеупотребительными). Узуальные слова в совокупности составляют стабильную часть словаря. Они связаны системными отношениями, имеют общепринятое значение (А.А. Потемня называл его «ближайшим» [6]), они прошли отбор и являются нормой.

Окказиональные слова противостоят узуальным по всем признакам. Окказионализмы случайны и создаются по необычным моделям. Они не существуют вне конкретного контекста, не обладают регулярной воспроизводимостью в современном литературном языке, не связаны системными отношениями с узуальной лексикой, не имеют общепринятого значения. Вот зафиксированные классические примеры: *огончарован, кюхельбекерно, свинцовоночие, наукочванство, сонгминизация* и современные образования: *ракоходом, желтопрессник, гвозделов*.

Понятие **новые слова** лежит в совершенно иной плоскости, чем **узуальные** — **окказиональные слова**, и не соотносится с последними; оно обнаруживается при диахроническом анализе лексики в достаточно узких временных пределах [4]. Слова, которые стали узуальными совсем недавно, принято называть **неологизмами**.

Окказиональные слова обычно также имеют оттенок новизны, и это их сближает с неологизмами. Однако неологизмы — это единицы словаря языка, регулярно воспроизводимые единицы языковой системы, тогда как окказионализмы — это единицы речи. Проблема отграничения окказиональных слов от новых узуальных имеет два аспекта — теоретический и практический.

Вопрос, существует ли данное слово в языке, имеет особую остроту для лексикографов. Еще в 1957 г. Н.И. Фельдман настойчиво рекомендовала лексикографам «строго отличать окказиональные слова от неологизмов и первые в словарь не включать» [7], при этом она считала главным критерием отбора чутье автора или редактора словаря. Естественно, что возникает вопрос о существовании более строгих объективных критериев.

Два главных препятствия мешают отграничить окказиональные слова от узуальных.

1. Существует такой этап в жизни слова, когда оно еще не воспроизводится, но уже творится многими и практически одновременно. Данное обстоятельство характерно и для терминообразования [3]. Можно ли считать этот период развития слова окказиональным?

2. В языке используются помимо слов стабильных, воспроизводимых как целостные единицы, так называемые нестабильные слова: они регулярно, совершенно подобно грамматическим формам, создаются в речи по продуктивным моделям. Это слова типа *темно-синий, немецко-русский, голубой-голубой, горе-богатырь, выставка-продажа, киноконцерт* и т.д. Поэтому правомерен вопрос: что же существует в языке — только модель или целостная единица? Вероятно, и то и другое.

Как справедливо отмечают многие ученые, между теми словами, о которых мы можем точно сказать «существуют в языке», и теми, о которых мы точно можем сказать «не существуют», есть как бы шкала переходных случаев.

Эпизодическая воспроизводимость характеризует слова, которые стоят на грани существования в общенациональном языке: они время от времени появляются в языке разных авторов, но еще не известны большинству говорящих на литературном языке. Таким было в 1956 г., по наблюдениям Н.И. Фельдман, слово *гладкопись* [7], то же происходило в 1965–1966 гг. со словами *океанавт* — *гидранавт* — *акванавт* [4], со словом *сиюминутный* до 1965–1968 гг. Для таких слов окказиональность — это начальный этап их жизни в языке.

Какая же частота слова достаточна, чтобы считать его употребляемым регулярно? Пока вопрос открыт. Часто появление окказионального слова сопровождается объяснением его внутренней формы, его словообразовательной структуры. На это обратил внимание Н.М. Шанский [9]. Так, например, на основе фразеологического оборота *постное лицо* возникает окказионализм *постнолицый*: *Уважающее себя лицо должно быть, по их представлениям, достаточно постным*.

Дескать, чем постнее, тем значительнее. Вроде бы даже не лицо, а лик. Пост-нолицый брат мой! Мы не хотим лика (из газет, пример Н.М. Шанского). Судя по всему, критерий мотивированности также не является строгим, так как множество окказиональных слов вообще не мотивировано. Иногда они «подаются» как общеизвестные.

Еще один критерий — наличие окказиональной структуры как структурный признак окказиональных слов — был предложен В.Н. Хохлачевой [8]. Действительно, у многих окказионализмов окказиональная словообразовательная структура: *госмужжи, гиперкомпенсировать* и др. Но также неоспоримо и то, что подавляющая масса окказиональных слов образована по продуктивным моделям: *бурнорастущий, главновозражающий, чудаколюбивый, чудаколюбие, чудакофильство, студентолюбие, наступательно-восторженный* и т.д.

Следовательно, и этот признак не является строгим критерием отграничения окказиональных слов от узуальных, как и два последних: в системе языка иногда закрепляются абсолютные синонимы как разнокоренные, так и однокоренные. Выделение же на письме слов кавычками может (в силу «многозначности» самих кавычек) указывать не на окказиональность, а, допустим, на ироническое употребление слова или на слово, которое для отправителя речи является чужим.

Поэтому, решая вопрос в теоретическом плане, нужно признать, что строгий критерий отграничения новых окказиональных слов от новых узуальных затруднителен — в лучшем случае можно говорить только о той или иной тенденции вхождения слова в язык. В практическом же плане этот вопрос может быть решен. Наличие у слова трех-четырёх признаков окказиональности позволяет относить слово к фактам речи, а не языка. При этом основным критерием является регулярность/нерегулярность использования слова в литературном языке.

Проектируемый словарь синонимов русского языка является практическим словарем-справочником, назначение которого — представить исчерпывающую лингвистическую информацию о синонимических связях каждого сложного слова, включенного в состав словаря. Сложные слова далеко не всегда находят отражения и в словарях синонимов либо включаются в них как периферия синонимического ряда. Причиной тому является весьма специфическое расслоение корпуса сложных слов по стилистическим пластам лексики: большинство стилистически-маркированных композитов представляют собой либо архаичную, устаревшую лексику, либо, о чем было подробно сказано выше, напротив, неологизмы, окказионализмы и термины, которые часто остаются за пределами больших словарей русского языка.

Отсутствие четких критериев определения сложного слова, четкого разграничения сложных слов и аббревиатур и т.п. не позволяет лексикографам дифференцированно рассматривать сам характер сложения при определении первой части сложных слов в словаре. Поэтому сегодня в лексикографической практике следует ограничиться лишь общим указанием на то, что то или иное сложение является сложным словом [2]. Некоторые исследователи, исходя из своего понимания сложного слова и высказывая справедливую критику в адрес современных слова-

рей по этому вопросу, не всегда предлагают свое позитивное решение, приемлемое для словарной практики.

Так, ранее считалось, что МАС неправильно относит к сложным словам *околоушинный, внеслужебный, междугородный, межзональный, сверхплановый, сверхмощный, противоатомный, гидроэнергия, зоосад, зоогеография* и др., так как в этих словах первые компоненты *около-, сверх-, противо-, гидро-, зоо-* не являются знаменательными самостоятельными формантами. Словарь Д.Н. Ушакова критиковали за разную квалификацию, даваемую однотипным явлениям, например: композиты *гидроустановка, гидролиз, радиоустановка, телевидение* рассматриваются как составные, а *киноаппарат, киносеанс, зоопсихология, зоометрия, славянофил* и т.п. — как сложные слова.

В БАС эта форма встречается чаще всего (см. статьи на *лесо...*, *мало...*, *труд...*, *фото...* и др.), однако она не является единственной. Так, в статьях на *кино...*, *кож...*, *само...* к ней добавляется слово «составная», а в статьях на *агро...*, *азо...*, *астро...*, *арт...*, *энерго...* отмечается, что это первые части сложносокращенных слов.

В словарях Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова используется формула обозначения одного, хотя и очень распространенного, способа образования сложных слов (при статьях типа *авиа-*, *агит-*, *агро-*, *арт-* и под.) — сокращение в значении соответствующего прилагательного, ср.:

Агро... (нов.) — сокращение, употр. в новых сложных словах в знач. ‘агрономический’ (Д.Н. Ушаков); **Агит...** — сокращение в знач. ‘агитационный’ (С.И. Ожегов).

Сложные слова, построенные по той или иной словообразовательной модели, неоднородны в различных аспектах: есть такие сложения, модели которых утратили непосредственную связь с конкретным словосочетанием и не расшифровываются простой подстановкой слов этого словосочетания, например: *авиабилет, авиапассажир, авиагоризонт, авиасигнальный* и т.п.; или же слова, переставшие вообще восприниматься как сложные: *авианосец, аэродром, аэростат, автомат, библиотека* и т.п. [см.: 1].

Наличие у сложного слова своих производных делает его (соответственно и его производные) полноправной единицей лексической системы языка и дает преимущественное право на включение в словарь как самого этого слова, так и его производных, например: *детсад, детсадовский, детсадовец; У Анатолия и Дуси двое ребятишек: первоклассник Андрюша и детсадовец Коля* [5].

Вопрос о признании сложных слов, типа *лазурно-крылатый, чувственно-пунцовый* как окказиональных образований в современной русистике не имеет единого решения. Но в большинстве случаев композиты-прилагательные и существительные, образованные на базе узуальных слов, рассматриваются как неологизмы, если семантика их частей разнородна, например: *приманчиво-обреченно-кроткий, человечекрównый, нетрónуто-свободный, чéстно-дóлгий, предупредительно-молчáщий, прéсно-спéлый, мучительно-влюбленный, облачно-красный,*

нежданно-серый, полуувечный, белоконный, розовобликий; призывосвист, роднозём, нео-форма, быстротечка и др.

Развитие и становление продуктивных словообразовательных моделей сложений, их семантические изменения находятся в соответствии с теми процессами, которые происходят в языковой системе русского языка в целом.

Среди окказионализмов обнаруживается огромное количество композитов. Это подтверждает мысль о том, что для окказионализмов характерно семантическое сгущение. Образование по конкретному образцу, путем замены в единице-модели реального или образного элемента является одним из продуктивных способов создания лексических инноваций. Так, СМИ толерантно относятся к иноязычным влияниям и часто используют заимствованные компоненты для образования окказионализмов. Окказиональная лексика имеет все основания быть включенной в разрабатываемый словарь композитов-синонимов русского языка в качестве дополнительной иллюстрации синонимического ряда и более подробной проработки значения композита. Окказионализмы, при всех своих свойствах, отличающих их от узуальных слов: принадлежности к речи, функциональной одноразовости, творимости, экспрессивности, синхронно-диахронной диффузности и индивидуальной принадлежности, не отрицают при этом фактов употребления новообразований разными авторами.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бабкин А.М. (1971; 2010). Новый академический словарь русского языка. Проспект [Babkin, A.M. New academic Russian dictionary. Project] Ленинград; Москва.
- [2] Галаванова Г.П. (1976). Словообразовательные модели с *авиа-*, *авто-*, *аэро-* и др. в словаре русского языка [Galavanova, G.P. Word-building models using *avia-*, *avto-*, *aero-* in Russian dictionaries]. Москва.
- [3] Карпухина Н.М., Шерстюкова О.В. (2015). Экспрессивные номинации в терминологической лексике экономической сферы деятельности [Karpukhina, N.M., Sherstyukova O.V. Expressive nominations in terminological lexis of economic sphere of activity] // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология», 2015. № 3. С. 34—36.
- [4] Миськевич Г.И., Чельцова Л.К. (1970). Новые слова, их принятие и нормативная оценка // Актуальные проблемы культуры речи [Miskevich, G.I., Cheltsova L.K. New words, their adaptation and normative evaluation]. МОСКВА, 1970. С. 243—272.
- [5] Новые слова и значения (1984) [New words and meanings]. Словарь-справочник (по материалам прессы литературы 70-х годов). Москва.
- [6] Потехина А.А. (1958). Из записок по русской грамматике [Potyebnaya, A.A. The notes on Russian Grammar]. Москва.
- [7] Фельдман Н.И. (1957). Окказиональные слова и лексикография [Feldman, N.I. Nonce words and lexicography] // Вопросы языкознания, 1957. № 4. С. 64—73.
- [8] Хохлачева В.Н. (1962). Индивидуально-оценочное словообразование в русском литературном языке XIX в. (Имена существительные) [Khokhlacheva, V.N. Individual-emotive word-building in Standard Russian of the XIX century] // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. МОСКВА Т. V. С. 169—171.
- [9] Шанский Н.М. (1970). Ленинские неологизмы [Shanskiy, N.M. Lenin's neologisms] // Русский язык в школе. № 2. С. 43—57.

NONCE WORDS AND NEW COMPOSITES IN THE RUSSIAN LANGUAGE DICTIONARY OF COMPOUND WORDS

N.M. Merkuryeva

Plekhanov Russian University of Economics
Stremyannoy per., 36, Moscow, Russia, 117997
kafrus@pochta.ru

The article presents the problem of nonce words and neologisms in their lexicographic presentation in special and multidimensional dictionaries. Due to the fact that the nonce words, as a rule, not recorded in dictionaries of the Russian language, the problem of lexicographically these categories of words are particularly relevant. The article analyzes the set of distinctive features of occasional words-composites, describes the criteria for delimitation of composites-of nonce words from language usage vocabulary and neologisms. The article justifies the necessity to include nonce words in the composites dictionary composites which is being developed at present.

Key words: nonce words, neologism, individual nonce words, composite, compound words, dictionaries, lexicography, composite synonymy.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ВУЗЕ: ТРАДИЦИИ, НОВАЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ». Москва, МГИМО (У) МИД РФ, 25—26 февраля 2016 г.

**Н.Д. Афанасьева, М.В. Беляков,
А.А. Васильева**

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454
russ-mgimo@mail.ru

25—26 февраля 2016 г. в МГИМО МИД России состоялась IV Международная научно-методическая конференция «Преподавание русского языка как иностранного в вузе: традиции, новации и перспективы», организованная кафедрой русского языка для иностранных учащихся. Конференция является традиционной и проводится раз в два года. В этом году научное мероприятие было приурочено к 70-летию кафедры русского языка для иностранных учащихся МГИМО МИД России. В работе конференции приняли участие как коллеги из ведущих вузов страны (МГУ им. М.В. Ломоносова, РУДН и др.), так и коллеги из высших учебных заведений стран ближнего (Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Украина) и дальнего зарубежья (Египет, Ирак, КНР, Республика Корея, Польша). Общее количество участников составило более 120 человек.

В первый день работы конференции прошло пленарное заседание, на котором с приветственным словом к собравшимся обратился начальник Международного управления МГИМО МИД России, к. ист. н. Е.В. Андреев. Затем выступил декан факультета Международной журналистики МГИМО МИД России, к. социол. н. Я.Л. Скворцов, отметивший, что за годы работы кафедра русского языка для ино-

странных учащихся МГИМО МИД России достигла высоких результатов в обучении иностранных студентов русскому языку и в организации научной работы.

На пленарном заседании прозвучали доклады профессора, д. филол. н., профессора кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного МГУ имени М.В. Ломоносова Е.Л. Бархударовой «Лингвокультурология в обучении иностранцев русской звучащей речи», профессора, д. филол. н., профессора кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов Е.А. Красиной «Свободный или связанный порядок слов в русском языке?», профессора, д. филол. н., доцента Института русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова Т.Е. Владимировой «На пути к интегративной парадигме обучения русскому языку как иностранному».

Заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся МГИМО к. пед. н., доц. Н.Д. Афанасьева выступила с докладом, посвященным истории создания кафедры, организации ее работы на современном этапе и планам на будущее.

Завершилось пленарное заседание просмотром кинофильма о памятных страницах жизни кафедры, который был создан с помощью архивных и современных фото- и видеоматериалов специально для юбилея.

26 февраля конференция продолжила работу в секциях по следующим направлениям:

— актуальные процессы в современном русском языке (руководитель секции профессор, д. филол. н., профессор О.И. Максименко, МГОУ);

— использование традиционных и новаторских методов преподавания русского языка как иностранного (руководитель секции д. филол. н., профессор, зав. лабораторией С.С. Хромов, РЭУ им. Г.В. Плеханова);

— формирование языковой компетенции в профессиональной сфере (руководитель секции зав. кафедрой, к.п.н., доц. Е.В. Орлова, ИВГМА);

— учебник русского языка как иностранного: традиции и перспективы (руководитель секции доц., к. филол. н., доц. А.К. Перевозникова, МГИМО);

— роль лингвокультурологии в преподавании русского языка как иностранного (руководитель секции доц., к. филол. н., доц. М.О. Чичина, МГИМО).

В работе конференции приняли участие и молодые преподаватели кафедры: выступали с подготовленными докладами на заседаниях секций (например, А.А. Васильева на тему: «Основные понятия и термины гендерной лингвистики»), участвовали в дискуссиях, задавали сложные вопросы ведущим специалистам.

Участники конференции отметили хорошую организацию мероприятия, высокий научный уровень выступлений и дискуссий, а также выразили надежду на продолжение сотрудничества с кафедрой русского языка для иностранных учащихся МГИМО МИД России.

**IV INTERNATIONAL SCIENTIFIC-AND-METHODICAL
CONFERENCE “TEACHING RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE IN HIGHER SCHOOL
INSTITUTIONS: TRADITIONS, INNOVATIONS, PROSPECTS”.**

Moscow, MGIMO (U) RF Foreign Ministry.

Moscow, February, 25—26TH, 2016

N.D. Afanasyeva, M.V. Belyakov,

A.A. Vasilyeva

Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO-University), Ministry of Foreign Affairs RF
Vernadskogo ave., 76, Moscow, Russia, 119454
russ-mgimo@mail.ru

НАШИ АВТОРЫ

АЗИМОВА Ирода Алишеровна (Узбекистан) — докторант кафедры «Теория и практика языка» факультета узбекской филологии Национального университета Узбекистана; e-mail: i.a.azimova@nuu.uz

АЛЕКСАНДРОВА Оксана Ивановна — доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: alexandrova_oi@pfur.ru

АФНАСЬЕВА Нина Дмитриевна — заведующая кафедрой русского языка как иностранного МГИМО (У) МИД России, кандидат педагогических наук, доцент; e-mail: n.afanaseva@inno.mgimo.ru

БЕЛЯКОВ Михаил Васильевич — доцент кафедры русского языка как иностранного МГИМО (У) МИД России, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: m.belyakov@inno.mgimo.ru

БОБЫЛЕВА Елена Сергеевна — преподаватель Всероссийской академии внешней торговли, соискатель кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; e-mail: elena.mslu@gmail.com

БУРАГО Елена Геннадьевна (Украина) — аспирант Институт языкознания Национальной академии наук Украины; e-mail: burago@list.ru

ВАСИЛЬЕВА Анна Александровна — преподаватель кафедры русского языка как иностранного МГИМО (У) МИД России; e-mail: russ-mgimo@mail.ru

ДЖУСУПОВ Нурсултан Маханбет улы — стажер-исследователь кафедры общего и русского языкознания РУДН, кандидат филологических наук; e-mail: nursultan79@mail.ru

ЕРШОВ Виктор Иванович — доцент военной кафедры МГИМО-Университет МИД РФ, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: ershovik@mail.ru

ЗАВРУМОВ Заур Асланович — проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала университета; профессор кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: nauka@pglu.ru

ИВАНОВА Ираида Геннадьевна — доцент кафедры романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», кандидат филологических наук, доцент; e-mail: iraida44@yandex.ru

ИКОННИКОВА Ольга Николаевна — преподаватель Ростовского института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, кандидат филологических наук; e-mail: iconolga@mail.ru

КАРТАШКОВА Фаина Иосифовна — профессор кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии Ивановского государственного университета, доктор филологических наук, профессор; e-mail: kartashkova@rambler.ru

КИМ Наталья Дек-хеновна (Узбекистан) — доцент кафедры корейской филологии Ташкентского государственного института востоковедения, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: kimnd69@gmail.com

КНЯЗЕВА Анастасия Андреевна — преподаватель кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии Ивановского государственного университета; e-mail: KnyazevaAnastasia@mail.ru

КУЖАРОВА Ирина Витальевна — аспирант Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал РГЭУ); e-mail: renie09@yandex.ru

ЛОМАКИНА Ольга Валентиновна — доцент кафедры современного русского языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, кандидат филологических наук; e-mail: rusoturisto07@mail.ru

МАЙКОВА Татьяна Анатольевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; e-mail: maykova_ta@pfur.ru

МАКАРОВА Александра Стефановна — старший преподаватель кафедры иностранных языков и романской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; e-mail: aleste_63@mail.ru

МЕРКУРЬЕВА Наталия Михайловна — доцент кафедры русского языка и культуры речи Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат филологических наук; e-mail: asmerkurieva@mail.ru

НИКОЛАЕВА Ульяна Андрияновна — магистр кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; e-mail: ulina.pochta@gmail.com

НИКУЛИНА Елена Фёдоровна — старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; e-mail: nikole4239@yandex.ru

ОРЛОВА Татьяна Геннадьевна — доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: rudn1964fev@yandex.ru

ПЕРЕВОЛОЧАНСКАЯ Светлана Николаевна — доцент кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, доцент; e-mail: perevolochanskaja@yandex.ru

СЕМЕНКОВА Людмила Алексеевна — доцент кафедры иностранных языков Юридического института РУДН, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: lf.law9@gmail.com

СЕМЁНОВ Аркадий Львович — профессор кафедры переводоведения и перевода английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, доктор филологических наук, профессор; e-mail: arksem@gmail.com

СЕМЕНОВА София Новиковна — старший преподаватель кафедры английского языка в профессиональной сфере ФГБОУПО «Кубанский государственный университет», факультет романо-германской филологии, кандидат филологических наук; e-mail: sofya.semenova75@yandex.ru

СЛИВЧИКОВА Юлия Владимировна — аспирант кафедры испанского языка МГИМО-Университет МИД РФ, магистр филологии; e-mail: aurora85@bk.ru

ФЁДОРОВА Нина Григорьевна — доцент кафедра африканистики Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: ehduard. ryabcev@yandex.ru

ФОМЕНКО Татьяна Андреевна — доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ГОН ВО Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» (г. Коломна); e-mail: tatfomenko@yandex.ru

ХАБИБУЛЛИНА Флёра Яхиятовна — доцент кафедры фундаментальной медицины ФГБОУ ВО «Марийский государственный Университет», кандидат педагогических наук, доцент; e-mail: khflora@yandex.ru

ХРОМОВ Сергей Сергеевич — заведующий лабораторией теоретической и прикладной лингвистики Центра гуманитарной подготовки, профессор кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор филологических наук, профессор; e-mail: chelovek653@mail.ru

ЮАНЬ Лиин (КНР) — аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: yeliannayuan@yandex.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал **Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика»** издается с 2010 г. (ISSN 2313-2299 print). Это периодическое научное издание выходит 4 раза в год, включено в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным по составу редакционной коллегии, по тематике и авторам публикаций.

Журнал Вестник РУДН серии «Теория языка. Семиотика. Семантика» углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка. Издание адресовано филологам, философам и другим представителям гуманитарного знания. Его авторы — доктора и кандидаты филологических и философских наук, аспиранты, докторанты и студенты-магистры России, ближнего и дальнего зарубежья.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Статьи и анкеты авторов (Сведения об авторах) присылаются отдельными файлами на адреса: elena_krassina@mail.ru и novospasskaya72@mail.ru.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами — российскими и зарубежными. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Авторы, желающие получить номер с опубликованной статьей, оформляют подписку на два выпуска журнала; подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

СПАСИБО ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО!

INFORMATION FOR AUTHORS

Journal **Bulletin of Peoples' Friendship University** series “**Theory of Language. Semiotics. Semantics**” was founded in 2010 (ISSN 2313-2299 print) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's international regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. There are published 4 issues a year.

The journal is addressed to the attention of philologists and linguists, philosophers and other researchers in humanities. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and postgraduate students and MA students from Russia and abroad. The publication is carried out both in Russian and English.

The journal strives to elaborate and deepen the studies in the domains of general and special theory of language; theory of speech, semiotics of language and other systems of the kind, language units of various status, semiotics and poetics of fiction texts, cognitive science, functional semantics, comparative and typological studies of language and cognitive categories.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Articles and author's data (Author's data file) should be mailed to the following addresses: elena_krassina@mail.ru и novospasskaya72@mail.ru.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts, foreign and Russian ones. The editorial board makes up a decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Authors are supposed to subscribe the Bulletin, if they'd like to have an issue with their article published. **THANK YOU FOR COOPERATION! WE ARE LOOKING FORWARD TO YOUR SUBMISSIONS.**

Научный журнал

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Серия:
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА

2016, № 2

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»
(ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198)

Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16

Адрес редакционной коллегии
серии «Теория языка. Семиотика. Семантика»:
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198
Тел.: +7 (495) 433-70-22
e-mail: semioticjournalrudn@pfur.ru

Подписано в печать 12.05.2016. Выход в свет 26.05.2016. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 22,32. Тираж 500 экз. Заказ № 447

Цена свободная.

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
тел. (495) 952-04-41

Scientific journal

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Series:
THEORY OF LANGUAGE.
SEMIOTICS. SEMANTICS

2016, N 2

Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board
Series «Theory of Language.
Semiotics. Semantics»:
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-70-22
e-mail: semioticjournalrudn@pfur.ru

Printing run 500 copies

Open price.

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41